

ОТБЛЕСКИ
ЭТЕРНЫ

ВЕРА КАМША

ЛИК ПОБЕДЫ

III

Вера Викторовна Камша
Лик Победы
Серия «Отблески Этерны
(Сериал Этерна)», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127489

*Лик Победы: Эксмо;
ISBN 978-5-04-156900-6*

Аннотация

Победа... Поражение... Порой их так трудно различить. Кто-то торжествует, кто-то проклиняет, кто-то меняет сторону, кто-то не понимает, как подобное могло произойти и почему именно с ним. Ужас в глазах приговоренных, счастье на лице палача, вылетевший из неистового света черный всадник, свист сабли и смерть.

Поражение... победа... Кто-то, взглянув им в лицо, остается человеком, кто-то перестает им быть. Чего стоит уже оказанная услуга? Вырванное силой отречение? Данная сторяча клятва, верность, дружба, любовь?

Мятеж может кончиться удачей, а удача списывает все долги, победителей не судят, победители получают все, что хотят... или все, что заслужили? Трещат под ударами таранов корабельные борта, мчится сквозь роковую ночь загадочная Охота, предвещают неизбежность скрипки. В поддельных цветах

и поддельных клятвах прячется смерть, она готова ужалить. Она ужалит.

Победа... Поражение... Порой они меняются местами. Кто останется человеком, кто вообще останется?

Содержание

Белая ель	7
Пролог	8
Часть I	15
Глава 1	15
Глава 2	27
Глава 3	43
Часть II	58
Глава 1	58
Глава 2	68
Глава 3	78
Глава 4	88
Глава 5	98
Часть III	114
Глава 1	115
Глава 2	124
Глава 3	132
Эпилог	148
Лик победы	151
Часть первая	153
Глава 1	153
Глава 2	169
Глава 3	184
Глава 4	209

Глава 5	226
Глава 6	245
Глава 7	255
Глава 8	273
Глава 9	287
Глава 10	305
Конец ознакомительного фрагмента.	316

Вера Викторовна Камша

Лик Победы

© Камша В.В., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Автор благодарит за оказанную помощь

*Александра Бурдакова, Георгия Виноградова,
Ирину Гейнц, Марину Ивановскую, Дмитрия
Касперовича, Александра Куцаева, Константина
Линника, Даниила Мелинца, Юрия Нерсесова,
Артема Хачатурянца, Елену Цыганову*

*Во время войн спартанцы носят одежды
красного цвета... Если кто из спартанцев бывает
ранен, врагам этого незаметно, так как сходство
цветов позволяет скрыть кровь.*

ПЛУТАРХ

Белая ель

Алатская легенда

Пролог

F. Schubert. Serenade¹

«Шел 328 год Круга Молний, когда Виктор-Антониан, король агаров и алатов, усомнился в верности господаря нашего Матяша Медвежьи Плечи и решил укрепить союз с Алатом посредством брака племянницы своей Анны-Паолы-Рафаэлы и Миклоша, старшего сына и наследника господаря нашего...»

Хроника монастыря Святого Ласло Алатского

1

Миклош осадил жеребца, любуясь на белый дворец у реки, такой непохожий на суровые алатские крепости. Любопытно, какова живущая там девица, которую, если все сладится, придется называть женой? Кошки б разодрали агарисских святош, выдумавших и навязавших добрым людям законный брак. В былые времена мужчине, чтоб обзавестись наследником, не требовалось привязывать себя к одной-единственной женщине. Старые боги ценили кровь, а не слова, любовь, а не браслет, что запросто может оказаться

¹ Франц Шуберт. Серенада.

кандальным.

– Красивые места, – Янош, побратим алатского наследника и знатный весельчак, с нескрываемым удовольствием глядел на цветущую равнину, – если б не агары, цены бы не было.

– Ты этого только при хозяевах не брякни, – хмыкнул Миклош. – Мы сюда не за яблоками приехали, а за агарийкой.

– Да помню я, – отмахнулся Янош. – Только из змеюки птичку не сделать. Мало в Алати красоток, чужачка занадобилась.

– Красоток и впрямь много, – согласился наследник, – на всех не женишься, а с чужачкой никому обидно не будет. И потом, ты же сам знаешь...

– Знаю. – Лицо побратима сразу поскучнело. В его семье агаров ненавидели даже больше, чем в доме господаря, но сила была на стороне короля и церкви, которой нравилось держать в одной запряжке кошку и собаку. Считалось, что Агария и Алат объединились добровольно. Как бы не так! Сидящий в Крионе хитрохвостый агар с двойной короной на плешивой голове спал и видел превратить алатов в баранов для стрижки. Зимой ему стрельнуло в голову привязать дом Мекчеи к Агарию еще крепче. Отцу предложили на выбор – либо отдать в Агарию дочь, либо женить сына на агарийке.

Витязи не торгуют сестрами и дочерьми, а жена – не стена, можно и подвинуть. Господарь при полном согласии семьи и вассалов выбрал меньшее из зол. И теперь Миклош должен

привезти это зло, которое зовут Анна-Паола-Рафаэла, в свой дом.

Алатский наследник задумчиво подкрутил темный ус и поправил шапку с журавлиным пером.

– Не робей, Янчи, вывернемся. Считай, что мы на охоте.

– Отродясь на мармалюц не охотился, – не смог не огрызнуться Янош. – А, была не была, пересолим да выхлебнем.

2

У Миклоша Мекчеи были черные глаза, дерзкие и веселые. Самые красивые в мире. Рафаэла смотрела в них и не понимала, как жила без алатского рыцаря почти восемнадцать лет. Подумать только, утром она едва не расплакалась, узнав о приезде жениха, а вечером готова идти в Алат пешком через все горы и реки.

– Прекрасная Рафаэла покажет мне сад? – поклонился Миклош, и отец довольно улыбнулся.

– О да, сударь, – пролепетала девушка и поднялась, благословляя родных, заставивших ее надеть лучшее платье – белое с изумрудной, в цвет глаз, отделкой. Миклош тоже улыбнулся и подал обернутую плащом руку. Вздрогнула, выронила хрустальный бокал мать, кто-то – Рафаэла не поняла кто – пробормотал «к счастью». Братья громко заговорили о соколиной охоте, Миклош тронул свободной рукой темный ус:

– Если прелестная Рафаэла боится, что роса намочит

ее милые ножки, найдется рыцарь, готовый ее нести хоть до Рассветных садов.

Прелестная Рафаэла предпочла идти сама, хотя ноги держали плохо, а голова кружилась, как в детстве, когда она нечаянно хлебнула розового ликера. Миклош что-то говорил, она понимала и не понимала одновременно, потому что главное было в другом, в том, что *он* здесь, рядом. Он нашел ее, а ведь они могли никогда не встретиться. Как страшно!

– Что ответит моя звезда? – требовательный голос прорвался сквозь сияющую стену, отделившую Рафаэлу от ставшего вдруг прошлым мира. – Могу ли я надеяться?

На что? От нее что-то зависит, что-то важное для него? Да она отдаст все – сердце, жизнь, душу, только б он не исчез, не рассыпался белыми лепестками, как рыцари ее снов.

– Прелестная Рафаэла молчит, но молчание может значить так много. Оно может убить, а может дать жизнь.

– Что? – выдохнула девушка. – Что я должна сделать?

– Красота не может быть никому должна. – Голос алата стал хриплым, словно он был болен, или это она больна? – Но я воин, я должен знать правду. Если прекрасная Рафаэла велит мне уйти, я уйду. Я смогу жить, смогу сражаться, но мир для меня погаснет.

Она все еще не понимала, только сердце билось часто-часто. Миклош опустился на колени и склонил голову:

– Каков будет приговор?

– Приговор? – пролепетала племянница короля. – Какой

приговор?

– Рафаэла отдаст мне свою руку, – рыцарь резко поднял голову, в темных глазах сверкнули золотые искры, – и сердце?

Девушка вздрогнула, лунный свет разбился о шитую золотом перевязь любимого. Из раскрытых окон донеслись звуки лютни – пришел менестрель, тот самый, что пел о любви, победившей саму смерть.

– Одно слово, – потребовал ответа Миклош, – только одно. Да или нет?

– Не здесь, – Рафаэла, поразившись собственной смелости, схватила чужую руку, горячую и сильную, – не здесь. Идем.

Они почти бежали через белую от ночных маков поляну, а вокруг плясали светлячки, а может, это были звезды? Миклош молчал, но, когда девушка споткнулась, подхватил ее на руки.

– Куда? – спросил алат, и агарийка, не в силах разлепить губы, махнула рукой. Вперед, туда, где заросли были всего гуще, но сквозь них упрямо светила вечерняя звезда.

– Голубка, – шептал Миклош, – белая голубка с зелеными глазами... Моя голубка...

Поляна кончилась, над ними сомкнулись усыпанные невидимыми в темноте колокольчиками ветки, пылающие щеки остудила роса. Сюда музыка не доносилось, но где-то рядом заливался соловей.

– Куда? – повторял Миклош, и Рафаэла, все еще не в силах говорить, показывала.

Заросли барбариса, поляна уже увядших примул, форелевый ручей, живая изгородь, старая акация... Девушка тронула гостя за плечо, не находя нужных слов.

– Это здесь? То, что ты хочешь мне показать?

Это здесь, но как рассказать о повязанной ночью ленте, засыпанном колодце, алой бабочке, предсказавшей счастье?

– Сударь...

– Да?

– Это... это очень старое место. Раньше тут было... были...

– Сюда приходили спутники Прежних? – в голосе Миклоша не было удивления, напротив... – В Алате много таких мест – Вэшани, Рáдица, Сáкаци...

– Они и сейчас здесь. – Она не будет иметь тайн, нет, не от супруга – от любимого, единственного, бесценного. – Миклош, я люблю тебя, только тебя и навсегда. Я умру за тебя, я... Ты – моя жизнь, я не верила... Не понимала...

– И я не понимал, – рыцарь сжал ее руку до боли, – не знаю, тут ли те, кто помнит, но кровью своей клянусь: ты будешь со мной счастлива! И будь я проклят во веки веков, если я тебя обману.

– Миклош... Я не предаю тебя, никогда не предаю. Только не тебя!

Это был ее первый поцелуй, и он был таким же, как в бал-

ладах. Нет, в четыре, в сорок четыре раза прекраснее. Стена из белых лепестков сомкнулась, отделяя двоих от пиров, разговоров, войн, боли, смерти, старости. Рафаэла смеялась, плакала, шептала что-то безумное и слышала в ответ самые нужные в мире слова, а рядом, захлебываясь от весны и радости, пел соловей.

Часть I

J. Brahms. Ungarische Tänz Nr 8²

Был у господаря нашего Матяша друг и побратим Пал Ка`рои. Небогатого он был роду и незнатного, но мужество и верность витязя вознесли его превыше первейших вельмож. Матяш не раз хотел пожаловать Карои за службу богатые владения, но тот отказывался. Так и шли кони Матяша и Пала рядом, пока в бою с беззаконными гайифскими разбойниками Карои не был тяжело ранен. Смерть пощадила витязя, но он ослеп. Матяш просил друга принять лучшие в Алате виноградники, но Пал сказал, что по воле Создателя он одинок и ему некому оставить богатства. Тогда господарь назначил Пала Карои пожизненным управителем Черной Алати и подарил ему замок Са`каци и все окрестные земли.

Хроника монастыря Святого Ласло Алатского

Глава 1

1

Ба́рболка Че́кеи любила петь, а в этот день не петь было

² Иоганнес Брамс. Венгерский танец № 8 ля минор.

невозможно. Особенно на лесной дороге. Близился полдень, внизу, в долине, стояла иссушающая жара, но поросшие буками склоны защищали от зноя.

Дорога была не то чтоб заброшенной, просто в будний день все при деле. Те, кто торопился на торги, проехали утром, остальные – кто в поле, кто на виноградниках, а господа по жаре не ездят, вот Барболка и пела в свое удовольствие. Слышать девушку могли разве что облака да старая собака, увязавшаяся за хозяйкой то ли со скуки, то ли в надежде перехватить в Яблонях пару косточек.

Правду сказать, отправляясь в Яблони к материнской родне, Барболка была зла на весь свет и на отца, пропившего ее монисто и оставшуюся после матери шаль, но долго злиться девушка не умела. Пьяненький родитель и лесная лачуга остались позади, светило солнце, цвела кошачья роза, синие стрекозы гонялись за мухами, и обида куда-то делась. Барболка сошла с дороги, нарвала гвоздики-травянки, соорудила себе венок и поняла, что счастлива, несмотря на папашу и жениха. Хорошего жениха – молодого, красивого, богатого. Фэруш был сыном мельника, Барболка – дочкой спившегося пасечника, за которой приданого – пара черных глаз да кошища, хоть на четырех невест дели.

На свой счет девушка не обольщалась, глядеть-то на нее глядели, да женихов у бесприданницы было раз, два да и обчелся. Кто побогаче да повидней, тот или женат, или родите-

ли за хвост держат. Когда в Золотую Ночку³ Феруш напоил голодранку молодым вином, мельничиха чуть собственным языком не подавилась, но сын уперся. Или Барболка, или никто. Мельник принял сторону Феруша, и Барболка надела браслет. Серебряный, с сердоликами, любая обзавидуется. Жаль, папаша его не пропил. Тогда бы от нее все отстали.

Барболка упрямо мотнула головой и запела о веселой малиновке.

— *Птичка моя птиченька,*

— *выпевала пасечница, шагая между серебристыми расписными стволами, —*

где летала,

Птичка моя птиченька, что видала?

Над горами черными я летала,

Молодых охотников я видала,

Платье в золоте у них, кони быстрые,

И летят из-под копыт звезды искрами.

Кони быстрые у них, стрелы острые

И летят из-под копыт искры звездами...

Это не горе, что она встала на рассвете и выскочила из дома натошак. Это не горе, что ноги начинают уставать, а

³ В Черной Алати лето начинается в **Соловьиную ночь** (ночь Летнего Излома), осень – в **Золотую ночь** (Осенний Излом), зима – в **Темную/Седую ночь** (Зимний Излом), весна – в **Серебряную ночь** (Весенний Излом).

до Яблонь еще далеко. Это не горе, что ей не в чем идти в церковь, а Феруш носит синюю жилетку и нос у него утиный...

*В синем небе радуга, радуга,
Кони пляшут, радуйся, радуйся!
В синем небе ласточка, ласточка,
Ты целуй меня, целуй ласково...*

Жужа остановилась и твякнула. Чего это она? Стук копыт за спиной. Всадники, и много, ну да чего ей бояться среди бела дня? Барболка отступила к обочине и обернулась. Так, из любопытства.

Человек двадцать на сытых конях, в ярких доломанах. Не иначе, в замок сакацкий гостевать едут. Рука Барболки метнулась вверх, поправляя венки. Зачем? Они сейчас мимо проскачут, только пыль и останется, а она пойдет дальше. К троюродной тетке и суженому.

Витязи уже совсем близко. Впереди, конь о конь, молодой парнишка и седой темноусый воин. Наверное, главный. На всякий случай Барболка поклонилась. Конечно, ее не заметят, но мало ли.

Старший придержал коня и что-то велел молодому. Серый жеребец свернул с дороги. Какая богатая сбруя! Галуны на седле лучше, чем у Феруша на праздничной куртке. А уздечка золоченая, не иначе.

— Это ты сейчас пела на дороге? — голос у парня ломался,

как у молодого петушка, а глаза были карими, телячьими.

– Я, гици⁴, – призналась Барболка, проклиная босые ноги и путающуюся в ногах облезлую Жужу.

– Господарь хочет с тобой говорить.

Господарь? С ней? Девушка вскинула подбородок и пошла вперед. Жужа тявкнула и потрусил за хозяйкой. Ну и пусть! Она не гица, а дочка пасечника, вот и ходит босиком.

– Звал, гици? – выпалила Барболка, и в эти два слова ушла вся ее смелость.

– Звал, – подтвердил проезжий, – хорошо поешь. Охотнички б вечные тебе то же сказали, хорошо поешь.

– Благодарствую, – девушка поклонилась и подняла глаза. Господарь был в годах, но хорош собой. Таких в песнях называют горными кедрами и седыми волками. Только вот смотрел как-то странно, вроде на Барболку, а вроде и мимо. А вот спутники его, те не терялись, знай себе подмигивали да подкручивали усы. Настоящие витязи, сразу видать, только куда ястребам до орла.

– Куда идешь, красавица? – Старший по-прежнему смотрел куда-то вдаль.

– До Яблонь, если гици дозволит, – выдохнула Барболка, чувствуя: сейчас что-то случится. – Тетка у меня там. Троюродная.

– Тетка? – Статный злой жеребец дернулся и всхрапнул,

⁴ Гици (гица) (*алат.*) – господин, госпожа.

показывая белки глаз, но всадник с легкостью его удержал, только камни на цепи сверкнули. Дорогие камни, может, даже рубины... – А живешь-то ты с кем?

– С отцом, – нехотя признала девушка, так как питейные подвиги Гášпара Чекеи прославили его на всю округу, – здесь, недалече.

– Недалече? – все еще черная бровь дернулась кверху. – Тут же лес кругом.

– А мы и живем в лесу, чай, не гици, – опять вздернула подбородок Барболка, чувствуя, как румянец заливает щеки. Что на нее все мужики пялятся, будь хоть седые деды, хоть сопливые мальчишки, красотка-пасечница привыкла, но отрешенный взгляд завораживал и бесил.

– Что ж, диво лесное, – красивые губы раздвинула улыбка, по всему видать, нечаятая, – давай сговариваться. Мы тебя до Яблонь подвезем, а ты нам споешь.

Барболка как стояла, так и обмерла. Въехать в Яблони на одном коне с проезжим господарем было ну никак нельзя.

– Так что скажешь, красавица? – Золотистые да гнедые жеребцы нетерпеливо переступали с ноги на ногу, звякали удила, на щеке гици был шрам, а глаза у него были черными и глубокими, как ночной омут. – Не бойся, не обидим.

– А я и не боюсь, – соврала Барболка, пытаясь поймать ускользающий взгляд, – я ж дома.

Феруш был статным и сильным, у него были кожаные башмаки и шапка с пером. И еще он был ревнивым, а мать его,

как и положено мельничихе, с нечистью зналась. Она «приблуду» и так на чем свет костерит, да и тетка озлится. Гици приехал и уехал, а ей здесь жить.

Барболка тряхнула головой и выпалила:

– А и везите, что-то устала я. С вас – кони, с меня – песня.

2

Лес сменился виноградниками, виноградники – садами и показались Яблони. Как быстро! Барболка и заметить не успела, как они доехали. Нужно было прощаться, пока ее не заметили, хотя шила в мешке не утаишь. Кто-то их наверняка видел, а вот девушка не видела никого. Только настояренные конские уши да бегущую впереди дорогу.

На господаря Барболка решила не смотреть, зачем смотреть, если ей до смерти любоваться на Феруша? И потом, она и так все запомнила – шапку с орлиным пером, шрам на щеке, густые усы, глаза-звезды под сведенными темными бровями. Кто он? Куда едет? Неужто это сам Матяш Медвежьи Плечи? Только какие ж они медвежьи? Молчаливый господарь больше на волка смахивает. Или, того вернее, на горного барса.

Впереди, в зелени садов, замаячила церковь. Теперь точно приехали.

– Где тебя ссадить, красавица?

Где? Не все ли равно, жизнь ее так и так пропащая.

– Да здесь и станьте, я сойду.

Сойти ей не дали. Витязь в синем доломане соскочил с коня и бережно снял Барболку с седла. Дай ему волю, еще б и поцеловал, но пасечница умела так глянуть, что руки опустились у самых нахальных ухажеров. До сельчан девушке дела не было, все равно болтать станут и мельничихе донесут, но как бы господарь не решил, что с ней всякий закрутить может.

– Спасибо, красавица. – Улыбается? Наверное, но смотреть она не будет. – Вот, возьми на сережки.

Кошель был большим, шитым золотом и тяжелым. Страшно подумать, сколько в него влезло серебра! Только бросил его не господарь, а тот юнец, что с ней заговорил у обочины. Барболка мотнула головой:

– Вы меня везли, я вам пела. В расчете мы.

Кошелек снова взмыл в воздух. Вместе с ним взмыли новая шаль, монисто, красная юбка, шитый шелками полушубок. Парень растерялся, но тяжелый мешочек все же ухватил, а господарь даже не пошевелился в своем седле. И смотрел он не на нее, а на церковь. Зачем ему смотреть на пасечниц? У него небось по красотке в каждом замке и все в замшевых сапожках.

– Прощайте, господа хорошие, – голос Барболки зазвонел, – доброй дороги вам.

– Постой, – лицо со шрамом оставалось все таким же каменным, – скажи, как тебя зовут и который год тебе?

– Отец с теткой Барболкой кличут, – буркнула девушка, – а лет после Золотой Ночки семнадцать будет.

– Ну, а я Пал Карои, – витязь зачем-то тронул саблю, – новый господарь Сакацкий. Денег тебе не надо, так возьми мое слово. Если что, приходи. Помогу, чем смогу.

– Благодарствую, – сердце девушки подскочило к самому горлу, а на щеках расцвели маки, – только не надо мне ничего.

– Не загадывай, красавица, – Пал Карои улыбнулся, но как-то невесело, – жизнь, она сегодня добра, а завтра – хуже зверя. Счастья тебе всем сердцем желаю, а в Сакаци тебя всегда примут. Хоть с отцом, хоть с мужем, хоть одну.

3

Последний витязь исчез за церковкой, и тут Барболка поняла, что стоит посреди улицы, а на нее все смотрят. Ну и кошки с ними! Девушка поправила венки и пошла вперед, прямо на двух судачащих кумушек. Прятаться глупо, чем больше прячешься, тем больше болтают.

– Барболка, – запела толстая Кáта, – и где ж ты господаря подцепила?

– На дороге, – Барболка то ли улыбнулась, то ли оскалилась, – подвез он меня от Лисьего ручья.

– И то сказать, – встряла тетушка Мáргит, – чего ножки-то бить. Ну и как он?

– Что – как? – Барболка постаралась пошире раскрыть глаза. – Господарь и господарь. В Сакаци ехал.

– И чего хотел? – Ноздри Каты раздувались, словно приплюхиваясь к жареной колбасе.

– Песен хотел, – девушке вдруг стало смешно, – ну я ему и пела всю дорогу.

– Оно так, – глаза Маргит стали сладкими и тухлыми, как сливовая падалица, – певунья ты знатная. Только что на мельнице скажут?

– А то их дело, – пожала плечиками Барболка, – уж и спеть добрым людям нельзя?

– А кто говорит, что нельзя? – Откуда взялась мельничиха, Барболка не поняла. – Ты, дочка, пой, пока поется. Добрым людям на радость.

Скупердяйка Магна назвала ее дочкой? Девушка, не веря собственным ушам, уставилась на будущую свекровь, а та разулыбалась не хуже Маргит.

– Пойдем, дочка. Дела у нас. А вам тут счастливо оставаться.

Барболка пошла, чувствуя, что увязает в гнилых сливах все глубже и глубже. Ее не ругали, наоборот, но от этого было еще хуже. Мельничиха затащила ее в лавку к кривому Петё и принялась выбирать сукно. Девушка стояла, не зная, что сказать. Больше всего хотелось выскочить на улицу и припутиться бегом из ставших вдруг склизкими Яблонь, но куда ей бежать? К отцу на пасеку?

– Тебе нужно красное, – пыхтела Магна, выговаривавшая сыну за алую ленту в косе невесты, – красная юбка, шитая золотом. И сапожки тоже красные. И монисто. И эту синюю, с ягодами, тоже возьмем...

– Матушка, – выдавила из себя Барболка, – не надо... Меда в этом году неизвестно сколько будет.

– Забудь, – бросила мельничиха, роясь в коробке с гребнями, – ты – невеста Феруша. Нельзя тебе в обносках ходить!

– Благодарствую. – Барболка поймала на себе взгляд Петё и чуть не запустила в лавочника его же горшком. – Не надо... Дорого ж.

– Не дороже денег, – проворковала знаменитая своей скупостью Магна, расплачиваясь со сладкомордым лавочником и подхватывая будущую невестку под локоток. – До Соловьиной Ночки всего ничего, нужно успеть тебя обрядить. А то перед господарем стыдно будет.

Перед господарем? Барболка не поняла, произнесла она эти слова вслух или нет, но перед глазами встало худое строгое лицо, и девушке захотелось взвыть в голос. Матери Феруша было не до сыновней невесты, она следила за руками Петё – упаси Создатель отмерит на палец меньше. Барболка с тоской глянула в распахнутое оконце. На дворе Жужа обнюхивалась со злющим цепным кобелем, в пыли копошились куры, на заборе, наблюдая за суетливыми женами, расправлял крылья петух. Мимо распахнутых ворот проехал возчик с бочками, прошли два винодела и кузнец.

– Помогай, дочка, – пропела мельничиха, примериваясь к узлам. Барболка послушно подхватила свалившееся на нее богатство. На невзятые деньги она бы купила в десять раз больше. Петё суетился, открывал двери, цыкал на пса. Петух на заборе прикрыл один глаз и издевательски заорал.

– А я... – Барболка поудобней перехватила узел, – я думала, вы с Ферушем ругаться станете.

– Вот овца дурная, – хмыкнула мельничиха, – что я, сыну своему враг? Пока у тебя всего добра было пьянычка да сучка, не хотела я тебя в дом пускать. А ты господаря нового прихватила! Слыхала я, как он тебя в Сакаци зазывал, да не просто, а с мужем. Старая кровь за молодую дорого дает.

– Матушка, – у Барболки который раз за день запылали щеки, – не взяла я его денег. И не возьму.

– А и правильно, – кивнула мельничиха. – За песни он тебе серебро давал, за рубашку Ферушу золото выложит, а чтоб не понесла ты, когда не надо, я тебе травку дам. Хорошая травка, на себе пробовала.

– Матушка! – Ну за что ей такое? – А что... что Феруш скажет?

– А что ему говорить-то? – удивилась Магна. – Не нами заведено, не нами и кончится. Гици любую невесту взять может, только чтоб рубашку выкупил.

Они шли мимо харчевни, их все видели – люди, лошади, пегий мул, кот на крыше. Мать Феруша считала господарское золото, а Барболка тащилась за ней, волоча узлы со сво-

им приданым. Из-за угла выполз лысый Винци, надо думать, из кабака. Отец наверняка тоже успел напиться, один рой он вчера уже проворонил. Проворонит и второй, а в Сакаци денег и впрямь куры не клюют. Она больше не бесприданница, все довольны, даже Жужа. Барболка остановилась и положила проклятые тряпки прямо в сухую, горячую пыль.

– Устала? – пропела мельничиха. – Сейчас помогу.

– Не устала, – выдохнула Барболка, понимая, что назад ходу не будет, – забирайте ваши узлы. Совсем забирайте! Не нужны они мне. И браслет ваш не нужен. И Феруш. Другую покупайте и продавайте, а я вам не кобыла и не коза.

– Барболка! – завопила оторопевшая мельничиха. – Куда? Сдурела?! А ну стой, кошка скаженная!

Но девушка уже мчалась по заросшей красавками и еще не жгучей крапивой улице. Все кончено, она не станет оглядываться, возвращаться, просить прощения. И упырей этих с мельницы тоже не простит. Никогда и ни за что!

Глава 2

1

Отец валялся на траве у забора, доползти до дома он не смог, ну и пусть его! Барболка была сильной, зимой она бы затащила пьянчугу в дом, как это делала не раз, но стояла

почти летняя жара. Девушка с отвращением отвернулась от храпящего родителя и оглядела убогое хозяйство. Подумать только, еще четыре года назад они жили не хуже других, потом умерла мать, и отец запил пуще прежнего. Не с горя, от лени...

Подошла Жужа, заскулила. Хочет есть. Барболка размочила хлеб в остатках похлебки, вынесла собаке и села за дощатый, вкопанный в землю стол, подперев щеки руками. Она давно подумывала уйти, но кому нужна пасечница? Податься в город в служанки? С ее косами ни одна хозяйка в дом не пустит. Остаются харчевни, а там пьяные гости, да и трактирщики с работниками не лучше. Попробуй уйми, да так, чтоб тебя в первый же вечер не выставили.

Жужа оторвалась от вылизанной до блеска миски и завиляла хвостом. Хорошо ей! Девушка вернулась в дом, отыскала желтую праздничную юбку, посмотрела на свет. Пятна и прожженные отлетевшими угольками дырки никуда не делись. На праздник такую не наденешь, а новую взять нигде. Барболка немного подумала и отправилась за материнским платком, таким дряхлым, что даже отец не сумел его пропить. В юности мать была красавицей, жизнь превратила ее в сухонький стручок, и с ней будет то же, если не хуже. Молодость и красота – они уходят, но пока еще весна!

Барболка потрепала по голове тявкнувшую Жужу и принялась кромсать старенький атлас, вырезая то ли звезды, то ли гвоздики. Приложила к пятнам, получилось даже лучше,

чем думалось. Никогда не скажешь, что под черными лепестками прячется что-то непотребное. Девушка бросилась вдевать нитку в иголку – через минуту она вдохновенно шила, напевая о черноглазом витязе:

*Темной ночью встречу я его,
Никому о встрече не скажу.
На дороге слышен стук копыт,
Это скачет милый мой ко мне...*

Отец спал, Жужа тоже, гудели предоставленные самим себе пчелы, неистово цвела калина, ветер играл белыми лепестками. Она не пойдет в Сакаци, нечего ей там делать! Пасечница господарю неровня. И не возьмет она ничего, пусть не думает, что Барболка Чекеи побежит за любым, кто мощной тряханет. Эх, был бы Пал Карои простым витязем или хотя бы удалцом-разбойником, что агарийских кровопийц по лесам караулят...

*На рассвете милый мой уйдет,
Я его до леса провожу.
Никому о встрече не скажу.
Буду снова темной ночи ждать...*

– Барболка!

– Феруш? – девушка с нескрываемым удивлением уставилась на бывшего жениха.

– Ты браслетами-то не кидайся, – молодой мельник протянул Барболке знакомую вещицу. – Мать, она того... Зря она.

Девушка отложила шитье и встала. Феруш улыбался, Жу-жа остервенело крутила хвостом, надеялась на подачку. Выходит, все как шло, так и идет? Ничего не было – ни седого господаря на дороге, ни песен, ни ссоры с Магной. Она снова невеста Феруша, ей не нужно идти в наймы. Надо только вильнуть хвостом и получить косточку и муженька.

Барболка осторожно взяла браслет; он был теплый, как молоко из-под коровы... Как же она ненавидит парное молоко!

– А что мать говорит?

– Злится, – признался Феруш, – ну да у отца с ней свой разговор. Он-то ее с довеском взял. С того и мельница у нас.

– Вот оно как... – протянула Барболка, не зная, что говорить.

– А с тобой мы так и так окрутимся, – заверил Феруш, – я, чай, не голодранец. Кого хочу, того и беру.

Он-то хочет, а вот она? Барболка смотрела на статного крепкого парня. Молодой, богатый. Нарядная безрукавка, дорогие сапоги, круглое лицо, русые кудри... Красавец не красавец, а лучше найти трудно.

– Я мамаше сразу сказал, – отрезал Феруш, – так, мол, и так, хоть лопайтесь, а Барболкину рубашку⁵ на заборе к Со-

⁵ Алатский обычай. Если невеста – девственница, ее окровавленная рубашка

ловьиной Ночке повешу.

– Повесишь, значит? – расхохоталась Барболка. Она сама не поняла, как это случилось, просто запершило в горле, и смех рванулся наружу. Девушка зажимала ладонью рот, кусала пальцы, но остановиться не могла.

Феруш замолк на полуслове, вытаращив глаза, отчего стало еще смешнее.

– Ты что?

– Ни... ничего, – выдавила из себя Барболка, пытаясь совладать с охватившим ее смехом, – ой... повесишь... ха-ха-ха!..

Лицо Феруша стало медленно белеть, это смешным уже не было. Совсем.

– Ты уже? – выдохнул Феруш, сжимая и разжимая кулаки. – Уже?!

– Ты чего? – пробормотала Барболка прерывающимся голосом.

– Ты ему дала? – Феруш сделал шаг вперед, лицо его было белым, а шея красной, как у рака ошпаренного. – Господарю тому подлому?

– Сдурел? – не очень уверенно произнесла девушка. – Белены объелся?

– Я тебе покажу «сдурел»!

вывешивается на заборе, чтоб об этом знали все. Если девушка потеряла девственность по вине местного господаря, тот платит мужу за рубашку выкуп, после чего никто не имеет права попрекать молодую женщину, что она «себя не соблюла».

Парень ухватил Барболку за талию и рывком притянул к себе. Больно, неумело, грубо. В нос ударил запах пота, лука и чего-то еще, сразу сладкого и кислого. Барболка дернулась, но горячие руки вцепились в нее еще крепче. Ноздри Феруша раздувались, ставшее вдруг незнакомым лицо пошло красными пятнами, мокрый, пакостно пахнущий рот впился в Барболкины губы, девушка всхлипнула, пытаясь оттолкнуть набросившегося на нее зверя, но тот лишь урчал, наваливаясь все сильнее. Затрещало, разрываясь, сукно, запах стал нестерпимым. Барболка сама не поняла, как ее зубы сжались на чем-то склизком и мягком, раздался вой, хватка ослабла, девушка рванулась и оказалась на свободе.

Феруш тряс головой, изо рта вытекала алая струйка. На человека он не походил. Барболка прикрыла руками вырывавшуюся из разодранной сорочки грудь и отступила к сараю. Ее трясло, ноги не слушались, рядом оказалась колода для колки дров, а в ней – топор. Барболка не подняла его, нет, только глянула. Она не понимала, что у нее перед глазами. Она вообще ничего не понимала!

– Вот так, да?! – орал Феруш. – Убить хочешь? Сучка! Ты ему уже дала, уже! И выжлятникам⁶ евойным, а мне не хочешь?!

Девушка молчала, тиская фартук. Зверь в сапогах и синей безрукавке сжимал кулаки и тяжело, хрипло дышал. Лицо исчезло, осталось какое-то рыло. Отвратное, пористое, бле-

⁶ Выжлятник – псаре, приставленный к гончим.

стящее от пота.

Барболка ухватила топор:

– Только сунься!.. Бык скаженный!

Бык сунулся. С каким-то то ли ревом, то ли всхлипом он бросился вперед, споткнулся на случайном полене, упал, с руганью вскочил, растирая ушибленную ногу. Барболкаглянула на дверь хибары. Запереться? Еще подпалит! Лучше в лес, там ее не поймать.

Не выпуская топора, девушка метнулась вдоль забора к лопухам, за которыми была дыра. Как хорошо, что ее не заделали!

– Сучка господарева, – проорал Феруш, – все равно раскатаю!

– Уходи! – Барболка махнула тяжеленным топором, словно платочком, лихо свистнул рассеченный воздух. Охотнички вечные, как же это она?

– Ну... тебя... сейчас...

Если он догонит, она ударит... как есть ударит.

– Не подходи!

– Подстилка господарская!

– Ты чего творишь, хряк недоделанный?!

Отец! Проспался! Этого еще не хватало. Гашпар Чекеи был силен, как медведь, а спяну сила эта дополнялась звериной злобой. Феруш был не из слабых, но пасечник отшвырнул его, как шелудивого щенка. Парень шлепнулся на землю у покосившегося – никак не доходили руки починить

– сарая и сел, смешно разинув рот. Громко и визгливо зала-
яла Жужа. Папаша выхватил из кучи дров полено поухвати-
стей и с ревом пошел на незваного гостя.

– Сопляк шляпчатый, – здоровенный обрубок порхал в
отцовских ручищах, как птичка, – да чтоб тебя... и через
нос, и через ухо. А Магну твою я в ... и к... Задница крыси-
ная, да...

– А твоя Барболка... – взвизгнул Феруш, выхватывая
нож, – да ноги ее в Яблонях не будет... Сучка порченная, я...

– Ах ты, выкормыш свинячий! – Полено взмыло вверх
и обрушилось на голову жениха, из носа брызнула кровь,
но Феруш не растерялся и наудачу махнул ножом. Пасечник
отбросил дубинку, ухватил парня за плечо и добротный во-
ловий пояс. Феруш взлетел не хуже давешнего полена. На
сей раз ему было суждено отправиться в крапивную чащу,
окружавшую заброшенный нужник. Нож Феруш выронил в
полете, но сдаваться не собирался. Дурень с бранью вскочил
и бросился к подпиравшему дверь лому. Гашпар расхохотал-
ся и ухватил подвернувшийся дрын. Отчаянно взвыла Жужа.
Барболка выронила топор, зажала руками рот и бросилась к
заветному лазу.

2

За спиной рычали озверевшие мужчины, но девушка мча-
лась куда глаза глядят отнюдь не от страха. Это была не пер-

вая драка, которую она видела, случилось ей и бросаться между пьяным отцом и матерью, и выуживать расхोдившегося родителя из кабацких свар, но то было другое. Теперь Барболка чувствовала себя вымазанной в самой вонючей и липкой грязи, какая только может быть. Да неужто она собиралась прожить с Ферушем всю жизнь?! С Ферушем, его матерью, его отцом на мельнице, которой вештский гици расплатился за свои забавы? И Магна еще глядит на нее свысока?! Да пошли они все...

Лес, как всегда, гасил и ярость, и страх. Убаюкивал, окутывал зеленым покоем. Вот так бы идти и идти и никогда не возвращаться. Барболка остановилась на любимой ландышевой поляне, посреди которой росла огромная шатровая ель – пересидишь ливень и не заметишь. Недалеко от ели лежало несколько валунов, меж которых пробирался ручей, и девушка старательно смыла с себя поцелуи Феруша, переплела волосы и в который раз за последние дни задумалась о своей доле.

– Ты не поешь? Почему? – голосок был детским и капризным. – Спой, мне нравится.

Барболка подняла голову и на соседнем валуне обнаружила растрепанную девчонку лет десяти, совсем голую, если не считать длиннющих черных волос, на которых топорщился венок из ландышей, да на шейке блестела серебряная звезда-эспера. Откуда она у нее?

– Спой, – повторила девочка, надув губы, – а то ску-учно.

– Не поется, – вздохнула Барболка, с удивлением разглядывая странное создание. Солнце стояло высоко, Барболка видела собственную тень и рядом вторую – маленькую, кудлатую. Закатные твари средь бела дня не разгуливают, выходцы тем более.

– На! – Лохматое чудо сдернуло свой венчик и протянуло Барболке, которой ничего не оставалось, как надеть его на голову. – Ты красивая, ты мне нравишься.

– Ты тоже красивая, – засмеялась пасечница, ничуть не погрешив против истины. Личико девочки было точеным, в голубых, как небо, глазах плясали ясные искры.

– Ты кто?

– Я.. – Барболка замялась, голышка не казалась опасной, но имя кому попало не называют, особенно в лесу, – я с пасеки, а вот ты кто?

– Я здесь танцую. – Тоненькая ручка ухватила Барболку за запястье. – Хочешь потанцевать?

Девушка покачала головой, однако незваная собеседница в ответ лишь рассмеялась и, не выпуская Барболкиной ладошки, вскочила в полный рост на камень. Барболка, сама не зная как, тоже оказалась на ногах. Они стояли на скользких валунах, держась за руки, а между ними бежал ручей.

– Видишь, как весело? – Девчонка тряхнула волосами, и Барболка слышала дальний звон колокольчиков, наверное, его донес ветер. – Почему ты не танцуешь?

Танцевать на камне среди ручья, да еще когда тебя держат

за руки?!

— Кто тебя держит? — В волосах девчонки вновь белели ландыши. — И кого держишь ты?

— Никого! — огрызнулась Барболка и вдруг увидела Феруша с искаженным от ярости лицом. Парень показался из-за ели, в руке его был нож. Барболка не выдержала и закричала.

— Фу, — девочка свела бровки, — он плохой. Иди вон! Вон! Феруш остановился, словно налетел на невидимую веревку, покачнулся и исчез.

— А теперь? Теперь тебе весело? Теперь ты будешь танцевать?

Весело? Феруш исчез, но все равно было плохо... Все равно! Потому что седой витязь — господарь сакацкий, а она — пасечница!

— Идем танцевать, — маленькая проказница вновь вцепилась в руку, — ну идем же!

Девушка сделала шаг, еще один, еще... Ландыши пахли все сильнее, тени были черными и четкими, словно в лунную ночь.

— Спой, — потребовала лохматая непоседа, — только веселое!

А почему бы и не спеть?

*В синем небе радуга, радуга,
Кони пляшут, радуйся, радуйся.
В синем небе ласточка, ласточка,
Ты целуй меня, целуй ласково.*

А радуга в самом деле зажглась, дождя не было, а радуга горит, первая радуга в этом году.

– Танцуй! – кричала девчонка, и они кружились, взявшись за руки, и вместе с ними кружилось небо с облаками-птицами.

– Танцуй! – Радуга раздвоилась, сквозь нее пролетела птичья стая!

– Танцуй! – В разноцветном вихре мелькнуло худое орлиное лицо со шрамом на щеке.

– Танцуй! – Это не птицы, птицы не смеются, у них нет рук, только крылья.

Танцуй, танцуй, танцуй!..

3

– Барболка! – кто-то ее тряс, потом девушка почувствовала у своих губ горлышко фляги и отпила жидкого сладкого огня.

– Жива! – голос, такой знакомый, и как же нежно он звучит. – А я уж невесть что подумал.

«Я»? Кто «я»? Девушка приоткрыла глаза и увидела Пала Карои! На этот раз седой господарь смотрел Барболке прямо в глаза и лукаво улыбался. Светила луна, одуряюще пахли ландыши, так они еще никогда не пахли. Уже ночь? Какой странный сон ей снился.

– Что ты тут делаешь? – Сакацкий господарь отбросил фляжку и уселся на камень, подогнув под себя одну ногу. – Что-то случилось?

– Ничего, – заверила Барболка и тут же вспомнила про разорванную блузку. Девушка торопливо вскочила, прикрывая руками грудь.

– Тебя что, кошки рвали? – покачал головой Карои, его глаза больше не смеялись. – Или хуже?

– Феруш, – призналась Барболка, – только я сбежала от него. Укусила и сбежала!

– Укусила, – господарь поднял темную бровь, – кошечка закатная. И как же ты его укусила?

– За язык. – Что за чушь она несет, что гици о ней подумает?!

– Что же он делал, – удивился господарь, – что ты его за язык ухватила?

Ответить Барболка бы не смогла, даже если б захотела, потому что ее руки каким-то образом оказались на плечах Пала Карои, а губы гици приникли к ее губам, и как же это было дивно, только слишком быстро кончилось. Господарь отстранился и, склонив голову к плечу, разглядывал задыхающуюся Барболку, словно диковину.

– Так было дело?

Так?! Сравнил жабу с ласточкой! Девушка замотала головой, не находя слов.

– Что же ты не кусаешься?

Он был рядом, он был совсем другим, не таким, как на дороге. И она тоже была другой. Тогда он давал деньги, она не брала. Тогда рядом было два десятка витязей, и все глазели на нее. Все, кроме господаря.

– Так что же ты не кусаешься? – повторил Карои, стягивая с плеча девушки злополучную кофтенку и осторожно касаясь губами кожи. – Не хочешь?

– Нет. – Было непонятно, чудесно и страшно, и Барболка не знала, что хуже – если он уйдет или если останется.

– Нет? – бровь снова взмыла вверх. – Но почему? Потому что тебе хорошо или потому что плохо?

– Когда хорошо, даже кошки не царапаются! – выпалила Барболка, обомлев от собственной смелости.

– Царапаются, – расхохотался господарь, сильные руки толкнули девушку, она не удержалась и упала в ландыши. – Еще как царапаются. И кусаются. А еще они мячуют. Ты будешь мяукать?

Как хорошо, что она сбежала от Феруша. Как хорошо, что уснула на этой поляне. Как хорошо, что Пал Карои ходит теми же тропами!

– Я все сделаю, как гици хочет, – прошептала девушка, – все...

– Ты сказала, – он посмотрел ей в глаза, – а я слышал. Сними все, что на тебе, и отпусти волосы, пусть летают.

Барболка кивнула. Вот так и бывает: знаешь же, что нельзя, а не можешь остановиться. И не хочешь.

Юбка упала к ногам темной лужицей, рядом легла много-страдальная кофта. Как же она все это завтра наденет?

– Расплети косу. – В лунном свете он был совсем молодым и невероятно, невозможно красивым.

Барболка лихорадочно вырвала и отбросила ленту, которой так гордилась, налетевший ветер подхватил освобожденные пряди.

– Волосы – это твои крылья, – засмеялся Пал Карои, – их нельзя связывать, их нельзя резать.

Крылья? А разве она сейчас не полетит к огромным пляшущим звездам? Полетит!

– Ты рада? – Почему ей казалось, что у него черные глаза. Они светлые, как лунные озера. – Тогда зачем плачешь?

Разве она плачет? Не может быть, это роса!

– Весной не плачут. Весной поют. Всему свое время, пойми это и будешь счастлива.

Она и так счастлива, безумно, невозможно, неповторимо.

– Любишь?

– Гици... Мой гици...

И неважно, что про нее скажут... Пусть... Сейчас весна, какое ей дело до осени?! Сейчас он с ней, сейчас он здесь...

– То, что мне назначено, я взял, – губы господаря коснулись сначала одного соска, затем другого, – а остальное – мужу. Или мне, если придешь.

– Приду, – выдохнула Барболка, цепляясь за горячие плечи, – куда скажешь, когда скажешь...

— Смотри же, — господарь шутливо коснулся пальцем губ девушки, — я долгов не прощаю.

4

Ручеек звенел совсем близко. Барболка подняла разламывающуюся голову. Все осталось на месте — шатровая ель, ландыши, камни, родник, не было только господаря Карои. И не могло быть. Седой витязь ей приснился, отчего же так худо? Неужели от того, что она уснула среди ландышей?

Цветы вчера так сильно пахли, а она позабыла, что эти нежные белые колокольчики ядовиты. Девушка кое-как доковыляла до родника и поняла, что тень от ели смотрит совсем в другую сторону. Выходит, она проспала чуть ли не сутки, хорошо, что вообще проснулась. Нужно бежать домой, объясняться с папашей, идти за хлебом и молоком. В Яблони им теперь ходу нет, остаются Колодцы, потому как в Сакаци ноги ее не будет, хоть он и ближе.

Девушка еще раз хлебнула воды и встала. Елка с длинной острой тенью, белые цветы и кусты кошачьей розы немедленно начали кружиться. Больше она никогда не уснет на поляне с ландышами. А это что такое? Барболка с ужасом оглядела свои пожитки, на которых лежал белый венок, и только сейчас поняла, что стоит в чем мать родила.

Как же так?! Она не плела венки и не раздевалась, все было сном, сном о том, чего никогда не будет. Случись все

на самом деле, осталась бы кровь. Нет, она просто сорвала одежду, когда смывала в ручье запах Феруша, а потом уснула, и ландыши выпили память. Недаром их запрещают приносить в церковь!

Барболка окончательно изувечила и без того разодранную кофту, намочила отодранный лоскут, обвязала раскалывающуюся голову и принялась натягивать влажную от росы одежду. Охотнички вечные, на кого она похожа, хотя кому какое дело! Отец не заметит, даже если она голой будет, а Феруш давным-давно на мельнице, и хорошо! Она этого скота видеть не желает и через порог! Барболка нагнулась, подняла венок и решительно нахлобучила на голову. Пусть все было сном, она Леворукому поклонится, лишь бы увидеть седого гици еще раз.

Глава 3

1

Чего-чего, а того, что мельничиха заявится на пасеку, да еще и не одна, Барболка не ждала. Принесли закатные твари! Девушка хмуро цыкнула на путавшуюся в ногах Жужу, обтерла руки передником и вышла встречать незваных гостей. Голова так и не прошла, в горле першило, знакомые лица казались жуткими харями, да еще в доме шаром кати. Ни за-

куски путной, ни выпивки!

– День добрый, Барболка, – яблонский староста Ласло поднял шляпу, – и что ты такая бледная?

– Побледнеешь тут, – огрызнулась Барболка и опомнилась: – День добрый, дядька Лаци. Проходите, только не ждали мы гостей.

– Оно и видать, – влезла вездесущая Ката, – небогато живете, хоть порядок бы навела.

– Помолчи! – цыкнул на толстуху староста. – Тут дело такое, Барболка. Феруш пропал, говорят, к тебе он собирался.

– Был он здесь, – чего запираяться, папаша выползет, все одно разболтает, – да больше нету.

– Нет, говоришь? – осклабилась Ката. – А не врешь? Парень он видный, мог и задержаться.

– Мог, да я ушла, – отрезала Барболка. – В лес. Уж лучше кабан, чем ваш Феруш.

– Зенки твои бесстыжие, – завопила молчавшая до этого Магна, – подстилка господарская...

– От подстилки слышу! – К глазам подступили слезы, но Барболка не дала им ходу и даже уперла руки в боки не хуже мельничихи. – Свою рубашку продала, за мою взялась, да не вышло! Я – девушка честная, любовь на серебро не сменяю!

– Да вы послушайте! – Магна подняла толстые руки вверх, блеснул дутый золотой браслет. – Вы только послушайте, люди добрые, что эта стервь несет?! Совсем совесть потеряла.

На чужом коне в Яблони въехала, все видели!

– Уж лучше на чужом коне днем, чем на вештской мельнице ночью! – хохотнула Барболка. – А задаром ты мужу своему и через порог не нужна была!

– Что ты сказала?! – мельничиха поперла грудью вперед. – Змеюка лупоглазая!

– Я-то лупоглазая, а твои зенки днем с огнем не разглядишь!

– Та замолчите! – рывкнул староста и тут же убоился собственного рыка. – Тут дело такое... Барболка, ну ее, мельницу, Феруш-то пропал. Куда?

– Нанялась я козлов пасти. – Девушка перевела дух и утерла рукавом пылающее лицо, только что было холодно, теперь стало жарко. – Я побежала, а он с папашей остался.

– Ой, а Гашпар-то где? – пропела Ката. Так вот с чего ее принесло! Отец пьяница-то пьяница, да вдовец, а Кате мужик до зарезу нужен. Вот бы и впрямь спелись, а их бы с Жужкой в покое оставили!

– Спит он. – Барболка медово улыбнулась: – Сейчас разбужу. Да вы на двор заходите. Под вишню, лавка там. Что в воротах торчать?

Дядька Лаци важно вступил в скрипнувшую – с осени не мазали – калитку, Ката сунулась следом, мельничиха трошки промедлила, но вошла, брезгливо закусив толстую губу и подобрав цветастые юбки. Дура, сухо же!

– Что ж ты, Барболка, хотя б курей не заведешь? – заныла

Ката, у которой на дворе петух на гусака наступал да по уткам топтался.

– Чтоб пчел не поклевали, – отрезала пасечница. Эх, были ведь у них куры. И козы были, и кобылка, да все в кабаке потонуло.

– Кого Леворукий принес? – папаша уже стоял в дверях хибары и яростно скреб кудлатую голову. – Чего надо-то? Меда нет!

– Гашпар, – староста почуял, что надо брать дело в свои руки, – не скажешь, куда Феруш подевался?

– Феруш? – Отец зевнул, показав крепкие зубы. – Какой такой Феруш?

– Мой Феруш, – Магна тиснулась вперед, морда белая, а шея красная, как у сыночка, кошки б его разодрали, – был он здесь, девка твоя призналась.

– Был да сплыл, – папаша снова зевнул, – накостылял я ему, паршивцу, чтоб к Барболке не лез. Не про него товар.

– Да что ты такое несешь? – взъелась мельничиха... Пасть! У нее такая же пасть, как у Феруша... И луком из нее наверняка так же несет. – Совсем стыд пропил!

– Что пропил, не твоего ума дела, – набычился папаша, – а у тебя стыда отродясь не водилось. Замуж шла, брюхо на нос лезло!

Магна кинулась вперед, выставив скрюченные лапы в позолоченных кольцах. Ката повисла у нее на спине, староста сплюнул, папаша захохотал и подкрутил все еще темный ус.

Жужа на всякий случай забила под покосившийся стол и неуверенно тявкнула.

Мельничиха билась в объятьях Каты и дядьки Лаци, проклиная пасечника, его дочку, Жужу, пчел, дом и мало что не крапиву у забора. Она вопила, а Барболка смотрела на беснующуюся бабу, которая никогда не станет ее свекровью, и не понимала, как взяла по осени этот проклятуший браслет. Уж лучше сдохнуть в этой развалюхе, чем жить с Магной и Ферушем под одной крышей. Да какое там под одной крышей, на одной улице и то тошно.

Порыв ветра сорвал с веревки старый фартук и швырнул в лицо мельничихе. Где-то вдали зазвенели колокольчики, с вишни взметнулось облако белых лепестков и осыпало Барболку с ног до головы. Гашпар захохотал, тыча коричневым пальцем в сторону топающей ногами Магны, голову которой облепила рваная тряпка. Ката тоненько прыснула, прикрыв рот ладошкой, усмехнулся в усы дядька Лаци, а Барболке стало муторно. Так муторно, словно ее не цветами засыпало, а дохлыми мухами. Захотелось все бросить и бежать, бежать, бежать до заветной поляны, упасть лицом в ландыши, уснуть, увидеть Пала Карои и никогда не проснуться.

– ...твою за хвост и об стенку! – рев отца слился с тявканьем Жужи. – Да ни гроба мне, ни могилы, если знаю, что с твоим отродьем!

– Пошли, Магна, – Ката вновь всей тушей повисла на мельничихе, – видишь, нет его тут!

– Если с Ферушем что не так, я тебя и твою девку под землей найду! – Магна вырывалась, на верхней губе блестяли капельки пота. Барболка во всю ширь распахнула завизжавшую не хуже мельничихи калитку.

– Здравыечка всем, а у нас работы немерено. Дядька Ласло, по осени заглядывайте, мед будет. Ката, и ты заглядывай, а вас, гица вештская, не прошу. Нечего вам тут делать!

2

Гости убрались, следом двинулся отец, за которым увязалась Жужа. И то сказать, дома – хлеб да каша, а в кабаке нет-нет да косточка перепадет. Папаша еще и десяти шагов не сделал, а Барболка ухватила растрепанный помазок и бросилась к треклятой калитке, словно кто-то после сегодняшнего к ним сунется. Петли перестали скрипеть, но девушке этого было мало. Барболка засучила рукава и взялась за приборку. Злость то ли на весь белый свет, то ли на себя, дуру такую, сотворила чудеса, к вечеру дом и двор было не узнать, но пасечница уже не могла остановиться. Девушка побросала в корзинку белье, выгребла из печки золу и побежала на речку. Пересыпала золой рубашки и занавески, сунула в корзину в воду отмокать и заметила, что ночь на пороге.

От разбухшей после недавних дождей речки тянуло холодком и белой водопляской, у берега что-то плеснуло. Наверняка рыбина. Надо поставить пару верш, мяса нет, хоть

уха будет. Барболка на всякий случай привязала корзинку с бельем к ивовому кусту и побрела домой, только сейчас поняв, как устала.

Хата встретила темными окнами и тишиной – папаша с Жужей еще не вернулись, совсем сдурели на старости лет. Барболка с сомнением глянула на стоявший черной стеной лес. До «Четырех петухов» путь неблизкий, а обратно в обнимку с распеваящим или сквернословящим родителем и того дольше. Да и зачем? Пьяный дорогу везде сыщет, а свалится в лопухи, так ему и надо. Делать ей нечего, старого бугая пасти всем на потеху! Мать хотя бы вещи спасала, а ей и спасать нечего.

Девушка со злостью захлопнула замолчавшую калитку и подперла полешком. Солнце село, небо на западе было ржаво-красным, и по нему неспешно ползли длинные полосатые облака, между которыми высывал рог умирающий месяц. Смотреть в закат – дурная примета, но Барболка все равно залюбовалась. Чего ей бояться? Хуже не будет, потому что некуда.

– Мяу! – Это еще откуда? Девушка огляделась – никого. Неужто кошка забежала? Если так, она ее оставит. Та хотя бы по кабакам шляться не станет.

– Мяу, – послышалось совсем близко, – мяу, мяу, мя-яяу! Это не кошка, кошки орут иначе. Человек это. Нашел время дурачиться!

– Мяу!

– Гей, – прикрикнула Барболка, – не дури, ты не кошка.

– Мяу-мяу! – Мяуканье перешло в хихиканье, сзади раздалось какое-то шуршанье. Барболка обернулась – пусто.

– Мяу! – теперь справа. – Мя-яу!

Охотнички вечные, где ж оно? Тут и впрямь только кошке спрятаться.

– Мяу! Дай молока!

– Да где ты, ни дна тебе, ни покрышки!

– Мяу! Хи-хи... Молока хочу!

– Нет у меня молока, выходи!

– Мяу! – Барболкина коса за что-то зацепилась... За щербатую доску! Девушка кое-как высвободила угодившую в трещину прядку, и тут ее дернуло за юбку. Раздался тоненький смех. Словно колокольчики зазвенели.

– Мяу! – Кто-то легонько шлепнул по плечу.

– Мяу! – Со стола упала и разбилась кринка. Старая, старше Барболки, пустая, с облупившимся рисунком. Мать в ней ставила на стол молоко, тогда у них еще были козы.

– Собери черепки, Барболка, – сказала мамка, – негоже дом запускать. Что ж вы тут без меня все прахом пустили, словно и не люди.

Мать давно умерла, но девушка послушно бросилась собирать осколки. Сгребла в кучку, взяла веник и вдруг разрыдалась, закрыв лицо руками. Из-за разбитой кринки, пропавшей Жужи, горьких материнских слов, подлой Магны, пьяного отца и... из-за седого гици, который и думать забыл

о пасечнице, а зачем-то снится.

– Ты чего? – Теперь тоненький голосок казался знакомым. – Глупая! Плакать плохо.

Теплые пальчики сжались на запястьях, отдирая ладони от лица.

– Не надо плакать, – светлые глазища, взлохмаченные кудри, только в волосах на этот раз не ландыши, а цветы рябины, – надо петь. Всегда петь...

– Это ты мяукала? – зачем-то спросила Барболка. – Ты зачем пришла?

– Я забыла, – надула губки девочка, – ты меня рассмешила, и я забыла.

– Ты хочешь здесь жить? – Почему она голенькая? Только волосы до земли.

– Ты глупая, – малявка погрозила Барболке пальчиком, – жить здесь нельзя. Совсем нельзя... Я вспомнила! Пойдем.

– Куда?

– Где их нет, – гостья глянула на поднимающуюся над домом луну, – за живую воду, к живому огню... Идем, а то поздно будет.

Это сон или нет? Гаснувший закат, голышка с эсперой, мамин голос, разбитая крынка. Если сон, может, за ним придет другой сон. Про гици.

– Идем, – торопила девчонка, – не бери ничего, здесь все умерло.

– Как это? – Уйти из родного дома страшно. Даже если

знаешь, что это сон. Даже если собиралась уйти наяву – вот так, сразу...

– Ты живая, – гостыя склонила головку к правому плечу, – ты поёшь, не трогай мертвое. Брось...

Мертвое? И в самом деле... Пчел вечером не было, даже муравьи с комарами куда-то подевались. И все-таки уходить с голым ведьменьишем на ночь глядя...

– Сейчас отец придет, – зачем-то сказала Барболка, – его кормить надо.

– *«Накормлю его телом розовым, – вдруг запела девчонка, – напою его кровью алою, кровью алою, горячею».*

– Замолчи! – прикрикнула Барболка. – Это гадкая песня.

– Песня? – Голышка ухватила за калитку и принялась на ней раскачиваться. – Песни поют, мясо едят, от беды бегут. Беги, Барболка, беги!

Шустрая тень отделилась от леса и покатила вперед.

– Жужа! – крикнула Барболка, первый раз обрадовавшаяся возвращению родителя. – Жужика!

Собака проскочила сквозь забор – сколько ж в нем дыр! – и молча бросилась к хозяйке. Хвост зажат между ног, глаза закрыты. Сбесилась?! Барболка завизжала и помчалась к дому. Жужа молча потрусила следом. Она не лаяла, не рычала, но от этого было только страшнее. Девушка влетела в сенцы, дрожащей рукой закрыла дверь и вспомнила о девчонке на дворе. Кем бы малая ни была, оставлять ее с взбесившейся Жужей не по-людски.

Барболка схватила кочергу и толкнула дверь, за ней не было никого – ни собаки, ни длинноволосой ведьмочки. Только рогатая луна и пляшущие тени.

3

Может, это и было сном, но не тем, который она ждала. Совсем не тем. Барболка стояла на пороге, не зная, что делать. Вернуться в дом было так же страшно, как выйти на двор. Девушку окутала странная вязкая тишина, все казалось чужим, покореженным или мертвым. Но разве забор, вкопанный в землю стол, сарай, дом могут умереть? Хоть бы летучая мышь пролетела, и то стало бы легче. Барболка отступила за порог, в холодную, заплесневевшую затхлость. Как же так? День был жаркий не по-весеннему, дом прогрелся, а тут как в сарае по осени! Девушка схватилась за огниво, но огонь высекаться не хотел. Уж лучше на улицу, там хотя бы луна.

Бледный свет, осколки крынки, мокрые, покрытые мерзким налетом пятна на столе. Откуда они? Еще вечером их не было. И сарай... Когда у него просела крыша? Зиму пережила, а сейчас просела. Барболке отчего-то захотелось подпереть дверь сарая ломом, но там, где он всегда лежал, было пусто. Под ногу подвернулось полено – гнилое, мягкое, расплзающееся в труху. Все мертвое, все! Дом, двор, луна... За забором чернел лес. Он живой, в нем деревья, комары,

птицы!

Девушка опрометью бросилась к калитке, но та не поддалась. Барболка изо всей силы толкнула сырое, осклизлое дерево, ничего! У поленницы зашевелилось что-то темное. Жужа! Спящая собака медленно и неровно, словно ей отдавили лапу, побрела к хозяйке, хвост исчез между ног, уши обвисли. Рука девушки метнулась к эспере, но мертвой собаке не было дела до отвращающей зло звездочки. Жужа тихонько хромала к Барболке. Мимо завалившегося набок стола, увядшей крапивы, черного вишневого ствола. У вишни была тень, у собаки не было.

Спину Барболки покрыл холодный пот.

– Мама, – прошептала девушка, – ой, мамочка!

Она помнила, что мать умерла, но это была ее единственная молитва, единственное заклятье, которое смогли произнести губы. Сжав бесполезную эсперу, Барболка пятилась к прогнившему сараю, отступая от спящей Жужи.

– Мамочка!

Что-то теплое зацепило ногу, не теплое – горячее! Угол жизни среди мертвого пепла! Барболка сама не поняла, как ухватила рябиновую ветку. Запах зелени отбросил душную гниль, в небе мелькнуло что-то крылатое. Цапля? Какая большая!

– Вот ты где! – девчонка ухватила Барболку за руку. – Вот ты какая! От меня прячешься, а с ними играешь!

– Беги, – Барболка попробовала отпихнуть малышку за

спину, – тут... тут...

– Глупая, – ведьмочка потрянула черной гривой, – я ж тебе говорила...

– А Жуж... – Горячая ладошка зажала Барболкин рот.

– *Жужжу, кружу, никого вам не рожу*, – запела голышка, кружась вокруг старой вишни, и вместе с ней вертелась ее тень, показавшаяся Барболке крылатой, хотя на самом деле это были волосы. Девушка воровато глянула туда, где в последний раз видела собаку. Никого. Малышка остановилась – белые ровные зубки, блестящие глаза, белые цветы в черных прядях.

– Плохо тут, – девочка сдвинула бровки, – бежим!

Больше Барболка не возражала. Приблудившееся создание было странным, но не страшным. И у него была тень, голос, глаза. Девчонка прикусила губку, босая ножка ткнула калитку, та рассыпалась в труху.

– Бежим!

И они побежали сквозь замерший лес вслед за ускользающей луной. Меж ветвей мелькали какие-то тени, ветер отбрасывал назад спутанные волосы, под ноги стелилась мокрая трава, о чем-то шумели листья.

– Барболка! – ее зовут; какие тяжелые ноги, как она устала. – Да куда тебя несет, дура малохолдная!

– Отец, он там... вернулся!

– Молчи! – Кто это сказал? Девчонка? Мать? Гици? – Молчи и беги. Не оглядывайся, не думай, просто лети за лу-

ной. Луна выведет, луна и весна. Они есть, они с тобой.

– Барболка, сдурела совсем?! Родного отца не признает! Да стой же!

– Лети, забудь обо всем, лети! У тебя есть крылья, крылья и ветер. Четыре ветра не дадут тебе упасть.

У нее есть крылья? Есть, и она летит к шаловливой луне. Луна пляшет и мяучит, у нее голубые кошачьи глаза... Как она близко!

– Барболка, стой... Не то прокляну... Да стой ты, ... твою. Лунный прыжок, лапы-лучи с серебряными когтями, дикий, надсадный визг за спиной и ветер, пахнувший медом, горячий и ласковый.

– Мы еще станцуем. Ты не забыла? Ты обещала мне песню, я подарю тебе танец. Танец с ветром!

Шум реки, рванувшаяся вверх луна, земля под ногами. Что это за замок? Высокие башни, свет, тепло...

– Ты хотела сюда, тебя сюда звали, я тебя привела. Ты будешь здесь жить! Тебе будет весело, а я к тебе приду.

Она сюда хотела? Это Сакаци?! Конечно... Река под горой, двойная башня, и здесь нет другого замка.

– Я не хочу сюда, не хочу!

– Ты не хочешь, куда хочешь, – длинноволосое создание взмахнуло ночной гривой, – и хочешь, кого не хочешь... Зачем думать? Ты танцуй. Живи и танцуй. День еще растет, иди в замок... Иди радоваться, а я приду... скоро приду.

– Я не пойду туда, – выдохнула Барболка, – там...

– Там живут, ты живая, иди туда. – Слетевшиеся светлячки кружились вокруг головки девочки, словно звездный снег. – Иди к живым. Ты не хочешь к *ним*? К тем, за воду?

За воду? Лунная река, темный мост и трое на дальнем берегу. Отец, Феруш, Жужа... По колено в тумане. Там есть туман, а здесь – нет. Какой сильный ветер... Жужа спит. Отец опирается о лом. Так вот почему она его не нашла! А Феруш без шляпы, и лицо у него наполовину в чем-то черном.

Резкий рывок, острые коготки, впившиеся в запястье.

– Ты – живая!.. Забудь!

Скрип ворот, топот, голоса, факелы в руках, удивленные усатые лица.

– Девка, как есть девка!

– А хороша!

– Точно!

– Видать, гнался за ней кто!

– Ой, дак мы ж ее до Яблонь везли!

– Держи! Падает же!

– Ох ты ж, горюшко...

Звездный туман, запах рябины, метнувшаяся к луне крылатая тень и теплый, мирный покой. Она живая, она дошла. Все будет хорошо, ведь здесь ее гици...

Часть II

F. Liszt. Ungarische Rhapsodie Nr 2⁷

«Алаты по натуре своей суеверны, замкнуты и склонны к ереси и демонопочитанию. Особенно это относится к жителям Горного Алата, также называемого Черным. В сих краях доселе встречаются примеры самого отвратительного колдовства, от коего местные жители предпочитают обороняться не молитвой и покаянием, но прося защиты у богомерзких демонов, отдавая тем самым себя Врагу...»

Поучения святого Стефания Крионского

Глава 1

1

Красные с золотом бабочки казались живыми, и молодая хозяйка счастливо улыбнулась. Сын Миклоша появится на свет еще не скоро, она успеет дошить полог для колыбельки. В здешних краях нет приметы хуже, чем загодя готовить детское приданое, но она все равно будет вышивать. Просто никому не скажет, для кого на бледно-зеленом шелке трепе-

⁷ Ференц Лист. Венгерская рапсодия № 2, до диэз минор.

шут алые крылья. А когда она закончит полог, вышьет Миклошу его любимых золотых охотников.

С той весенней ночи, когда в одночасье ставший единственным рыцарь подхватил ее на руки, Рафаэла тонула в своем счастье. Миклош Мекчеи увез ее из отцовского дома, но это было не бедой, а сказкой. Дорога через звенящие от птичьих трелей горы, охапки луговых цветов, веселые люди в странных ярких одеждах, розовый город на шестнадцати холмах, из которых бьют родники, сливаясь в форелевый ручей, и ручью этому, приняв в себя множество рек и речушек, суждено превратиться в великую Рассанну.

Дочь агарийского герцога с легкостью сменила привычные платья на алатские, заплела две косы и стала называть рыцарей витязями. Миклош переделал ее имя на алатский манер в Аполку, и ей это нравилось, хоть и казалось странным. Жена наследника помнила отца, мать, сестер, старую акацию над засыпанным колодцем, в котором исчезли статуи древних богов, но тоски по прошлому юная женщина не испытывала. Как она могла тосковать, ведь рядом был Миклош?!

Как же он любил ее, сколько нежности было в его словах, улыбках, прикосновениях. Племянница короля свято верила, что существуют счастливицы, которым на двоих дано одно сердце, молила о любви Создателя, судьбу, старую акацию, и они ответили, послав ей Миклоша. Аполка не просто любила мужа, она боготворила его. И неукротимый Миклош платил ей взаимностью. Агарийке, само собой, намекали, что до

женитьбы сын господаря не пропускал ни одной красавицы, но ведь и она когда-то боялась ехать в Алат, считая горцев варварами и еретиками.

Аполка задумчиво разложила разноцветные шелка, выбирая нужный оттенок. Легко сказать «красный», а попробуй подбери цвет крыла бабочки или сердца мака...

– Ты прямо осенняя всадница, – вошедший Миклош нежно прижался щекой к щеке жены, – вся в золоте да в багрянце.

Молодая господарка счастливо улыбнулась, отвечая на ласку, и развернула свое шитье.

– Они мне предсказали тебя!

– Жаль, у меня уже есть герб. – Миклош уселся на пол у ног жены и принялся по одному целовать ее пальцы. – Но в твою честь я построю дворец. В нем будут золотые витражи с алыми бабочками.

– Нет, – Аполка коснулась губами черных волос, – это будут золотые всадники. Такие, как ты рассказывал. На рыжих конях.

– Да ты у меня демонопоклонница, – Миклош изловчился и сначала обнял жену, а затем стащил ее с кресла и повалил на себя, – я на ком женился? На агарийской принцессе или на еретичке?

– Еретичка? – прошептала Аполка, отвечая на поцелуй. – Почему?

– Потому, – расхохотался Миклош, – что святоши обо-

звали охотников демонами, а тех, кто в ночь Излома костры жжет, поет и пляшет, – еретиками. Нет, плясать мы, конечно, пляшем, но витражи с Золотой Охотой – это слишком даже для господаря.

– Мне однажды приснилась охота, – потупилась молодая женщина, – только весенняя. Я сильно болела... Мне привиделось, что я одна в подвале, как же мне было там страшно... Но потом стена рухнула, и появились они...

– Тебе было страшно, потому что там не было меня. – Губы Миклоша скользнули по шее Анны-Паолы-Аполки, и всадники с бабочками тут же унеслись, подхваченные сладким бешеным ветром.

Аполка вновь и вновь летела сквозь выюгу цветочных лепестков, видя лишь любимые глаза. Она не знала всех слов, которые шептал Миклош, и при этом понимала все: он бредил любовью по-алатски, она по-агарийски, но мелодия была одна – вечная, высокая, светлая, как истоки Рассанны.

Что-то легкое, как паутинка, коснулось щеки, счастливо рассмеялся Миклош, и женщина открыла глаза.

– Вот так и лежи, – шепнул витязь, – я хочу запомнить. Твои волосы – почти серебро. Теперь ты будешь вплетать в них осень. Смотри!

Миклош поднял светлую прядь, ему так нравилось, что у нее длинные волосы, длиннее, чем у его сестер. В серебристых волосах запуталось что-то красно-желтое. Так вот что коснулось ее щеки. Шелк!

– Как скажешь, – зеленые глаза агарийки сверкнули весенними листьями, – если хочешь, чтоб я стала рыжей, я ею стану.

– Не хочу. – Миклош чмокнул супругу в пополневшую грудь и решительно прикрыл ее недошитым пологом. – Я, знаешь ли, должен тебе кое-что сказать. Закатные кошки, ну почему, когда я иду к тебе по делу, ты такая красивая?

– А когда ты приходишь просто так? – Она готова была до бесконечности вести разговоры сразу ни о чем и обо всем, потому что это были разговоры о любви.

– «Просто» я прихожу ночью, – засмеялся Миклош, – темно, и я тебя не вижу. Может, и впрямь о делах лучше говорить по ночам, а днем мы найдем чем заняться и без этого... Хотя нет, отец не даст.

Наследник Матяша легко поднялся с ковра из медвежьих шкур и с улыбкой взглянул на жену, отчего по ее телу пробежала теплая волна. Миклош погрозил супруге пальцем и вздохнул:

– Мне придется уехать, а тебе остаться.

– Надолго? – выдохнула Аполка.

– На месяц, может, меньше. Может, больше.

– Возьми меня с собой, – прошептала женщина, глядя на сразу потускневший рисунок.

– Не могу.

– Это... это война?

– Глупости, – Миклош наклонился и поцеловал жену в

нос, — нет сейчас никакой войны, но, если я могу скакать на тебе, это не значит, что ты можешь скакать на лошади.

— Куда ты едешь? — Не все ли равно куда. Его не будет с ней целый месяц. Как же это страшно!

— В Сакаци. Старик Карои, побратим отцов, женится. Отец ехать не может, придется мне.

— На ком женится? — пролепетала Аполка, понимая, что ненавидит этого самого Карои, к которому должен ехать Миклош.

— На пасечнице какой-то, — хмыкнул супруг. — Дошлая, видать, девка. Железного Пала окрутить уметь надо. Отец и не чаял, что Карои себе пару сыщет, а вот поди ж ты!

2

Черная Алати была прекрасна! Миклош Мекчеи всегда любил эти края, а еще он любил дорогу и свободу, а сейчас эти два слова слились в одно. Он вырвался из столицы, впереди был целый месяц плясок, песен, старого вина и молоденьких красавиц.

Не то чтоб Миклош тяготился своим браком, могло быть много хуже, но витязь не коза и не корова, на одной траве захиреет. Развлекаться на глазах у Аполки молодой супруг не хотел — уж больно трепетной и слабенькой оказалась агарийка, такую обижать, что ребенка. Отец тоже бы не одобрил. Старик не уставал повторять, что с королевской пле-

мянницей им повезло, и был прав. Миклош мог смело гордиться изумрудными глазами жены и роскошными серебряными косами. Если после родов Аполка избавится от своей худобы, она станет просто красавицей, но самое главное – агарийка не оказалась змеей в постели. Святоши с королем прогадали, настояв на этом браке, а тесть, того и гляди, станет не просто родичем, но и союзником.

Куда ни глянь, огорчать Аполку нельзя, но чего глаза не видят, о том сердце не болит. Миклош твердо решил порезвиться на славу. Будущий господарь всю дорогу пребывал в отменном настроении, но дальше поцелуев с хорошенькими девчонками не заходил. Зачем? В Сакаци будет все и сразу. За хороший стол нужно садиться голодным, а наследник Матяша был голоден и при этом весел. Он с наслаждением шутил со своими витязями, горячил коня при виде молоденьких крестьянок, а на переправе через разлившуюся Яблонку подхватил в седло топтавшуюся на берегу чернявую девчонку, обещавшую лет через пять стать настоящей красоткой. Малышка хохотала, била в ладоши, а потом, на середине переправы, вдруг поцеловала витязя в губы. Совсем взрослому. Миклош пришел в восторг и на прощанье бросил смешливой нахалке золотой.

– Вырастешь, я за тобой приеду!

– Лучше я за тобой, – фыркнула малявка, хватая подарок, – ты еще забудешь.

Миклош расхохотался и вытащил из седельной сумки

жемчужное ожерелье. Ну и что, что он вез его невесте Карои? Он много чего вез, от пасечницы, в одночасье ставшей господаркой, не убудет.

– Лови! Да когда за мной придешь, не забудь надеть. А то не признаю!

– Признаешь, гици, – негодяйка ловко ухватила подарок, – ой, признаешь. – Девчонка тряхнула вороными космами и исчезла среди высоких, по грудь коню, росных трав.

– У, шальная, – одобрил Янош, – сразу видно, сердце с перцем.

Сердце с перцем – вот чего не хватало Аполке с ее вышивками и сказками. Перца! Огня, шальной улыбки, громкого смеха, острого словца.

– Эх, – Миклош пустил коня рысью, – сестрицу бы ей, старшую.

– Двух, – поправил лучший друг. – Может, свернем в село, спросим, чья такая?

Миклош на мгновение задумался и покачал головой:

– Не с руки нам опаздывать. Пал обидится. Ну, а на обратном пути чего б и не свернуть?

3

Шитая белыми розанами рубашка, алые юбки с золотой каймой, золотые мониста! И это все ее! Барболка Чекеи, обмирая от восторга, примерила свадебный наряд. Если бы

только gospodarь мог видеть свою невесту в эдаком великолепии, но Пал Карои ослеп в бою. Потому-то он и смотрел мимо, а она, дура такая, решила, что чем-то провинилась. Барболка сердце бы отдала за то, чтоб вернуть любимому глаза, но охотников излечить господаря не находилось. Это в сказках приходит на закате старик, творит чудеса и просит за них или жизнь, или красу, или сына нерожденного.

Девушка вздохнула, и тут же улетевшая было радость вновь нахлынула сверкающей волной. Пал Карои ее любит! Даже не видя лица. Услышал в дороге песню и потерял сердце. Он сам так сказал, просто из-за своей слепоты не признался. Теперь Барболка была благодарна сгнувшему Ферушу и его подлой мамаше. Если б не они и не странная поскакушка, она бы никогда не прибежала в Сакаци и всю жизнь прожила без седого господаря с орлиным лицом.

И все-таки хорошо, что она красавица. Палу никто не скажет, что он женился на уродке, у которой только и есть хорошего, что голос. А она любит его и таким, хотя жаль, что он не увидит ее в алых сапожках и венке из калины. Барболка несколько раз повернулась перед зеркалом, теперь у нее было большое зеркало, больше, чем на мельнице, подмигнула глядящей из стеклянной глубины богачке, сменила свадебные одежды на платье попроще и помчалась на кухню.

– Та все хорошо, гица, – стряпуха Моника, краснощекая и грудастая, прямо-таки сияла, – такие пироги, впору самому Матяшу.

– Что мне Матяш, – Барболка от избытка чувств расцеловала повариху, – лишь бы Палу понравилось. И какая это я тебе, к кошкам, гица? Барболка я!

– Ты – гица, – назидательно произнесла Моника, складывая на груди перемазанные мукой руки. – Что нос не дерешь, хорошо, да не всегда. Есть такие, которым по лапам не дашь, на шею сядут и поедут. А гици, думаешь, понравится, что ты со слугами чмокаешься?

– Понравится, – твердо сказала девушка, – а сколько елку розой ни зови, не зацветет. Пасечница я, а ты мне тетушка Моника.

– Ты Барболку нашу с пути не сбивай, – дядька Пишта, управитель Сакацкий, вошел в поварню и принял. – Права она. Пала господарем сабля да сердце сделали. Побратим его, Матяш, чего только гици нашему не дарил, хотел бы жабу знатную за себя взять, давно бы сыскал, да не таковский он. Сердцем искал, сердце и встретил. Не нальешь стаканчик, за жениха с невестой выпить?

– Стаканчик тебе, бочонок дырявый? – прыснула Моника. – Ишь чего захотел! Хотя... Ради такого дела и жеребец оскоромится. Барболка, выпьешь с нами?

– Ну разве чуть-чуть, – зарделась девушка. – Это папаша мой пил, а мне мамка заказывала.

– Оно верно, – похвалил управитель, – но за любовь да ласку не выпить грех.

– Гашпара так и не сыскали? – любопытствовала Моника.

ка, наливая в пузатые стаканы сливовой наливки.

– Как в воду канул, – важно произнес Пишта. – Мы только что землю носом не рыли. Ни Гашпара, ни Феруша. Может, и правда погань какая их прибрала, ну да нашли о чем при невесте говорить! Твое здоровье, Барболка, и чтоб у вас с Палом через год сынок был. Пей, да сразу!

Барболка послушно осушила стакан. Наливка была сладко-горькой и очень-очень крепкой.

Пишта одобрительно подмигнул и подкрутил ус:

– Молодец, гица. Совет да любовь. А скажи, крепко любишь господаря?

Барболка поставила стакан и положила руку на эсперу:

– Люблю. Слов нет, как люблю. Не жить мне без него, вот не жить, и все!..

Глава 2

1

Невеста была потрясающе, невероятно хороша. Как слепец сумел изловить такую красавицу, Миклош не понимал. Какой-нибудь тупица завопил бы, что девушка польстилась на богатство да титул, но алатский наследник разбирался в женщинах даже лучше, чем в лошадях и оружии. Барболка любила седого слепого витязя не меньше, чем его самого лю-

била Аполка. Женщина может лгать, когда смотрит на мужа, жениха, любовника, но не когда глядит мимо других мужчин так, словно их нет.

Невеста Пала не видела никого, даже Миклоша Мекчеи, который к такому не привык. Нет, витязь не завидовал отцовскому побратиму, который никогда не увидит, какая дивная птица к нему влетела. Просто, глядя на стройную девушку с высокой грудью и черными косами, в которых белели цветы калины, Миклош впервые в своей лихой жизни затосковал о том, что никогда не случится.

– Ну и девка, – шепнул захмелевший Янош, – за такой хоть в Закат. Слушай, а может, Пал и не слеп вовсе?

Пал был слеп. Будущий сакацкий господарь принял на себя предназначенный Матяшу удар и свалился под ноги обездумевшим коням. После боя Карои искали всю ночь, отец поклялся похоронить побратима своими руками, но Пал оказался жив. Несмотря на жуткие раны и измятый копытами шлем. Раны зажили, но, когда витязь открыл глаза, его окружила ночь.

– Нет, Янчи, – покачал головой Миклош, – не увидит он ее никогда... Видать, тут другое что.

– Так и есть, – сотник Габор, тоже седой, подлил Миклошу вина, – песнями она взяла. Тут слепой не слепой, а голову потеряешь.

Она еще и поет! Аполка никогда не пела, только слушала других, глядя вдаль огромными зелеными глазами. Жена

словно и не живет, а спит и видит сон о жизни. Она никогда не проснется, но он-то живет здесь и сейчас! Миклош Мекчеи встал, высоко подняв кубок лучшего алого стекла. Он привез три сотни таких, свадьбу переживет едва ли половина.

– Здоровье новобрачных! Будь у меня золота больше, чем листьев на деревьях, и отдай я все вам, я бы не сделал вас богаче. Что золото, когда есть любовь? Грязь под конскими копытами! Счастья вам с сего дня и до Рассвета! Радуйтесь!

Миклош выпил драгоценный мансай, не почувствовав вкуса, и с силой швырнул кубок об пол. Сверкнули алые брызги. Пал Карои поднялся, протянув руку невесте. Барболка вскочила, кровь прилила к смуглой коже, делая чужое счастье еще прекрасней и недоступней.

– Радуйтесь! – заорал счастливый Габор, разбивая пустой кубок.

– Радуйтесь... – Янчи казался растерянным, как ребенок, увидевший чудо.

Радуйтесь! Радуйтесь! Радуйтесь!

Темные усы коснулись алых губ, сверкнули золотом обручальные браслеты, полетела в сторону белая вуаль, золотые мониста, широкий, увитый лентами пояс, следом на пол одна за другой легли четыре алые юбки. Невеста осталась в длинной, вышитой белыми розами рубашке. В рубашке! Разрубленный Змей, она и впрямь девственница!

Пал Карои подхватил вспыхнувшее смуглым румянцем

счастье на руки и уверенно – не знаешь, нипочем не скажешь, что господарь слеп, – понес в спальню. Под ноги молодым полетели цветы калины и листья папоротника. Громко заголосили подружки невесты, оплакивая потерю, а Миклош Мекчеи не мог отвести взгляда от черной головки в белом венке, спрятавшейся на груди высокого седого витязя. Она его любит, а он ее, и с этим ничего не поделать, будь ты хоть четырежды красавец и наследник престола!

Громко хлопнула увитая зеленью дверь, повскакавшие с мест гости плюхались назад, хватались за кубки. Виночерпии сбились с ног, Миклош пил вместе со всеми и больше всех, но отчего-то не пьянел.

– З-зздоровье молод-ддых, – выкрикнул раскрасневшийся Габор, – сына им... хорошего... К Седой ночи.

– Погоди с сыном, – цыкнул кто-то, сбросивший из-за жары доломан, – пускай наиграются... Для начала!

– Оно так, – важно кивнул Габор. – Сначала ц-цвечки... Потом яб-бблочки.

Миклош, чудом не подавившись, проглотил тюрегвизе⁸, тут же вновь протянул больше похожую на кубок стопку, которую не замедлили наполнить, но голова, как на грех, осталась ясной. Габор с приятелем продолжали гадать о том, что творится в спальне, и вспоминать собственные подвиги. Миклош с досадой отвернулся и увидел на высоком стрель-

⁸ Тюрегвизе – настоянный на жгучем перце и иногда еще и на травах крепкий спиртной напиток.

чатом окне давешнюю девчонку. Черноглазое чудо, волосы которого украшал такой же венок, как у невесты, разулыбалось, замахало ручонками, и тут до витязя дошло, что малышка как две капли воды похожа на Барболку. Неужто сестры? А он-то думал, молодая господарка – сирота.

– Ты чего? – Янчи с немалой силой ткнул друга в бок. – Луны не видал?

– Да там малявка эта, – Миклош протянул стопку, – налей!

– Кто? – не понял Янчи, но налил.

– Та, чернявая, что у речки была, на окне сидит.

– А я думал, ты не пьяный, – удивился Янош. – Нет там никого, на такую высь разве что кошка заберется или воробей залетит.

Миклош обернулся, побратим был прав: на окне никого не было. Значит, он и впрямь напился... Ну и правильно, что делать на чужой свадьбе? Только пить.

– Гици Миклош, – старый Габор был удручающе серьезен, в усах блестели капли подлив, – пора нам.

А он и забыл, что замещает отца и в спальню идти ему, и никому другому. Сын господаря улыбнулся во весь рот и поднял поданную оруженосцем чашу:

– Пью последнюю, други, и за добычей!

Вопли, шутки, улыбки, белые зубы, черные и седые усы, смех, радость. Они рады, еще бы. Их гици наконец-то женился. На красавице-певунье. А как быть ему, привязанному к спящей на ходу бледненькой агарийке? Радоваться?! Мик-

лош отдал чашу Габору, взял протянутую свечу и нарочито медленно пошел словно бы потемневшими переходами. Сзади шептались подружки невесты, что-то звенело, гас, уходил в никуда шум пира, но наследник Матяша будто оглох. Он готовился к тому, что ему предстоит увидеть, и все равно оказался не готов. К счастью, Пал был слеп, а Барболка прятала лицо на груди теперь уже мужа. Миклош видел только спутанные косы, в которых еще держалась белая гроздь, и смуглую гибкую шею. Как бы ей подошел жемчуг, отданный безвестной девчонке с переправы, но разве он мог знать, какова невеста отцовского друга?!

– Здрав будь, господарь Сакаци, – произнес Миклош Мекчеи и снова изо всех сил улыбнулся. – Как охотился? Загнали добычу?

– Здрав будь, сын господаря моего, – голос Пала был хриплым, мертвые глаза сияли рассветными огнями, – была охота веселой, да и добыча неплоха. Возьми.

Миклош взял. Расшитая белыми розами рубаха была разорвана от горловины до подола и испятнана кровью. Барболка сохранила себя до свадьбы. Как и Аполка, к которой он завтра же вернется. Потому что оставаться под одной кровлей с юной господаркой сакацкой у Миклоша Мекчеи нет сил.

Свечи давно сгорели, черный небесный бархат неспешно выцветал, становясь темно-синим, меж оконных переплетов показалась ясная летняя звезда, предвещающая рассвет. Госпо- дарка сакацкая осторожно убрала с груди мужскую ладонь, откатилась на край кровати и встала. Ноги тонули в звери- ных шкурах, плеч касалась предутренняя прохлада. Барбол- ка вздохнула и оглянулась на смутно белеющую постель, где лежал человек, ставший вчера ее мужем. Это не было ни пес- ней, ни сказкой, это было больно, стыдно и неудобно. Дочка пасечника понимала, что Пал не виноват. Ей на ландышевой поляне приснилось одно, а вышло совсем другое, сны — они всегда морочат, но как же ей тогда было плохо, да и сейчас не лучше. Тело ноет, на руках синяки, и еще эта тошнота...

Молодая женщина, стараясь не шуметь, доковыляла до окна. Господарская спальня была в угловой башне на самом верху, и Барболка видела залитую туманом долину. Дальше шел лес, в котором она жила всю свою небогатую жизнь. Те- перь ей, связанной на горе и радость со слепым витязем, при- дется жить в Сакаци. Как же она ждала этой ночи, а в па- мяти остались лишь страх, недоумение и желание вскочить, убежать, забиться в какую-нибудь щелку, чтоб до нее никто никогда больше не дотронулся. Если бы так было со всеми, разве бы люди пели о любви? Значит, дело в ней. Магна их

прокляла из-за Феруша, теперь что другим счастье, ей – беда. И ничего с этим не поделать, потому как отец сгинул, а если родная кровь не имеет покоя, хорошего не жди. Безмогильные сосут из родичей радость, как пиявки.

Будь у нее хоть какая-то одежда, Барболка бы выбралась из спальни и хотя б кровь смыла, но у нее не осталось даже рубашки. Как же было больно, когда Пал рванул белый шелк, аж на груди полосы остались, зато теперь никто не скажет, что сакацкая господарка себя не соблюла, только кому это нужно?! Уж точно не ей, ей вообще ничего не нужно.

Внизу что-то закрипело, раздались голоса. Утренний холод брал свое, Барболка начала дрожать, но ложиться было страшно. Туман медленно пятился к лесу, на темной от росы дороге показался отряд. Десятка три витязей гнали коней прочь от замка. И кому это не терпится? Она-то думала, в такую рань после свадьбы все спят.

Как бы ей хотелось уехать с ними. Нет, не с ними, хватит с нее хоть мельников, хоть гици, она хочет домой... Только мертвую пасеку сожгла сухая гроза, у сакацкой господарки нет никого и ничего своего. Даже гребенки. Всадники медленно таяли в розовеющем тумане, к полудню доберутся до «Четырех петухов», а ночевать будут в Яблонях. Сельчане наверняка примутся расспрашивать про свадьбу и услышат про жареных кабанов, винные бочки, господарского сына, невестину рубашку. Ката помчится к Магне, та изойдет завистью и злостью. Откуда старой ведьме знать, как заорали

внизу пьяные гости, когда сын господаря вернулся к ним с добычей? Пал Карои пил вино, заливая шелковые одеяла, и поил жену, а ей хотелось выть. Правильно сказки кончаются свадьбами, потому что дальше нет ничего.

– Барболка! Барболка, где ты?

Господарь проснулся и слепо шарил по постели. Молодая женщина отскочила от окна, словно ее застали за чем-то гадким, хотя мысли тоже бывают подлыми.

– Я тут... Глядела, кто уехал.

– Ну и кто? – Розовый утренний свет заливал спальню. Медвежьи шкуры, дорогие кубки, сабли в красных ножнах. В здешних краях нет никого богаче хозяина Сакаци и никого бедней его жены.

– Кажись, сын господарский, – чужим голосом произнесла Барболка.

– Миклош? – не понял Пал. – И что ему в голову взбрело? Иди сюда.

Барболка медленно, словно под ногами были не теплые шкуры, а гвозди да битое стекло, пошла к постели, где ее ждал муж. Хорошо, что он не видит, но есть еще Моника, Габбор, дядька Пишта... Ей придется улыбаться, смеяться, хлопать в ладоши. Как же трудно быть счастливой, когда хочется упасть и сдохнуть.

– Барболка, – сильная рука сжала плечо, – я тебя ничем не обидел?

– Нет! – Разве это обида, если ненароком растопчешь цве-

ток на дороге? Обида, когда нарочно... – Нет, что ты!

– Значит, показалось, – Пал ее отпустил и улыбнулся: – Давно ничего не боялся, а теперь боюсь, пожалеешь, что со мной связалась. Надо было тебе приданое дать да замуж отпустить, а я... Старый дурак! Разве можно хватать руками песню?!

Слов у Барболки не нашлось, а хоть бы и нашлись? Голос, он тоже выдать может. Юная хозяйка торопливо прижалась к мужу и обхватила его за шею. Пусть делает, что хочет, что ему нравится, только бы верил в ее любовь, а она потерпит. Да пусть ее на куски режут, она никогда не сделает ему больно, потому что это безбожно.

– Барболка, – она научится смотреть в незрячие глаза, это нужно не ему, а ей, – неужто любишь? Мне правда нужна! Правда!

– Люблю... Чтоб меня Феруш с отцом забрали, если вру. Нет меня без тебя и не будет!

Все было не так, как во сне, и не так, как ночью, но это есть и это будет. Барболка Карои никогда не предаст Пала, потому что... Потому что и вправду любит. Или полюбит! Таким, как он есть, живым, настоящим, а ландышевый морок развеется, забудется, улетит с горьким изломным дымом.

Глава 3

1

Миклош вернулся раньше, чем Аполка смела надеяться. Муж пробыл в Сакаци всего одну ночь и умчался назад, даже не простившись с хозяевами. Умчался, потому что его ждала любовь, и любовь эта была счастлива, но свекор мог не понять сына, а молодая женщина не хотела становиться между Миклошем и отцом.

Будущая господарка алатская заставила себя высвободиться из объятий.

— Миклош, зачем ты так быстро уехал? Господарь Карои может обидеться.

— Вряд ли. — Ей показалось или Миклош чем-то недоволен? — С такой хозяйкой рухни замок, и то не заметишь.

— Такая красивая? — улыбнулась Аполка. — Красивее меня?

— Красивее тебя никого быть не может. — Миклош поцеловал жену в губы, но глаза его остались тревожными.

— Что-то случилось? — не выдержала молодая женщина. — Ты был у отца?

— Был, — на сей раз муж даже не пробовал скрыть досаду, — признавайся, ты с ним сговорилась, пока меня не было?

– Что ты! – Какая же она глупая! Миклош день и ночь гнал коня ради встречи с ней, а она встречает его так, словно для нее главное услужить свекру. – Я господаря и не видела совсем. Ты уехал, я не жила, только ждала. Понимала, что ты далеко, и все равно на дверь смотрела... Я только не хочу, чтоб тебе из-за меня плохо было.

– Ах ты, рыбка эдакая, – расхохотался Миклош, – да разве может из-за тебя беда приключиться? Да еще со мной?! Нет, малыш, мы свои беды сами сеем, сами растим, сами собираем. Только вот не выйдет мне тебе волосы заплетать. Надо в Вешани наведаться.

Так вот почему он такой злой и грустный! Опять разлука. Матяш не понимает, что они друг без друга не живут, для него главное – война да мошна. Кузнецов да стеклодувов он видит чаще жены, про витязей и говорить нечего, но Миклош совсем другой, только свекру этого не объяснить.

– Когда едешь? – Только бы не расплакаться, Миклошу и так плохо.

– Завтра утром. Может, оно и к лучшему.

– К лучшему? – Аполке показалось, что она ослышалась. – Почему?!

– Я не только отца видел, но и лекаря. Он говорит, чтобы ребенок здоровым был, ты должна себя беречь. Ты стерпишь, если я под твоей дверью скулить буду?

– Нет, – пролепетала женщина, кусая губы, – но ведь... все хорошо было.

– «Было» – не значит «будет», – голос Миклоша был твердым, но таких грустных глаз Аполка у него еще не видела. – Алати нужен наследник, и не один. Но рожать ты будешь при мне. Слово Мекчеи. Никакие гайифцы меня не удержат, пусть хоть армию высылают.

Он уедет, она это поняла. Уедет потому, что любит. Еще до свадьбы Миклош сказал, что есть соблазны, от которых можно только бежать, потому что противостоять им не в силах человеческих. Это теперь она видит, знает, чувствует каждую мысль любимого, его печаль, надежду, тревогу, а тогда она спросила, что это за соблазны. И Миклош сказал, что не может видеть ее лишь вместе с подругами или родичами. Если он не выдержит и влезет к ней в окно, то опозорит и себя, и невесту. Любимый уехал, она не стала его задерживать. И сейчас не станет.

– Миклош, – голос Аполки все-таки дрогнул, – я не могу жить без тебя.

– Я тоже не могу, – он вздохнул, – но мы ведь не навсегда прощаемся. Вешани славится ювелирами. Я привезу тебе убор из серебра и изумрудов.

Зачем ей изумруды? Ей довольно любви, но он хочет смягчить удар.

– Спасибо, – слезы рвались наружу, но молодой женщине удалось растянуть губы в улыбке, – я люблю изумруды...

– Я знаю. – Миклош прижал жену к себе, горячие губы коснулись затылка, и тут она наконец расплакалась.

Пал склонился с седла, поцеловал свою гицу и направил рыжего к мосту. Барболка птицей взлетела на стену, провожая всадников. Муж не мог ее видеть, но он знал, что она смотрит ему вслед. Она так придумала, чтобы Пал быстрее поверил ее любви, а потом привыкла и к мужу, и к Сакаци. Когда господарь уезжал, становилось пусто, и молодая хозяйка топила разлуку в делах, благо их хватало. Замок – это тебе не пасека, одних кладовых столько, что за неделю не пересмотришь.

Последний витязь скрылся за поворотом, медленно оседала поднятая копытами пыль, монотонно трещали цикады, солнечные лучи танцевали с речными волнами. Господарка сакацкая еще немного постояла, подставляя лицо слабому ветерку, и сбежала вниз, прикидывая, с чего начать. Дел, как и всегда, было невпроворот. Барболка гордилась тем, как она управляется с немалым хозяйством, и еще больше – тем, как Сакаци принял и полюбил бывшую пасечницу. Юная гица не раз слышала, как слуги радовались, что сокол ужился с малиновкой. Она и сама радовалась, хоть и любила Пала днем больше, чем ночью, а теперь муж уехал до осени. Гици объезжает замки и села, гица ждет да дом держит. Так заведено от века, но до осени – это так долго!

– Гица Барболка, – замахал рукой конюшонок, – будете

Звездочку глядеть? Дядька Имре говорит, пора ей.

— А как же, Мати, — засмеялась женщина. Она так и не приучила слуг звать ее по имени, но и слуги не вынудили господарку драть нос. Барболка Чекеи стала гицей Барболкой, только и всего. Так ее звали в замке, так ее звали в селах, так ее звал муж. Когда хотел подразнить.

Любимая кобыла Пала со дня на день должна была разродиться, но подсоленную горбушку взяла и позволила погладить себя по раздувшимся бокам.

— К утру ожеребится, — заверил конюх, — точно говорю.

— Смотри не обмани, — засмеялась Барболка, загадавшая на нерожденного жеребенка. Будет жеребчик, родить и ей первым сына.

— Чего ж обманывать, — расплылся в улыбке дядька Имре, — чай, не на базаре. Жеребчик будет!

Господарка чмокнула обалдевшего конюха в желтые усы и помчалась в винный погреб. Пересчитала новые бочки, проведала ткачих, прогнала прихворнувшую Ратку отлеживаться и нырнула на поварню перекусить и поболтать со стряпухами.

То, что стряслась беда, Барболка поняла сразу. Потому что Моника плакала, а остальные молчали. Есть такие слезы, которые не знаешь как утереть. Барболка тихонько шагнула назад, но ее уже заметили. Тетка Магда вздохнула так, словно решила не дышать до Золотой Ночки, и прижала руки к вискам.

– Ой, гица, беда-то какая! Ой, худо худое, смертушка смертная!

Моника вздрогнула всем телом и зашлась в рыданиях, рядом тоненько заголосила остроносая Анелька.

– Да что за беда-то? – Барболка сама не знала, почему ей вдруг стало холодно, может, потому, что она загадала на хорошее. Нельзя ни на что загадывать, беда, она только и думает, как бы со спины зайти.

– Пирошка пропала, – прошептала Моника. – Илька сестренку под дерево посадила да с подружкой заигралась. Оглянулась, нет малой, только кукла лежит. Людей подняли, всю округу перерыли. Так и не сыскали...

3

В прозрачном шаре плавали алые искорки, словно там, внутри, шел закатный снег. Миклош Мекчеи хлопнул гордого своей выдумкой мастера по плечу и бросил ему золотой. Стеклодув с достоинством наклонил голову, принимая награду. Не то что какой-нибудь агар! Тот бы плюхнулся на колени и стал лобызать господарские сапоги.

Да уж, послал Леворукий соседушек. Не друзья, не враги, а рабы во всем. Хоть в молитве, хоть в любви. Аполка глядит собачьими глазами и скулит. И будет скулить год за годом!

Миклош высоко поднял поднесенный ему кубок с игристым вином, выпил до дна, громко засмеялся и вскочил в

седло. На сегодня – все! Он свободен и от мастеров, и от витязей, только себя самого к закатным тварям не пошлешь, как бы ни хотелось.

У моста жеребец заартачился, не желая идти вперед. Миклош тоже не хотел под душные крыши, но кто бы пустил его в одиночку таскаться по горам и долам, а созерцать подданных и пересмеиваться с друзьями надоело. Алатский наследник мог подчинить любого коня. Вороной обиженно фыркнул, прижал уши, но вошел в украшенные пляшущими полулюдьми-полуптицами ворота. Присланный из Криона епископ который год требовал сбить богомерзкие барельефы, но местные жители предпочитали злить святош, а не древних.

Налетевший ветер растрепал волосы, принес запах полыни и звон дальних колокольчиков. Миклош соскочил с коня, кивнул на прощанье свитским, прошел в отведенные ему покои и запер дверь. Обычно сын Матяша не расставался с друзьями раньше полуночи, но сегодня не хотелось видеть даже Янчи. Витязь зажег свечу и распахнул окно, в которое не замедлил влететь предосенний ветер; Миклош слушал дальний звон и думал о жене Пала Карои.

– Гици грустит? Не надо. Ветер смеется. Смейся вместе с ним. Смейся и танцуй. Ты хочешь танцевать, и я хочу!

Она стояла на пороге. Черные кудри до пят, голубые глаза, серебряная эспера, в руках нитка жемчуга...

– Ты кто?

– Гици позабыл, а я помню! Я все помню. – Голубоглазое

создание склонило головку к плечу и засмеялось, словно колокольчики зазвенели. — Я нравлюсь гици?

— Вырасти сначала, — засмеялся Миклош, — я малолеток не ем.

— Ты меня не помнишь? — надула губки незваная гостья.

— Нет, — ответил Миклош и тут же вспомнил. Не девчонку, ожерелье. Он вез его на свадьбу и не довез. Значит, он спит и видит сон. Бывает.

— Ты не спишь, — засмеялась гостья, теперь глаза у нее были черными, — все спят, ты не спишь. Я не дам тебе спать.

— Вот как? — поднял бровь Миклош. — Значит, не дашь?

Порыв ветра задул свечу, смех рассыпался серебряным звоном, с неба сорвалась и покатилась голубая звезда.

— Где ты? Иди сюда!

Тишина, только на залитой луной крыше выгнула спину лохматая кошка. Витязь пожал плечами и высек огонь. Он был один, дверь заперта на засов, окно тоже закрыто. Станный сон, даже не сон — морок.

— Гици!

Барболка Карои сидела на постели в рубашке невесты и улыбалась, на смуглой шее белели жемчуга.

— Барболка!

— Гици не рад? — Алая губка вздернулась вверх. Какие у нее белые зубы, словно жемчужины. — А я так спешила.

— Это не ты, — резко бросил Миклош, — уходи!

— Я, — в черных глазах плясали кошачьи огни, — и ты это

знаешь. Ты звал, ты хотел, я пришла.

– Уходи! – Рука Миклоша метнулась в отвращающем зло жесте. – Улетай с четырьмя ветрами.

– Поцелуешь – уйду. – Барболка засмеялась и встала. – Если захочешь.

Две тени на ковре. Его и ее, у нее есть тень и у нее есть тело – горячее, живое, желанное!

– Кто ты?

– Я – это я, ночь – это ночь, ветер – это ветер, – алые губы совсем рядом, они пахнут степью, – а ты – это ты, и ты боишься...

– Я?! – Миклош рывком притянул к себе жену Пала. – Тебя?!

– Себя, – промурлыкала женщина, – я – это ты, а ты – это ветер...

– Я ничего не боюсь!

– Тогда целуй. Крепче...

Пляшет льдистая луна, под ногами кружатся звезды, словно снег, угодивший в хрустальный шар. Миклош с Барболкой тоже звезды, замороженные в стекло. Барболка смеется, на шее у нее синяя звезда, за плечами – крылья. Пол, потолок, свечи – все исчезает, остается только полет сквозь пронизанный ветром сон. Утром он очнется в чужом доме, утром все кончится, рассыплется пеплом, холодным, серым, горьким...

– Забудь! Забудь про утро, и оно не наступит.

– Барболка!

Треск рвущегося шелка, ковер под ногами, белый жемчуг, грудной женский смех. Он ее хотел, и она здесь, с ним. Она пришла к нему, как приходили другие. Отец, Аполка, слепой Пал, что им с Барболкой до них?! Они созданы друг для друга, они принадлежат друг другу, их ничто не разлучит – ни утро, ни закон, ни Закат...

– Миклош... Закатные кошки, да что с тобой такое! Миклош!..

Янчи? Откуда он взялся и почему так муторно?

– Миклош! Полдень уже.

Мекчеи попробовал поднять голову, одновременно тяжелую и пустую. Надо же было так напиться, хотя... хотя он же вчера не пил!

– Ты не заболел, часом?

– Сам не знаю. Дай руку.

Миклош не столько встал, сколько позволил себя поднять. На полу валялась смятая одежда, засов на двери был отодвинут, окно настежь распахнуто, внизу смеялись и звенели железом воины, у них явно ничего не болело, и они собирались в Вешани. Сын Матяша сцепил зубы, поднялся на ноги и остался жив.

– Янчи, у тебя фляжка далеко?

– Смеешься?

– Почти. Дай хлебнуть, и поехали!

Поехали. Сначала – в Вешани, затем – в Сакаци, иначе он

сойдет с ума.

Глава 4

1

Пала рядом не было, был страх – липкий, вязкий, отвратительный, но Барболка заставила себя войти. Она бывала в этом доме, когда молоденькой пасечнице и во сне не могло привидеться, что быть ей сакацкой господаркой. Тогда хата кузнеца казалась большой и богатой, но главным было не это, а доброта и веселье хозяев, а теперь Дорка и Тамаш потеряли двоих дочек.

Илька пропала ночью. Вечером легла, как положено, а утром – пусто. Как ушла, когда, куда, никто не слышал – ни отец, ни мать, ни братишка с сестренкой. Все спали как убитые, а у соседей выли собаки и рвались с привязи кони.

– Гица, – хмурый Габор, насилу согласившийся взять подарок с собой, покачал седой головой, – чего тут глядеть?

Чего глядеть? Много чего. Пирошкины погремушки-тыковки, тряпичная кукла в синей юбчонке с красными ягодами, глиняная расписная кошка... Барболка зачем-то подняла с пола кожаный пояс, положила на смятую постель и вышла. У порога все еще валялся околевший кобелек, остренькая черная морда в кровавой пене, лапы свело судоро-

гой. Отравили? Кто? Зачем?!

За воротами скулили и подвывали медвежьи гончаки, не желая заходить во двор. Чаба, молодой выжлятник, подбежал к Габору, губы парня дрожали.

– Не идут, – выдавил Чаба, – ну никак не идут, хоть волоком волоки.

– А на кой волочь? – огрызнулся Габор и оглянулся на Барболку. – Не пойдут они по следу, да и следа никакого нет, срамотища одна! Едем, гица, нечего тут ловить, а ты, Дорка, собирайся и малых прихвати. У матери поживешь, через воду погани ходу нет.

Кузнечиха ничего не сказала, ровно не слышала. Кузнец вынес из дома девочку, передал Чабе, вернулся за мальчиком, укутал плечи жены красным платком, та не заметила. Предоставленные самим себе собаки путались в ногах псарей и жалобно скулили.

– У толстого Денеша куры передохли, – зачем-то сказал Чаба, – кроме рыжих. А петух онемел.

– Упаси Охотнички, – пробормотал Габор, – и гици, как назло, уехал.

– Монахов от Ласло звать надо, – забормотал подоспевший староста.

– А за какими кошками? – перебил помятый, как с перепоею, Петё. – Как в Колодцах овцы мерли, так монахи семь раз вокруг обошли, надымили да двенадцать фур с шерстью увезли. А овцы все одно повысдохли.

– Осоки накосить бы, – буркнул дядька Пишта.

– И рябины, она как раз в рыжину пошла.

– Мост на ночь спустить и осокой засыпать, она и обойдет...

Четыре костра, живая вода, открытые двери... Все верно, холодные гости с весны до осени не видят открытых дверей, а сквозь закрытые проходят, будто сквозь дым. И огня они не любят, и бегущей воды, а осока отводит пустые глаза от живой крови.

Кузнец взял жену за руку, та пошла за ним, как слепая... Заступнички дальние, какой же веселой Дорка всегда была, как отплясывала в Золотую Ночку в синей юбке с красными ягодами, той самой, из которой сделала потом куклу дочкам.

– Гица! Ехать пора!

Барболка еще раз глянула на опустевший дом с распахнутой настежь дверью и, сама еще не понимая зачем, побежала назад. Холодные гости следов не оставляют, холодные гости ходят своими дорогами.

– Гица Барболка!

Но Барболка уже шагнула в спальный угол. Вот она, куколка в синей юбке, а вот и сундук с одежкой. Сакацкая господарка, недолго думая, вывалила содержимое на пол. Красная безрукавка, золотой в алые птицы платок, платье в зеленых горохах, синяя юбка. Целая! И ягоды на ней другие...

– Гица!

– Постой!

Вот она, куколка. Льняная коса, намалеванное углем лицо, глазки-пуговицы, синяя юбочка в алых земляничинах. *«Тебе нужно красное, красная юбка, шитая золотом. И сапожки тоже красные. И монисто. И эту синюю с ягодами тоже возьмем...»*

– С ума сошла, девка?! – Бедный Тамаш, забыл, что она теперь гица, а вот Барболка Карои это помнит. И сделает, что должна, хоть и страшно.

2

Сказать, что Барболка боялась, значит ничего не сказать, но любишь мед, люби и пчел. Внучки Моники не виноваты, что в Яблони Холодная гостья заявила.

Сакацкая господарка отняла руки от лица и оглядела такую безопасную и уютную спальню. А может, она ошибается? Ненависть и обида, они ведь глаза застят, вот она и прицепилась к синей тряпочке, а остальное примерещилось. И незачем ей идти ночью за ворота! К осени вернется Пал, она все ему расскажет, даже то, о чем молчала как распоследняя дура.

Значит, сидеть за живой водой и четыремя кострами, а в селах будут дети пропадать? Холодная гостья, раз повадившись, так и будет ходить, пока дверь не захлопнут или гроза не сожжет, только грозу и переждать можно, если есть где. А началось все с ее, Барболки, глупости, ну зачем она взяла

Ферушев браслет?! На сытую жизнь позарилась, теперь как хочешь, так и плати, а за чужие спины не прячься.

Под окном орали воробьи, ярко светило солнце, наливалась соком рябина, гнулась под тяжестью рыжих ягод, обещающая холодную зиму. Вчера на закате Барболка сорвала четыре тяжелых грозди, никто не удивился – рябину сейчас ломали все. Молодая женщина вдела нитку в иглу, с силой уколола палец, торопливо прошептала «вечерний гость, возьми мою кровь, конь к коню, огонь к огню, гроза к грозе, звезда к звезде» и села низать бусы. Блестящие, пахнущие будущей осенью сочные шарики приникали друг к другу. Смогут ли они защитить? От отца с Ферушем – нет, но, говорят, Холодной гостье женщины не нужны.

Господарка тщательно переплела косы, оделась попроще, чтоб на тракте не удивлялись, и скользнула в спальню Пала. Хорошо, что она соблюла себя до свадьбы, а муж не дал спалить ее рубашку. Рубашка невесты для холодных хуже кости в горле. Белый шелк, белые розы, зеленые листья, бурые пятна на подоле. Какой счастливой она была в день свадьбы и как плохо стало утром. Ничего, *ты* ночь пережила, и эту перебедует. Барболка погладила подушку, расправила одеяла, провела пальцами по деревянным завитушкам.

Больше всего хотелось зарыться щекой в медвежий мех и никуда не идти, но сегодня неделя, как пропала Илька, и две, как утащили Пирошку. Сегодня в Яблони снова придет беда. Может прийти. Молодая женщина повернула ключ в

замке, запираясь изнутри. Когда ее хватятся? Если повезет, не раньше чем к вечеру. Сакаци – замок большой, а господарка не из тех, кто сидит в своей светелке. Гица тщательно связала сцепленную кровавой ниткой рубашку в узел, обмотала вокруг шеи рябиновые бусы и глянула в окно. До заката далеко, но и дорога неблизкая. Барболка встала на цыпочки и потянула из висевших на стене ножен кинжал. Скрипнула и отошла в сторону деревянная панель, открывая потайной ход, о котором гици говорит гице в день свадьбы.

Охотнички вечные, что скажет Пал, если узнает, что она натворила?! Что с ним будет, если она не вернется?! Что будет с ней, если она права? Выходит, не идти? Барболка тронула эсперу, закусил губу и скользнула в узкую, пахнущую вековой пылью щель.

3

Село спало, но с открытыми глазами. Распахнутые ворота, засыпанные осокой дворы, свечи в окнах, гремящие цепями собаки, светящиеся кошачьи глаза и мертвые улицы. Ни дружков с подружками тебе, ни пьяных. Барболка поплотней закуталась в шаль, и все равно было зябко. Разорванная рубашка хороша для спальни, а не для одинокой ночи в брошенном доме. А может, еще пронесет? Не полезет же Холодная гостья через осоку! Унесла двоих, и хватит с нее!

Господарка медленно прошла по тихому двору. Мертвую

собачонку давно сожгли, лошадок приютили соседи, кошка сама ушла. Барболка помнила трехцветную ленивую красотку, днем нежащуюся на крыльце, а к ночи забирающуюся в дом. Если в доме нечисто, первой почует кошка. Почует, уйдет и не вернется. Лохматая девчонка тоже не вернулась.

Барболка так и не поняла, что за создание сначала прицепилось к ней, а потом бросило, но сейчас отдала бы все на свете за дальний звон колокольчиков. Увы, вместо него раздался отдаленный собачий лай. Цепной пес заходиллся от бессильной, древней ярости. Барболка слышала, как выла по умершей матери Жужа и рвался с цепи зачужавший волков Лохмач, но это было что-то иное. Сельские псы не лаяли, они оралли от ненависти и ужаса, им вторили обезумевшие лошади, козы и овцы. Только люди молчали. Неужели спят все, кроме нее?! Или не спят, а трясутся среди горящих свечей, моля то ли Охотничков, то ли Создателя, чтоб беда прошла мимо, а там хоть трава не расти. Сакацкая господарка сбросила плащ, оставшись в одной рубашке, схватила проклятую куколку и выбежала на улицу.

Псы и кони сходили с ума по всему селу, но Барболка отчего-то побежала к лавке Петё и угадала. Прямо поперек дороги лежал мертвый волкодав. Женщина с разбегу остановилась и разглядела в проходе меж заборов две фигурки, бегущие меж отцветающих мальв.

Барболка закричала – никого, двое впереди тоже не ответили, как бежали, так и бегут. Вприпрыжку, взявшись за

руки. Неужели никто не выйдет?! Хоть бы в окно глянули, нетопыри сонные!

Думать было некогда, господарка отшвырнула поганую куклу и помчалась за уходящими сквозь несмолкающие собачьи хрипы. Как быстро они бегут и какие они маленькие! Кто бы это ни был, та, на кого она грешила, спит в своей постели. Или не спит, это уже не имеет значения. Распахнутые настежь ворота, еще одни и еще, и еще, освещенная церковь, сквозь цветные витражи льется теплое золотое сиянье. Заступнички дальние, есть там кто или нет?

Улица переливалась в улицу, село кончалось, последний дом остался позади, тропинка повернула вдоль берега Яблонки, пошла под гору. Барболка снова закричала, ответили лишь собаки. Вернуться? Нужно вернуться, что она сделает одна? Что тут вообще можно сделать? Улица превратилась в тропинку, резные крапивные листья качались у самого лица, лай стихал, отдалялся. Куда теперь? Направо – к мосту? Налево – к мельнице? Или назад?

– Мама! Мамочка!

Барболка кинулась на крик, словно пришпоренная. Как жарко! Тяжело и жарко, словно она бежит в кожухе! Плач перешел в смех. Кому там смешно?! Нет, все не так! Один голос плачет, другой смеется, тоненько, хрипло, зло.

– Пусти! Илька, пусти! Я домой пойду!

– Домой, хи-хи-хи... домой!

– Илька, я не хочу!

– Не хочу! Не хочу!...

– Отпусти... Я тебе бусики дам... и сапожки.

– Хи-хи-хи...

– Илька-а-а-ааа!

Барболка рванулась сквозь крапиву и ежевичник, не разбирая дороги, заросли кончились, в глаза вцепился ядовитый зеленый дым.

– Пусти... Илька, миленькая, пусти...

Трое! Трое на мокром от росы берегу. Трое, луна и она, Барболка. Зеленое марево дрожит, пляшет, издевается. Пропадавшая Илька сидит на траве, раскинув ноги, словно кукла. Марица, Илькина подружка, катается по земле и кричит в голос, а рядом – вторая Илька. Стоит и смеется.

– Отпусти ее, слышишь?! – Кому это она? Тому, что смеялось? Холодной гостье? Никому?

– Барболка! – Марица пытается подняться, падает, тянет ручонки. – Барболка!

Зеленый дым ест глаза, душит, шипит, словно попавшая на раскаленные камни вода. Сидящая Илька падает на четвереньки, ползет к подружке. Медленно, словно слепая.

– Марица, беги! В село беги! А ты... пошла вон, подлая! Брысь!

Что она несет?! Молиться надо, а она? Где эспера? Нет, только ожерелье под руками, какое оно горячее! Горячее и мокрое!

Первая Илька доползла до Марицы, ухватила за лодыж-

ку, вторая захихикала и забила в ладоши.

– Марица, ты живая, иди к живым! Лети... Четыре ветра тебе помогут! Четыре ветра, четыре молнии. *Конь к коню, огонь к огню!*

Зеленое марево прыгнуло назад и вниз, зашипело, полилось удирающим ужом вдоль реки. Марица рванулась, рука гаденыша оторвалась от туловища, но добычи не выпустила. Только задрожала, как недоваренный студень.

– Марица, беги, домой беги! Я их не пущу. *Рябина к звезде, ветер к грозе! Заря близко, тучи низко!*

Свистит, поет в ушах ветер, рычит разбуженный гром. Как гром? Откуда?! Ясно ж на небе!

– Вон, иди вон! Убирайся, разорви тебя четыре ветра! Танцуй с ветром, танцуй, Марица, танцуй! Ты живая!

Хрипло, ненавидяще, мерзко заревел невидимый осел. Илька хохочущая подскочила и оседлала Ильку однорукую, две твари слились в одну, упавшую на четыре ноги. Ослица без тени взбрыкнула задом и, хромая, поскакала вслед за зеленой немочью. Через луг, вдоль обрыва и дальше, к плотине.

Что ее прогнало? Рябина? Кровь на рубашке, всплывшие в памяти слова или просто ночь кончается? Все кончается, но она жива, просто не может танцевать... Сейчас не может!

– Барболка, Барболка! Ты где? Мне больно! Ногу больно... И холодно!

– Сейчас, Марица, сейчас! – Голова кружится, но это ни-

чего. – Я уже... уже иду!

Глава 5

1

Миклош понимал одно: перед ним – Барболка, и это снова сон. А как же иначе, ведь на женщине насквозь промокшая от росы свадебная рубашка и алое ожерелье. Алая кровь пятнает белый шелк, черные косы спутались, под глазами темнеют круги, как у него самого, когда он проснется. Ну и пусть! Миклош не мыслил жизни без снов о жене сакацкого господаря. Наследник Матяша улыбнулся, ожидая танца со звездами, но танца не было.

– Помогите! – Барболка просила, словно девчонка с пасеки, но такой она нравилась Миклошу еще больше. – За ради всего доброго, скорее! Пока роса не сошла.

– Что случилось, красавица? Разбойники? – Янчи?! Откуда? В снах Барболка всегда была одна и носила жемчуг, а не сердолики.

– Помогите, – торопила женщина, – тут, близко... Марица там. Я побежала к тракту... Так скорее...

Сердолики оказались ягодами рябины, сквозь разорванную рубашку виднелись крапивные волдыри, и Миклош понял, что не спит и перед ним впрямь жена Пала Карои,

невесть как очутившаяся на лесной дороге.

— Да ты же замерзла! — Янчи, на ходу срывая плащ, спрыгнул на землю, сакацкую господарку он не узнал. Как и она его. Барболка смотрела, но не видела. Что с ней? Сбежала от мужа? Неужели?!

Если б не витязи, Миклош подхватил бы красавицу в седло и зацеловал до смерти, но он был наследником дома Мекчеи и помнил, на чьем мече и на чьем слове держится Алати.

— Какая Марица? — собственный голос показался чужим и глупым. — Где?

— Там, — махнула рукой Барболка и покачнулась. Янчи, негодяй, поддержал ее, но женщина не заметила. Не стыдилась она ни разорванной рубашки, ни кровавых пятен. Откуда они? Барболка давно жена Пала.

— Ты ранена? — Миклош схватил свою мечту за плечо. — Отвечай!

— Нет, — она вывернулась из его объятий, точно кошка, — не я... Марица. Худо ей!

— Нашел! — Радостный крик Янчи оборвался, словно стакан разбился. Миклош бросился на голос, побратим держал на руках девочку лет семи. Темная головка моталась на тоненькой шейке, правая нога до колена превратилась в багровое бревно.

— Богова Охота, — выдохнул рыжий Золтан, — что с ней?

— Холодная гостья, — прошептала Барболка, — мармалюца... За ногу ухватила. Я ее отогнала, только поздно, боюсь.

Вот так взять и сцепиться с тварью, о которой и говорят-то шепотом! Хотя теперь ясно, с чего господарка сакацкая в одиночку в свадебной рубашке по полям бегаёт. Холодную гостью иначе не догонишь, только догнать – одно, а прогнать – другое.

Миклош тронул лоб девочки и едва не отдернул руку, заглянув в туманную, полную яда пропасть. Ну нет! Миклош Мекчеи не трусливей Барболки Карои.

Марица застонала и попросила пить, Барболка растерянно оглянулась. Может, она и сражалась с нечистью, но теперь перед Миклошем была женщина – одинокая, растерянная, до смерти напуганная и до одури красивая.

– Тюрегвизе! – рявкнул Мекчеи. – И костер разожгите, сразу выжигать будем.

– Так поздно уже, – покачал головой Золтан, – до колена дошло.

– Без ног живут, – огрызнулся Миклош, – а без одной и подавно. Приданое дам, замуж выдам.

Что-то горячее коснулось глаз и исчезло, стало жарко, словно руки в кипятком окунули. Шалые глаза, блестящие крылья за спиной или это волосы? Барболкины волосы или чьи-то еще?

– *Передай*, – звенит в ушах, – *передай, передай, передай...*

Миклош грохнулся на колени, он еще ничего не сделал, но малышка дернулась и закричала.

– Барболка, давай руку!

Женщина подняла измученные глаза. Она ничего не понимала. Миклош тоже не понимал, но знал, что делает правильно.

– Руку!

Чужая ладошка во вдруг одеревеневших пальцах, белая метель в глазах. Не метель – лепестки, бессчетное множество лепестков. Южный ветер срывает их с вишен, звенят дальние колокольчики, хохочут, пляшут, звенят браслетами крылатые создания, и мчится сквозь весеннюю живую метель вечная охота. Бьют юную траву серебряные копыта, заливаются серокрапчатые синеглазые псы, вьются длинные гривы, смеются, горячат коней, подбрасывают и ловят на скаку клинки черноволосые всадники. Так было и так будет, только лепестки разлетятся пчелиными роями, обернутся листопадом, станут снегом и вновь вскипят вишневым цветом... Жизнь вечна, мир вечен, полет вечен!

– Барболка? Где ты, Барболка?!

Откуда взялась малышка с испуганными глазами? Почему у Янчи такое лицо? Куда делись пронизанные солнцем цветущие деревья? Когда кончилась весна? Когда наступило утро?

– Охотнички вечные, сказал бы кто – не поверил...

– Прошло, как есть прошло!

– Как и не было!

– Рука господарская, одно слово!

Чего от него ждут, а ведь ждут! Холодно, больно, но так

всегда бывает. Счастье во сне, боль на рассвете.

Миклош Мекчеи стер со лба холодный пот. Рядом Барболка гладила по голове чернявую девчушку, а на плечах у нее был плащ Янчи. Это не было сном, но опухоль спала, нога малышки была ногой, а не жутким бревном. Утренний ветер коснулся щеки, словно ладонью, и затих, только качались, осыпая росу, зрелые травы.

– *Бери пока берется... Мы танцевали. Теперь танцуй сам, танцуй и пой! А я с тобой... с тобой...*

– К мамке б ее, не таскать же с собой!

– Точно. На мармалюцу идем, там малым не место!

– Не найдем. Заря встала, след остыл...

– *Танцуй, Миклош, танцуй!*

Сын алатского господаря оглянулся на теребивших сабли витязей и наклонился к девчушке:

– Марица, кто тебя свел?

– Илька, – малышка доверчиво улыбнулась, – она Пирошку нашла... На мельнице. Я и пошла. Барболка! Барболка, ты где?

Дети что солнышко по весне. Вот смеется, а вот уже и плачет. Барболка подхватила Марицу, что-то зашептала. Какие у нее глаза, у оленей и то меньше.

– Гица, – окликнул Янчи, – знаешь, где мельница?

– Знаю, – голос женщины дрогнул, – там она гнездо и свила, больше нигде. Мельничиха прикормила. То из-за меня все...

Из-за нее?! Может, и так. За такую Рассвета и то не жаль. Витязь оглянулся на свиту – губы у всех сжаты, на скулах желваки играют. Миклош Мекчеи поправил ворот и бросил: – Елек, отвези малышку в село. Остальные – на мельницу!

2

Барболку взял в седло Янчи, и Миклош стерпел – негоже сыну господаря при всех хватать чужую жену, да и не до любви сейчас. Если мармалюца вырвется, тем, кто ее загонял, беды не миновать. Миклош поравнялся с Янчи, заставляя вороного идти голова в голову с рыжим.

– Гица, скольких гостя прибрала?

Женщина задумалась, сведя темные брови, рассветные лучи скрывали бледность, вызывая в памяти крылатые сны.

– Первой Пирошку кузнецову утащила, потом сестричку ее, Ильку. Марица третьей была.

Значит, четверых под рукой у ведьмы еще нет. И на том спасибо.

– А на мельнице кто живет?

– Сам мельник, – не хочет Барболка о ведьмином гнезде говорить, а он слушать, да куда денешься, тут восемь раз отмерить нужно, и все одно как в омут головой, – Магна, про нее давно говорят, что с дурным знается. Дочки две у них на выданье да сын мельничихин старший с семейством. Раньше еще один сын был... Пропал по прошлой весне. И отец мой

тогда пропал, уж не знаю, кто из них кого убил, но по злобе это вышло.

Вот оно! Убитый, убийца и дурная смерть. Первый вяжет второго мертвой кровью, второй сам себя ложью да злобой, а дальше по-разному бывает. Кто, пока тела не найдут, своих мытарит, кто – чужих, но хуже всего, если родичи на ущербной луне вниз лицом в могилу кинут да собачьей кровью полют. Сам Миклош такого не видел, но слышал... Мерзкое дело было!

– Вот она, мельница, – тихо сказала Барболка. – Тут и Пирошка, и Илья, и... и другие.

Сын господаря кивнул и огляделся. Мельница как мельница – плотина, омут, ракиты, колесо по воде шлепает, чуть повыше – дом. Большой, крепкий, век бы простоял, да придется ему черным дымом к солнышку лететь. Миклош неторопливо поправил шапку и послал коня к запертым воротам. Береглись бы нечисти, не затворяли бы.

Стучать пришлось долго, хозяева то ли спали, то ли прятали чего. Наконец раздалось хриплое:

– Кто такие?

– Миклош, сын господаря Матяша, – рявкнул Янчи, – да господарка сакацкая. Отворяйте, а то сами войдем.

Один за другим лязгнули два засова, звякнула цепь. Угрюмые створки заскрипели и раздались, показался двор – мешки под навесом, дрова, куча песка. Ни собаки, ни курицы, ни кошки.

– Стерегутся, а пса не держат, – шепнул Янчи, – на помощничков, видать, надеются.

Мельничиха, еще не старая, когда-то красоткой была, выплыла на крыльцо, обтерла руки о расшитый фартук. Лицо сладкое, как мед, на шее – святая эспера, на руке – золотой браслет. Рядом – мельник, здоровенный, румяный, морда как пятка. Миклош спрыгнул с коня, зацепил поводья за луку седла.

– Богатый у вас дом.

– Не жалуемся.

– Сколько работников держите?

– Зачем нам работники, – наморщил лоб хозяин, – сами управляемся.

Ой, сами ли?

– А что, хозяин, кошачья роза у тебя не растет, – вмешался Янчи, – да и рябины не видать?

– А с чего ей расти, – влезла баба, – сыро здесь, да и на кой ляд нам колючки да кислятина?!

– Чтоб гости незваные не захаживали, – ухмыльнулся Миклош, – а то крапивы у тебя и той нет.

– Да что ж вы, гости золотые, с бурьяна-то начали, – расплылась в улыбке тетка, – а в дом зайти? Вино у нас хорошее, хоть кого спросите, тюрегвизе есть, сливовица, хлеб горячий, мясо свежее...

– Не ем я человечины, тетка, – отрезал Миклош, – так что не обессудь. Говори лучше, где работнички ночные лежат?

Мельник судорожно вздохнул и усталился на жену. Мельничиха сложила руки на высокой груди и зачастила:

– Ой, да что это господарь говорит?! Да за что ж нам такое? Живем смирно, никого не трогаем, бедным подаем, подати платим, в церковь святую ходим. Да провалиться мне на этом месте, если нечисто у нас! Да покажите мне того, кто про нас плохо скажет, я ему в глаза его подлые плюну.

– Я скажу. – Барболка вышла вперед и стала, глядя мельничихе в глаза.

– Кто Ильке куклу в синей юбке подбросил? Не ты, скажешь?

– А хоть бы и я? – вскинулась мельничиха. – Чего б дитенка и не порадовать? Живем богато, хоть и не тебе, господарка ты наша, чета, вот и делимся.

– Не к добру ты, тетка Магна, щедрой стала, – тряхнула волосами Барболка. – Раньше у тебя палого листа по осени не допроситься было. Ну да гостью твою я своими глазами видела. И чем прикормила ты ее, знаю.

– Ух, много ты знаешь! – Глаза мельничихи, зеленые в золотую крапинку, плеснули злостью, смыв с лица и мед, и сахар. – Только и я про тебя знаю. Как была сучка течная, так и осталась. Феруш из родного дома по твоей милости ушел, опозорила парня, и все мало тебе?!

– А ну, замолчи, – прикрикнул Миклош, – а мы поглядим, ушел твой Феруш или здесь лежит, в песьей крови купанный! Работничков стережет.

– Ну, так ищи, – огрызнулась ведьма, – двор большой, а Черная Алати и того больше.

– Найдем, – заверил сын Матяша, – и Феруша, и побратима его могильного, и Пирошку с Илькой. И золото то поганое, которым гостья за постой платит, тоже отыщем.

Мельничиха тронула святую эсперу и поклонилась. Жаба ядовитая, и ведь не ущучишь! Миклош знал, что Барболка права. Не верил, а знал, да поди сыщи укрытую мороком могилу, а найти надо до заката, иначе утечет Холодная гостья бледным маревом и не уймется, пока не отомстит.

Хлопнула дверь, выбежал из дома мальчишка лет пяти, уставился на неожиданных гостей, заплакал. Марица тоже плакала. И Илька с Пирошкой, пока были живы. Кто еще знает место могильное? Дочки? Невестка? Муж? Или никто? Ведьма сдохнет, не скажет, хоть перевешай у нее на глазах все ее отродье. Того, кто родимым сыном холодную тварь кормил, жалостью не пропрешь, но до вечера гадюка не доживет. Нельзя такую живой оставлять, пусть сгинет под честным солнцем, на рябиновом костре сгорит, а пепел по четырем дорогам четыре конника разнесут. Чтоб не вернулось ни мышью, ни птицей, ни мухой, ни грибом ядовитым.

Ветер кошкой прыгнул в лицо, солнце брызнуло в глаза алмазной россыпью и погасло. Миклош потряс головой. Все было прежним, только тревожно звенели вдали колокольчики, звали, требовали.

– *Иди, – велел ветер, – иди и увидишь... иди и найдешь...*

На грязи нет танца. Убери грязь и танцуй...

– Гици! – Барболка! В черных глазах боль и сила. – Я знаю, где они... Это на лугу. Напротив кривой ракиты.

– Я тоже знаю.

И еще он знает, что они с Барболкой – одно целое. Жизнь Марицы и смерть ведьмы свяжет крепче обручального браслета и людской молвы.

3

Страшное место, роса сюда и та не падает. Какая роса, тут и травы-то нет, а есть наполовину заполненный серой пылью провал, из которого торчат трехрогие ветки. Здесь они и лежат. Оба. Отец да Феруш.

Легкий звон, словно струна скрипичная лопнула, и нет ни веток, ни пыли зыбучей, ни ямы. Только трава-белоцветка да веселая роса.

– Ничего не вижу, – пожаловался высокий воин с добрыми глазами, кажется, Янчи.

– Поверь на слово, – бросил Миклош Мекчеи, – здесь это.

Почему они с сыном господаря видят, а другие – нет? Барболке захотелось вцепиться в чье-нибудь плечо, а еще лучше, сбежать, но она только плотней запахнула плащ.

Шестнадцать витязей встали по кругу, где велел Миклош. Они видели только траву, а внизу, под слоем холодного праха, шевелилось, исходя злобой, зеленое марево. Убить не

убьешь, но прогнать в подгорные болота можно.

Шестнадцать знавших кровь сабель вошли в землю с четырех сторон, отделяя гнездо от чистого луга. В светлых клинках вспыхнуло солнце, превращая сталь в огонь. Резанул Миклош Мекчеи по руке ножом с роговой рукоятью, тронул кровавой ладонью четыре рябиновых кола, и вошли они в землю, как в масло.

Дальше – просто. Вырыть, выбрать до последней пылинки холодную мерзость, набить яму рябиновыми поленьями и четыре дня жечь костер, а выбранную погань смешать с толченым стеклом, рябиновым углем да кошачьей шерстью, забить в еловые сундуки и на закате утопить в горячем озере, чтоб ни следа, ни памяти. Холодные гости не терпят кошек и еловой смолы... Она уйдет, должна уйти!..

– Больно! – Пухленькая девчушка лет четырех поднялась из травы, по щекам текут слезы, на вышитом платишке – мокрая земля. – Горячо!

– Пирошка!

– Мамка! – малышка заковыляла к Барболке. – На́ меня! Мамка!

Живая! Господари грозовые, живая!

– Стой! С ума сошла! – Кто-то ухватил Барболку, сжал до боли плечи. Пирошка замахала ручонками, за плечом сестренки поднялась насупленная Илька, тоже в земле. На щеке – синее пятно, три пятна на шее.

– Горячо, – пожаловалась старшая, младшая шмыгнула

носом, глазенки совсем заплыли.

– Мертвые они, лица! Мертвые!

Широкая спина заслоняет и солнце, и сестренку. Резкий свист, рвущийся из-под земли протяжный ослиный рев. Миклош отступает... Какой он бледный! Безголовая Пирошка среди белой травы, рядом – Илька, худенькое тело разрублено пополам, но крови нет, у мертвых кровь не течет.

– Сжечь ведьму, – рычит кто-то под ухом, – и все семя ейное!

Ее дети тоже б стали ведьминым семенем, выйди она за Феруша. Но, выйди она за Феруша, отец бы его не убил, а мать не скормила бы обоим Холодной гостье, Пирошка была бы жива. И Илька...

4

Магнины работнички умерли второй раз. На солнце, от чистой стали. Теперь по ним можно плакать, их можно закопать на кладбище, посадить у изголовья калину и кошачьи розы. Больше сестричкам не носить воды, не таскать мешков, не искать золота, не уводить живых. Их нет в этом мире и не будет.

Миклош Мекчеи вложил саблю в ножны. Как же он испугался, когда Барболка позвала упыренка по имени. Хорошо, они с Янчи успели...

– Больше тут искать нечего, – витязь старался говорить

спокойно, — я отвезу гицу в Сакаци, хватит с нее. Янчи, приглядишь? К закату я вернусь.

— Да хоть бы не возвращался, — махнул рукой побратим. — Кто мог, тот вылез, а землю таскать — дело нехитрое.

— Я вернусь, — повторил сын Матяша. — Кто начал, тому и заканчивать.

Будь его воля, он бы поднял Барболку на руки и понес до коня и дальше, но жена Пала предпочла идти своими ногами. Аполка та бы повисла на нем не хуже повилики, хотя почему повисла бы? Уже висит! Вроде маленькое, слабенькое, а все соки высосет.

— Гици, — Барболка остановилась, — спасибо вам, только я сама дойду.

— В рубашке? — попробовал пошутить Миклош.

— Ну доеду, только лошадь дайте.

— А потом меня Пал убьет? — Как мерзко врать, но правду не скажешь, рано еще.

— Хорошо, — кивнула Барболка и замолчала. О чем она думала? Или о ком? Уставшая, растрепанная, молчаливая, она была в четыре, в восемь, в шестнадцать раз прекрасней приходящей к нему в снах красавицы.

Миклош вскочил на коня, принял из рук Янчи сакацкую подарку. Час на одной лошади и вечность врозь.

— Я скоро вернусь.

— Вернешься! — заголосила связанная мельничиха. Она больше не пряталась, не юлила. Зачем? Все равно на закате

ждет костер. — Вернешься и останешься! Ой, останешься! Не в земле, не на земле.

— Замолчи! — зарычал мельник. — Всех нас загубить хочешь! Не слухай ее, господарь, ведьма она. У, проклятая! Сожгут тебя, и поделом! Золото ей занадобилось, работнички ей занадобились, а то жили мы плохо!

— Скажите ее! — рванулась к Миклошу красивая молодуха. — Гадюку проклятую!

— Мармалюцу родной кровью кормила, — завыл и сын. — И нас бы не пожалела...

— А чего вас жалеть? — прошипела ведьма. — Плесенью были, плесенью сдохнете! А вот ты, Барболка, долго жить будешь. И меня помнить! Чтоб тебя за чужое били, за твое плевали, чтоб...

Миклош рванул повод, заорал, отползая в сторону мельник, кованые копыта обрушились на мельничиху, вколачивая подлые слова обратно в оскаленную пасть. Рябина на закате, конечно, вернее, но и дать ведьме договорить было никак нельзя! Ничего, обойдется.

Дико завизжала молодуха, что-то мерзкое свилось дымной струйкой, утекло в лощину, захрапел и прянул назад жеребец, лопнуло, раскатилось по яголке рябиновое ожерелье, смешалось с поганой кровью. Барболка молчала, только руки вцепились в конскую гриву да билась на шее голубая жилка.

— Сжечь гадюку, — рывкнул Миклош, — да не на закате, а сейчас! Вместе с домом... А этих — в село, пусть с ними люди

решают.

Часть III

J. Brahms. Ungarische Tänz Nr 2⁹

«В начале осени 330 года жена Миклоша Мекчеи родила сына, которого нарекли Лукач. Счастье господаря нашего Матяша при виде родимого пятна в виде летящего сокола на плече внука было безмерно, ибо такое же было на плече Гергея Великого и Иштвана Волчьего, и сулило оно великие и благие дела. Король Виктор-Антониан, узнав о том, что у его племянницы родился сын, прислал богатые подарки и пригласил Миклоша в Крион вместе со всем семейством. Господарь наш Матяш заподозрил в сем приглашении предательство и, дабы оградить новорожденного наследника от участи заложника, не оскорбляя короля, отписал, что поклялся побратиму своему Палу Карои, что Миклош с женой и сыном встретят весну в Сакаци...»

Хроника монастыря Святого Ласло Алатского

⁹ Иоганнес Брамс. Венгерский танец № 2, ре минор.

Глава 1

1

– Как красиво! – сакацкая господарка набросила на плечи шаль с осенними листьями. Аполка вышивала ее для подружки с первого дня знакомства, тщательно подбирая шелка. И угадала! В вишневом, оранжевом и алом Барболка стала еще красивее, жаль, муж не оценит. Пал Аполке тоже нравился, хоть она и не могла понять, что нашла чернокудрая красавица в седом витязе. Однажды агарийка спросила об этом мужа, тот задумался и сказал, что не знает, но любовь и на воде горит, и в соломе гаснет. Может, и так, но как было бы страшно, если б ее отдали не за Миклоша, а за Пала Карои.

Устыдившись своих мыслей, Аполка порывисто обняла подругу, та ответила недоуменным взглядом и улыбнулась, в черных глазах блеснули золотые искры. В Сакаци про них с Барболкой говорят, что они словно весна с осенью, одна цветами да птицами хороша, другая – вином да охотой. Миклош любит весну, Пал – осень, и все счастливы.

– Не хочу домой, – призналась Аполка, – так бы и не уезжала.

– И не уедешь, – тряхнула кудрями сакацкая гица. – Пал говорит, Матяш... свекор твой пишет, чтоб не спешили вы.

Боится Лукача из Алати отпускать.

– И правильно делает! – Миклош вечно так! Подкрадется, как кот, и прыгнет. – Что мы в Агарии позабыли? Бабочек, так они и тут летают.

Любимый все помнит. Все! Старую акацию, ее признание, алую бабочку, нагадавшую им любовь... Аполка счастливо улыбнулась:

– Я Барболке шаль вышила. Тебе нравится?

– Как же иначе? – Миклош поднес к губам Аполкину руку. – Эти пальчики творят чудеса, но к такой шали нужны серьги. У тебя – серебряные лани, а гице нужны золотые ли-
сицы! Аполка, подарим Барболке рубины?

– Не надо, – замотала головой подруга, – не люблю я золото.

– Эх ты, пасечница! Тебе волю дай, ты в рябиновых бусах будешь бегать, – укорил Миклош. – Пойду отпишу отцу, что мы остаемся, и про серьги не забуду.

– Ты любишь рябину? – Аполка расправила шаль на плечах подруги, любуясь своей работой. – Жаль, я не знала, а то бы вышила.

– Рябина людям в помощь выросла, – тихо сказала Барболка. – Говорят, увидел в стародавние времена грозовой господарь девицу красоты неопишуемой, сошел к ней с коня. Полюбили они друг друга, а в благодарность из крови ее девичьей и своего огня вырастил грозовик рябину, оттого ее нечисть и боится. Рябина огнеплясок привлекает, а они

из спутников самые сильные. С огнепляской только Смерть сладит, мармалюце там или упырю – конец.

– Огнепляски? – Аполка широко распахнула глаза. – Кто это?

– Было четыре господаря, – Барболка казалась удивленной, – над грозой, над камнем, над ветрами да над водами. Ну, а какой господарь без свиты? Вот и сотворили они себе спутников. И каменных, и водяных, и огненных, и ветровых. Господари сгинули, а спутников еще нет-нет да и встретишь. Особенно если места знать. Огнеплясок по осени в рябниках искать надо.

– Я похожее про акацию слышала. И про розу кошачью, – призналась Аполка, – но не грозовой господарь их вырастил, а весенние охотники. У нас в замковом колодце статуи их спрятаны, только ты не говори никому. Знаешь, их ведь не всегда демонами считали...

– Да какие ж они демоны, Охотнички-то вечные? – всплеснула руками Барболка. – Смерть они гонят, а как останятся, всему конец придет: реки загниют, леса высохнут, детишки родиться перестанут, ветер и тот умрет. Нет, нельзя им погоню бросать...

– Мне они снились, – зеленые глаза Аполки затуманились, – я тогда маленькой была. Они такие красивые... Демоны не могут быть такими.

– Я тоже их видела, – кивнула Барболка и замолчала, вспоминая о чем-то своем. – Знаешь, Аполка, а может, не стоит

вам здесь оставаться? Нехорошие тут у нас дела бывают, а ты чужая здесь, гадюку от ужа не отличишь...

2

Барболка давным-давно убежала по делам, а Миклош не вернулся: то ли заговорился с Палом, то ли еще что. К полуночи Аполка не сомневалась, что муж заночует в холостяцких спальнях. Дурачок, боится, что не совладает с собой и она снова понесет, вот и бывает у жены лишь в «пустые» дни. А вот она не прочь завести второго ребенка прямо сейчас.

Аполка давно поняла, что свекор только и думает, как бы отложиться от ненавистной ему Уэрты, но молодую женщину пугало не само предательство, а то, что Мекчеи проигрывают. Дед Матяша пробовал восстать, а до него был еще какой-то Золтан Веселый, но Крион держал крепко. Мятеежников казнили; раньше агарийку это не заботило, но страх за любимого заставил замечать все, и не только замечать, но и думать. Миклош не просто так всю осень и ползимы с местными господарями проохотился, дядюшка не зря тащит ее с сыном в Крион, а свекор прячет их в Сакаци. Что-то готовится, но это безумие. Уэрта сильнее и, если что, призовет на помощь церковь и Гайифу, а кто поможет алатам? Призрачные охотники?

Жена наследника отложила нитки и иголку. Будь что будет, но она скажет свекру, что он ничего не добьется и мно-

гих погубит. Миклош это тоже понимает, иначе откуда у него по утрам под глазами черные круги? Пусть в Алате и не привыкли перечить отцам, но муж должен сказать «нет»! Ради их любви. И хватит оттягивать разговор!

Аполка надела зеленое, отороченное куницей платье, переплела волосы, вдела в уши серьги с танцующими на усыпанных изумрудами шарах ланями. Зеркало отразило юную женщину с очень серьезным лицом; на бледном лице блестели зеленые глаза, и, словно отвечая им, загадочно мерцали изумруды. Аполка и раньше знала, что красива, об этом говорили мать и сестры, пели менестрели, намекали знатные гости, но в Алате светлые глаза и волосы были чудом. Что ж, чем прекрасней и желанней жена, тем сильнее в споре с отцом муж. Агарийка нежно тронула обручальный браслет и вышла. Сакаци спал, только у ворот горели факелы да пылали четыре неизменных костра во дворе, отгоняя зимнее зло.

В здешних краях ложатся с курами, а встают с петухами. Если только не пляшут ночь напролет. Она тоже плясала в Темную Ночь, но быстро устала, да и пить кислое вино и целовать чужих мужчин было неприятно. Миклош посмеялся, на руках отнес ее в спальню, но потом ему пришлось вернуться. Будущий господарь не может все время сидеть с женой, как бы он ее ни любил, но... Но так ли уж ему хочется править Алатом? Да, он наследник, но случается, что от короны отрекаются, а у свекра двое взрослых племянников, есть кому оставить герцогство... И кому восстать, если

уж они без этого не могут, тоже будет, но Миклошу этого не нужно, Миклошу нужна лишь его Аполка, а ей нужен он. Живой, свободный, счастливый!

Женщина перебежала мокрый неуютный двор, борясь с принесшим рваные тучи ветром. Скоро весна, в Агарии зацветут луговые примулы, но здесь горы и леса, а не дворцы и парки. В холостяцкой башне, где ночевал Миклош, горел голубоватый огонек, тянуло дымком, сухой лавандой и вином. Аполка расправила смявшиеся рукава, одернула платье и медленно поднялась по увешанной оружием лестнице. Двери в Сакаци не запирали, и женщина спокойно вошла в спальню мужа. Нет, в чужую!

Двое – мужчина и женщина – миловались на медвежьих шкурах. Догорали странные голубые свечи, на вспотевших телах танцевали блики, осыпали их прозрачными лепестками, двигались вместе с любовниками, загорались и гасли. Смеялась и стонала женщина, хрипло дышал мужчина, крыльями метались черные волосы. Нужно было бежать, пока ее не заметили, но Аполка сперва растерялась, а потом узнала Барболку. Сакацкая господарка любила не старого мужа, а молодого витязя, и как любила! Жена Миклоша в сладкой дрожи смотрела на запрокинутое лицо, прекрасное в своем безумии, полуоткрытые губы, отражавшие голубое мерцанье глаза. Такой алатку Аполка еще не видела, но она и себя не видела, когда с ней любимый. Каждый имеет право на счастье, она не выдаст Барболку и ее витязя, кем бы тот

ни был...

Женщина звонко и счастливо вскрикнула, мужчина приподнялся на локтях и вскинул голову, темные пряди липли к высокому лбу, он победно улыбался, сверкая зубами. Это был Миклош!

3

Она не помнила, как выскочила из проклятой спальни. Мир рухнул, рассыпался на тысячи ядовитых острых шипов, впившихся в сердце, в глаза, в разум. Все было обманом, все с самого начала! Свекор ни при чем, это Миклош затащил их в Сакаци, а с черномазой грудастой тварью он спутался еще на ее свадьбе. Пал слеп, как крот, ему ли следить за прыгнувшей в господарки девкой с пасеки!

В плечи вцепился мокрый холод, и женщина, очнувшись, завертела головой. Как она оказалась на стене? Хотела броситься вниз? Ну нет, этому не бывать! Принцессы не кончают с собой, они мстят. Миклош и Барболка пожалеют, что они встретились, что они вообще родились на свет, но Пал ей в этом не помощник. Сакацкий господарь не пойдет против сына сюзерена или... уже не пошел?

Теперь Рафаэла понимала, почему слуги и витязи смотрят на нее с сочувствием. Любовники не таились, да и что таиться в краю, где взять невесту из-под господаря чуть ли не подвиг?! Создатель, как же она раньше не видела, ради

кого позабыла себя? Дикарь! Сын Матяша Мекчеи! Создатель, да алаты предатели во всем, а Мекчеи – изменники даже по здешним меркам! Они носят эсперы и пляшут с демонами, присягают на верность и готовят мятеж, клянутся в любви и топчут ее вместе с пасечницами и скотницами.

Миклош предал не только жену, он изменил королю и Создателю, и он ответит за это! Вместе с отцом, Карои, всеми заносчивыми господарями и похотливыми господашками. Пусть свекровь всю жизнь глотает измены Матяша, Анна-Паола-Рафаэла Агарийская исполнит свой долг перед короной и Создателем. Дядя узнает не только то, что было и есть, но и то, что замышляется, но сначала нужно выбраться из пропитанного изменой и богохульством Алата. Лукача она не возьмет, что она скажет спящей с ним кормилице, да и с ребенком на руках далеко не уйти! Ничего, сына она вернет потом... Дядя сделает его алатским господарем, нет! Хватит с нее господарей! Лукач Мекчеи станет агарийским герцогом Лукой-Антонианом.

Рафаэла прислушалось, было тихо, только ветер тряс мокрые ветки да гнал через луну облака, обещая скорую оттепель. Ее никто не заметил, это был добрый знак. Женщина, срывая на ходу ставшие отвратительными серьги, бросилась в свои покои. Миклоша не было, а ведь, заметь он жену, торчал бы сейчас на пороге с какой-нибудь ложью, но куда там! Он был так занят! Примолкшая было ярость снова зарычала, но в этот раз Рафаэла не дала захлестнуть себя с головой.

Женщина тщательно и тепло оделась, затолкала сброшенное платье в сундук, смяла постель, разложила вышивки, пусть думают, что она ненадолго вышла. Кошелек с золотом Рафаэла спрятала под юбками, второй, с серебром и медяками, повесила на пояс. Главное, добраться до постоянного двора на тракте, но к утру она там будет. Недалеко от Яблонь есть святая обитель, ее настоятель – достойный и верный человек, как она могла о нем забыть?! А как она могла забыть о родителях, сестрах, дяде?! Как же она перед ними виновата, но она все исправит, она и так наказана за свою глупость и – это Рафаэла теперь понимала отчетливо – предательство!

Жена Миклоша Мекчеи натянула меховые рукавицы и второй раз за ночь покинула спальню. Судьба, ударив наотмашь, сменила гнев на милость: ни на дворе, ни у конюшен никого не оказалось, а ворота стерегущиеся нечисти алаты оставили открытыми, и от суеверий бывает польза. Никем не замеченная, Рафаэла перешла мост и ступила на сплетенную из качающихся теней тропу. Страшно ей не было, чего бояться тому, кто потерял все, кроме мести? Зачем, ну зачем Миклош лгал?! Агарийские принцессы знают свой долг, она бы достойно приняла любого выбранного родными жениха, но алат заставил себя полюбить, а потом швырнул эту любовь в хлев!

Из омута горечи Рафаэлу вырвал тележный скрип и стук копыт. Кто-то ехал в сторону Яблонь. Нужно успеть! И жена Миклоша успела. По тракту неспешно ползла повозка с

бочками, за которой трусила беспородная собачонка. Пегая длинногривая кобыла словно спала на ходу, возница, молодой круглолицый парень в щегольской шляпе, тоже клевал носом, рядом примостилась грудастая крестьянка средних лет в вышитом полушубке, а на бочках развалился черноусый здоровяк, явно подвыпивший.

Рафаэла закричала, и ее услышали. Баба ткнула возницу в бок, тот шевельнул поводьями, лошадка остановилась, уютно поведя ушами, отчаянно завиляла хвостом подбежавшая собачонка. Дочь герцога никогда не ездила на крестьянских телегах, но это было лучше, чем идти пешком. Агарийка приняла протянутую руку и в мгновение ока оказалась наверху рядом с черноусым. Тот равнодушно зевнул и вновь откинулся на спину, парень лениво шевельнул поводьями, лошадка тряхнула гривой и мерно затрусила навстречу выплывшему из туч лунному огрызку.

Глава 2

1

— Гици! — донеслось сквозь дверь и сон. — Гици, тут... Беда вроде!

Зашевелился, осторожно разжимая объятия, Пал, но Барболка уже проснулась и села, обхватив руками плечи. Ночь

и не думала кончаться, в окна хлестал нешуточный дождь. Зиме конец, но в эту пору по Алати лучше не ездить, завалит – не заметишь.

Пал уже вставал, Барболка вскочила, принялась помогать. Сперва муж от ее заботы терялся, теперь оба привыкли. Пал вышел первым, Барболка наскоро натянула юбки, косы переплетать не стала – не до того, выбежала из спальни. Сакацкий господарь слушал дядьку Пишту. Рядом стоял Янчи, мокрый, как утопленник.

– ... не поверили, думали, перепил Мати-то, но пошли поглядеть. Точно, нет господарки! Оделась да ушла. Мы – в погоню. За мостом следы были, к тракту она бежала, а дальше как кошка слизала, а тут дождь еще. Вечер ясный был, и вдруг как из ведра.

– Миклош-то что говорит?

– Да не знал он ни кошки! Спал, насилу разбудили, а к сынку господарка не заходила. Кормилица б с нянькой заметили.

Пал потер переносицу, Барболка знала эту его привычку. Сейчас скажет седлать коней.

– Ума не приложу, что на нее накатило? – Миклош, краше в гроб кладут, стоял на пороге. – Вечером человек человеком была. Может, Барболка чего приметила?

– Ничего, – Барболка для вящей убедительности тряхнула головой. – Про рябину мы говорили, откуда она взялась, про Охотников вечных... Аполка веселая была, домой не хотела.

– Не хотела, а ушла, – пробормотал Пал. – Ладно, дождь не дождь, а искать придется. От собак толку мало, но все равно взять надо...

Барболка знала, что это за «все равно». Если Аполку засыпало хоть снегом, хоть камнями, псы почуют. Да и хозяев предупредят, что склон ненадежный или на дороге кто-то не тот. Темная Ночка давно миновала, до Серебряной – полторы луны, а нечисти по зиме удержу нет.

– Барболка, – Пал взял руки жены в свои, – ты иди, досыпай. Нечего зря свечки жечь.

– Хорошо. – Ужасно захотелось зареветь и повиснуть на шее у мужа, но Барболка сдержалась, не до нее людям сейчас. – Я лягу.

– Вот прямо сейчас и ложись, – распорядился Пал и вышел. Не зная, что слепой, нипочем не скажешь, да и не помогут сейчас глаза, разве в эдакой круговерти чего сыщешь?! Самим бы не пропасть.

2

Во дворе грохнул колокол, что-то громко проорал дядька Пишта, заскулили и взлаяли недовольные собаки. Барболка тихонько вернулась в спальню, но не легла, а села возле окна. Мешать она не станет, но как тут уснешь?

Внизу метались, сражаясь с дождем и темнотой, факелы, потом выстроились в цепочку, рыжей живой ниткой потяну-

лись во тьму и растаяли, оставив Сакаци во власти дождя и ночи.

– Мяс!

А это еще откуда? На кровати, поджав ножки и капризно отставив губку, сидела девчонка с ландышевой поляны.

– Мяс! – сказала она и хихикнула.

– Ты откуда? – нерешительно спросила Барболка.

– Из башни, – заявила голышка, поправляя жемчужное ожерелье, которым можно было дважды обвязать ее вокруг пояса. – Все ушли... скучно... И ты скучная. Давай танцевать!

– Не до танцев нам, – вздохнула Барболка. – Аполка ушла.

– И пусть, – засмеялась девчонка. – Глупая она... Как дым... Как сухие листья... Они не летят, их несет. Крыльев нет, жизни нет, ничего нет... Не надо на них смотреть, не надо их ловить...

Почему она так? Она же Аполку не знает! Жена Миклоша такая добрая, так любит мужа и сына.

– Любовь – ветер, нелюбовь – дым, – теперь ведьмочка стояла на подоконнике спиной к ночи, – не летаешь – не любишь, не пускаешь – не любишь, не видишь – не любишь...

О чем она? Почему дым? Аполка пропала, остальное неважно!

– И ты глупая, – девчонка склонила голову на плечо, – не хочешь танцевать. А раньше хотела, помнишь?!

Ландыши, звезды, темная ель, звон родника и лучший сон

в жизни.

– Пал, ты вернулся? Так скоро.

– Вернулся. Зачем гоняться за дымом? – Седой господарь улыбнулся и притянул Барболку к себе. – Мне нужна ты, а не улетевшие листья.

– Ты... ты видишь?!

– Тебя я всегда видел. – Пал подхватил жену на руки, его лицо было близко-близко. Родное, знакомое, любимое, но с шалыми живыми глазами, в которых дрожали голубые огоньки. – Слепых больше, чем зрячих, но я вижу. И ты видишь... И Миклош, хоть и дышит дымом чужого костра.

Почему она забыла, как Пал красив? За делами это стало не так уж и важно. Но когда он прозрел и где Аполка?!

– Не думай о ней. – Горячие губы, сильные руки, дождевые капли в седых волосах. – Не забывай о себе – счастье упустишь... Не гляди лишь на себя – счастье задушишь... Радуйся, Барболка, радуйся...

– Пал, что с тобой?! Это не ты! Не ты! Охотнички вечные, кто здесь? Покажись! Кто б ты ни был, покажись, каким есть!

Ветер... Ветер и звезды с острыми синими лучами, смех колокольчиков, запах ландышей и калины. Крылатое создание, спутница, ветропляска, встает на цыпочки, вскидывает тонкие руки, закидывает назад юную голову, смеется весело и призывно. Не скажешь, девушка или парень, а может, сразу и то и другое. В черных с просинью локонах голубеют цветы. Нет, не цветы, святые эсперы, только почему они голубые?

– Весна возвращается. – Шалые глаза совсем близко, на губах тает поцелуй, легкий, как ветер, и звенят, звенят колокольчики. – Запомни, все возвращается, ты вернешься, и к тебе вернутся. Не бойся... У тебя крылья, у твоих двоих крылья... Не ломай их, не жалея дым... Не дыши дымом! Зачем горько, когда сладко? Не пускай дым назад. Дым не возвращается. Возвращается не дым...

– Уходи! Прошу, уходи... Оставь нас в покое, всех оставь, слышишь?!

– Оставлю. – Танцуют тени в углах, танцует пламя свечей, танцует дождь за окнами и серый робкий рассвет. – Ты не хочешь танцевать, зачем мне ты? Двое бегут за дымом, зачем мне дым? Скоро весна... Новая весна, новый танец... Я тебя вспомню... И твоих двоих вспомню... Может быть...

3

Барболка проснулась с жемчужным ожерельем в руке. Тем самым, из сна, который оказался правдой. Сакацкая господарка кое-как оделась и выглянула в окно. Пал с Миклошем не вернутся, пока не отыщут Аполку или пока не исстает последняя надежда. Барболка не понимала, что нашло на подругу, разве что встретилась с крылатой плясуньей да в рассудке помутилась, но чернявый перевертыш не казался ни страшным, ни злым... Так, котенок, хоть и с коготками.

Злиться на крылатую спутницу сакацкая господарка не

могла, ведь та ее спасла, привела в Сакаци, да и с мармалюцей, видать, подсобила, только зря ветропляска прикидывалась Палом... Хорошо, что муж никогда не узнает, с кем спутала его жена, о ком плакала, проснувшись в свадебной постели. Барболка убрала неожиданный жемчуг в шкатулку – будет время, отнесет его на ландышевую поляну, пусть на ели висит, лес да небо радует.

Женщина наскоро обкрутила вокруг головы косы и побегала к маленькому Лукачу. Мальчик спокойно спал, зная не зная, что остался без матери. А может, с Аполкой все в порядке и ее везут домой? Барболка перекинулась парой слов с кормилицей, заглянула на поварню. Раскрасневшаяся Моника пугала товаров мармалюцей, уцелевшая внучка держалась за бабкину юбку, в печи горел огонь.

Поздоровавшись, господарка ухватила горячую горбушку, густо посыпала солью с перцем и плюхнулась на лавку, слушать женскую болтовню. Из поварни все виделось по-другому, казалось сказкой, глупой, но совсем не страшной. Барболка блаженно жевала теплый хлеб, когда вбежавший конюшонок завопил: «Едут!»

– Нашли, – провозгласила Моника, подняв палец, – гици б так быстро не вернулся.

– А то ж, – откликнулась Анелька, – господарь, он такой, его со следа не собьешь.

Господарка бросилась к воротам вместе со слугами. Всадники как раз въезжали на мост. Рыжий Пала и вороной Ми-

клоша мерно шагали голова в голову, меж коней провисала ловчая сеть, в которой лежало что-то длинное, закутанное в плащ. Сзади, по трое в ряд, ехали витязи. С башни, хлопая крыльями, взвилась птичья туча, громко и отчаянно взывала дворовая сука, ей ответили десятки собачьих глоток.

– Не жилища, – перевела Моника. Остальные промолчали.

Пал спрыгнул с храпящего коня, потрепал по мокрой шее. Барболка не хотела при всех хвататься за мужа, но ноги сами сорвались с места. Женщина повисла на шее своего господаря, откуда-то взявшиеся слезы выплеснулись наружу, потекли по щекам.

– Что ты? – пробормотал Пал и повторил: – Что ты...

– Ты вернулся, – и плевать, что их видят все, – вернулся!

– Конечно, – муж быстро прижал ее к себе, – беды-то...

Мы и Аполку нашли... Жива, хоть и без памяти. Повезло ей, еще два шага, и все!

Подруга была жива, но Барболку отчего-то это не обрадовало. Вцепившись в Пала, сакацкая господарка смотрела, как притихший Миклош несет на руках показавшийся страшным сверток. Собачий вой стал нестерпимым. Псари силком затаскивали ошалевшую свору в замок, в небе толкались, сыпали снежными ошметками серые облака.

– Дым не возвращается, – прошептала Барболка, – возвращается не дым...

Глава 3

1

Бывает, человек то ли спит, то ли в обмороке, сердце бьется, грудь дышит, а не добудишься. Так и Аполка. Жила, как во сне, а теперь и вовсе уснула. Оставалась одна надежда — на ученых столичных лекарей, но до них еще нужно было добраться. Миклош почти не сомневался, что врачи только и смогут, что руками развести, зато в Крионе *скажут*, что сын алатского господаря уморил агарийскую принцессу. Ничего хорошего от этого ждать не приходилось, да и Аполку было жаль. Виноватым Миклош себя не чувствовал, другой на его месте от опущенных глаз да вышивок давным-давно бы десяток подружек завел, а он терпел, оттого, видать, и снилась ему Барболка. Жаль, больше не снится, как отрезало.

Смотреть на живую Барболку было мучительно, но расстаться с ней навсегда Миклош не мог. Вот и тянул с отъездом, пока не придумал, как цаплю с кречетом помирить, а заодно и отца успокоить. Надо оставить Лукача на попечение Пала и Барболки. Агарийскому королю до Сакаци не дотянуться, а спящую Аполку пускай забирают в Крион да лечат, авось вылечат. Миклош совсем было собрался идти к сакацкому господарю, просить за сына, и тут вбежал слуга. Госпо-

дарка очнулась и зовет мужа. Миклош бросился в спальню.

В полумраке лицо жены казалось слеplенным из снега, только глаза зеленели болотной травой. Агарийка еще никогда не казалась более красивой и менее желанной. Больше того, Миклошу мучительно захотелось оказаться подальше от утонувшей в лисьих одеялах ослепительной красавицы.

– Увези меня отсюда, – Аполка рванулась навстречу мужу, огромные глаза заволоклись слезами, – я умру здесь! Меня убьют!

– Глупая, – Миклош мужественно поцеловал белую щеку, – кто тебя убьет? Пал и Барболка?

– Пал и Барболка нет, – затрясла головой Аполка, – я их люблю, они меня любят. Другие. Придут и убьют. Меня, тебя, Лукача, Миклоша...

Заговаривается, хотя чего тут удивляться. В здравом рас-судке по ночам в горы не убегают.

– Зачем тебе два Миклоша? – Нужно погладить ее по во-лосам, но как же не хочется!

– У нас будет сын, – прошептала агарийка, – Миклош. Его Моника отдаст мармалюце...

– Горюшко ты мое! – простонал Мекчеи. От сердца отлегло, от беременных какой только дури не услышишь. – Давно знаешь?

– Нет! – Аполка вскочила в постели, глаза ее блестели. – Миклош, я тут чужая! Моего сына зарежут, чтоб своих не трогали.

– Ты роди сперва, – пошутил Миклош. – Может, вообще девочка будет.

– Сын, – упрямо сжала губы жена, – он будет великим господарем. Если его не убьют... Моника меня ненавидит...

Моника? Миклош с трудом понял, о ком речь. Кажется, о стряпухе, у которой давешняя мармалюца утащила двух внучек. Дернуло ж его рассказать об этом жене. Наследник господаря сжал зубы и таки погладил больную по волосам. Это стало последней каплей: Аполка вцепилась в рубашку мужа и разрыдалась.

2

Грязный, слежавшийся снег, черные деревья, низкие облака, впереди – перевал, сзади – любовь. Аполка звала Барболку с собой, и он тоже звал, но чернокосяя гица гостевать у господаря отказалась, осталась в Сакаци. Кто знает, когда они свидятся и свидятся ли, а вот на законную жену придется любоваться день и ночь.

Миклош сам не понимал, с чего ему опротивела Аполка, а та, как назло, липла не хуже репья к собачьей шкуре. И ведь хороша до одури, а через порог и то смотреть тошно. Наследник Матяша подкрутил усы и уставился на дорогу. Говорить не хотелось ни с кем, даже с Янчи. Мекчеи не должен бросаться на людей, как цепной пес, но он может не сдержаться.

– Миклош!

– Что такое, милая?

– Миклош, мне... надо съехать с дороги.

Говорил же, незачем лезть в седло! И уезжать незачем, но с беременной спорить, что воду копать. Витязь хмуро послал вороного за соловой кобылкой, жеребец полностью разделял негодование хозяина, однако Миклош вынудил упрямяца подчиниться. Кони провалились по брюхо, но быстро выбрались на покрытую наледью тропу. Алатский наследник торжественно снял супругу с седла, едва не сплюнув от отвращения, когда маленькие ручки обхватили его шею. Аполка была зеленой, как покойница, и все равно прошептала:

– Не подглядывай!

Агарийка и есть агарийка! Умрет, но блевать на людях не станет. Витязь с готовностью отвернулся. С еще большей готовностью он вскочил бы на коня и поскакал в Сакаци. Или в Вешани. Или еще куда-нибудь, где нет зеленоглазой надоеды. Нет, не останется он с Аполкой до родов, пусть хоть изойдет на слезы, приставит к ней десяток лекарей, и бежать! Дело найдется. Хоть крепости приграничные проверять, хоть новых лучников до четвертого пота гонять.

– Миклош, помоги! – порозовевшая Аполка тянула к нему белые пуховые варежки. Рядом топталась кобылка, на которую столетняя бабка и та бы без помощи вспорхнула. Не можешь с лошадыю управиться, лезь в телегу или сиди дома.

– Сейчас, любовь моя!

От поцелуя увернуться не удалось, и настроение испорти-

лось окончательно. Супруги выехали на тропу, и тут откуда-то взялась белка. Зверушка громко цокнула и перескочила со ствола на ствол, обрушив вниз снежную шапку. Этого оказалось довольно: Аполкина кобыла испуганно шарахнулась от страшного зверя, наездница, завизжав, выпустила повод, соловая подскочила на всех четырех ногах и очертя голову помчалась по тропе, подгоняемая воплями очумевшей со страху дуры.

Миклош от души выругался и стремительно развернул вороного. Горе-наездницу следовало остановить, пока она не рассадит себе голову о какой-нибудь пень. А неплохо бы... Витязь поразился подлой мысли и торопливо послал коня за исчезающей в ельнике женой.

3

Ландышей не было, был слежавшийся синий снег, в котором тонула знакомая поляна. Ручей весело скакал по своим валунам, только никто на них не танцевал. А она чего ждала? Барболка сунула руку за пазуху, нащупав приبلудное ожерелье. Бросить в воду или на ель повесить?

Хорошо все-таки, что она не поехала с Аполкой в столицу, уж больно чудной та стала, когда проснулась. Вроде все как раньше, а муторно и дышать тяжело. Барболка терпела, сколько могла, но в последнюю ночь не выдержала, сказала Палу. Тот долго молчал, перебирая косы жены, потом мах-

нул рукой:

– Оставайся. Сердце, оно больше головы знает. Скажу, нельзя тебе.

И сказал. Миклош с Аполкой уехали, и тут сакацкой гос-подарке приспичило ветряное ожерелье отвезти, а Пал с ней отправился. И хорошо.

– Барболка, – рука витязя легла на плечо жены, – родник я слышу, а что здесь еще?

– Ель, – принялась объяснять женщина, – посреди поляны. Большая, больше я и не видала. Камни серые, и в ручье, и рядом. Летом тут ландыши растут, а сейчас снег везде, только валуны голые.

– Один на лошадиную голову похож? – спросил Пал странным голосом. – И на нем трещина, словно молния?

– Да, – удивленно кивнулавица.

– Я видел это место. Во сне. И тебя тоже видел. Ты пела, в волосах у тебя были ландыши. Я тебя целовал, а ты смеялась.

Это был Пал, а не ветропляска! Пал! Им приснился один и тот же сон, в котором Пал был здоров, но сны уходят.

– Жизнь бы отдала за твои глаза, – прошептала женщина.

– Не говори так никогда! Слышишь, не говори! Да еще здесь!

Что с ним? Он еще никогда на нее не кричал. Как же он ее любит? А она? Перевертыш совсем ей голову заморочил.

– Прости, – тихо сказал муж.

Он ее никогда не обидит, а вот она...

– Я, когда на пасеке жила, – торопливо затараторила Барболка, – часто сюда ходила.

– Не только ты. – Пал опустился на камень. – Непростая это поляна. Я слепой, а знаю, где – валуны, где – елка. На краю бересклет растет?

– Растет... Не осыпался еще.

– Он всегда в таких местах растет. Здесь охотники коней поили да спутники плясали. Где они пляшут, ночь светлее, даже моя...

– Я видела ветропляску, – прошептала Барболка, – и здесь, и в Сакаци тоже. Пал, я люблю тебя. Ты даже не знаешь как.

– Знаю. – Черные глаза близко-близко, ну за что ему эта ночь вечная?!

– Спой, – попросил Пал, – что тогда, на дороге.

Барболка глянула в розовеющее небо и тихонько запела:

– В алом небе молния, молния,

О тебе всегда помню я.

В синем небе радуга, радуга,

Ты целуй меня, целуй радостно...

Проклятая кобыла оказалась на удивление выносливой и

резвой. Миклош гнал вороного галопом, но единственное, что ему удавалось, – это не потерять Аполку из виду. Бросить бы дуру и вернуться, но есть вещи, которые убивают не хуже меча. Жил человек, жил, потом сотворил несотворимое и умер. Вроде ходит, говорит, ест, а на деле – упырь, мармалюца, гость холодный. Нельзя женщину в лесу бросать, даже если она тебе муторней жабы болотной. Нельзя, и все.

Соловая вскинула задом и снова свернула. Миклош и представить не мог, что в Черной Алати больше дорог, чем в Агарии. Аполка давно уже не кричала, но в седле каким-то чудом держалась, только долго так продолжаться не может. Вороной на пределе, еще немного, и упадет, да и смеркается уже. Через час себя не поймает, не то что одуревшую лошадь. Путь перегородил сучковатый ствол, и витязь придержал жеребца, не будучи уверен, что бедняга с ходу перескочит преграду. И как только здесь прошла соловая? Взгляд Миклоша скользнул по дороге, впереди лежал нетронутый снег, на котором отпечатались цепочка следов, но какая-то странная. Словно у оставившей ее лошади была лишь одна нога. Морок одноногий! День по кругу водил, ночью за горло схватит!

Сын Матяша по праву считался отважным, но сейчас ему стало жутко. Лес стоял частоколом, небо темнело, только на западе багровела закатная стена. Куда его занесло, Миклош не представлял, но когда теряешь дорогу в дурном месте, доверься коню. Витязь отпустил поводья, вороной всхрапнул,

свернул с тропы и, увязая в рыхлом снегу, бросился прочь от ошестинившегося сучьями бревна и страшного следа.

Погони Миклош не боялся, время у него еще было, пусть и немного. Нечисть боится закатной бездны сильней ночной тьмы и дневного света, но рябиновый час короток, и после него нет человеку защитника, кроме себя самого. Поддашься страху – тебе конец, не струсишь – может, и доживешь до рассвета. Мекчеи был не из робких. Когда проклятая тропа скрылась из глаз, витязь остановил коня на какой-то прогалине, торопливо содрал подбитую мехом куртку, стащил рубаху, снова оделся, обтер теплым полотном взмыленного коня и вновь вскочил в седло. Жеребец потрянул гривой, принюхался и уверенно порысил на закат. Судя по всему, ничего страшного рядом не бродило. Наоборот, было на удивление спокойно, а потом Миклош услышал песню. Кто-то пел прямо в лесу, чистый, звонкий голос сливался с ветром, а может, это пел ветер, обещая весну, птичьи стаи в синем небе, высокую радугу над зеленым юным лесом.

Песня рвалась сквозь сгущающиеся тени, разгоняя страх и одиночество. Замученный жеребец и тот вскинул голову и радостно заржал, и ему ответили другие кони. Выбрался! Вечные Охотники, выбрался!

5

Барболка смотрела на Миклоша Мекчеи и не верила сво-

им глазам. Сын господаря уехал в полдень с женой, сыном и немалым отрядом, а вернулся один-одинешенек. Конь заморожен, сам без плаща, и лицо какое-то странное.

– Кто здесь? – хрипло спросил муж.

– Я, дядька Пал, – пробормотал Миклош, глядя на Барболку, – заблудился...

– Поезжай вперед, птиченька, – бросил Пал, и Барболка тронула поводья. Недавняя радость сложила крылья, отчего-то стало страшно. Женщина глянула в догорающее небо. Как они задержались там, у ели. И ожерелье она повесить забыла. Барболка тронула теплый жемчуг, стало немного легче. Почему вернулся Миклош? Почему ее отослали? Она не Аполка, всякое повидала.

– Барболка! – вдруг крикнул Пал. – Поворачивай! Скачи к ели, нас не жди.

Назад? Почему? Ласка уже повернула, помчалась голова в голову с конем Пала. Вороному Миклоша было не угнаться за свежими лошадьми, и муж придержал Кремня. Ему, значит, можно! Барболка натянула повод, переводя кобылу в легкий галоп.

– Барболка, вперед!

– Нет, – дерзко выкрикнула господарка-пасечница, – взял за себя, так не гони!

Пал не ответил. Значит, услышал.

Конские копыта ломали ночную тишину, словно весенний лед, справа выплыл из-за иззубренной еловой стены умира-

ющий месяц, полетел рядом с всадниками. Дурная примета. Как долго они скачут, целую вечность, но вот и поляна. Туманная дымка над неугомонным ручьем, светлые камни, дерево рвется в небо черной диковинной башней.

Пал останавливает Кремня, прыгает на землю.

– Отпустите коней.

Барболка зацепила поводья за седельную луку. Ласка потянулась к хозяйке мордой и вдруг вскинула голову, захрипела от ужаса и бросилась к ручью. Кремень и вороной Миклоша кинулись следом и замерли посреди текущей воды.

– Где они?

– В ручье.

– Они знают, что делают. Барболка, живо на конский камень. Миклош, подсади ее.

Конский камень? Ах да... Сильные руки подхватывают женщину, ставят на валун среди ручья. Тот самый! Миклош помогает Палу взобраться на соседний, храпят и жмутся друг к другу забившиеся в воду кони. Охотнички вечные, Магна! С ребенком... Опять за свое взялась!

– Миклош, – кричит мельничиха, – где ты, Миклош? Почему ты меня убил? Почему забрал золото? Почему отпустил помощничков? Теперь тебе на меня работать не переработать...

– Миклош, – зовет Аполка, – где ты, Миклош? Почему все время уходишь?

– Миклош, – отец в иссеченном гайифскими саблями доспехе зажимает рану рукой, – где ты, Миклош?

– Миклош, – Янчи со связанными руками опускается на колени, на щеке рабское клеймо, – где ты, Миклош?

– Миклош, – Барболка тянет к нему обнаженные руки, – где ты, Миклош?

Барболка?! Но вот же она! Рассыпаются, стекают с трех лиц родные черты, три Аполки стоят и смеются, четвертая поднимает над головой белый сверток:

– Возьми сына, Миклош, мне тяжело его держать, я его сейчас уроню...

Весь мир заполняет отчаянный плач. Это не морок. Все, что угодно, только не это!

– Нет! – вскакивает Миклош. – Не смей!

– Я тебя вижу! – кричит первая Аполка.

– Поцелуй меня, – улыбается другая, сбрасывая с плеч сорочку.

– Накорми меня, – просит третья.

– Иди ко мне, – обещает четвертая, – иди, я отдам тебе сына.

– Будь ты проклята, ведьма!

- Ты сам себя проклял!
- Ты меня обманул!
- Ты меня не любишь...
- Твоя клятва на твоей шее, твой грех на твоём сыне.
- Иди ко мне, Миклош... Ты – мой, сын – твой. Отдай себя, возьми его. Смотри, вот он, вот!
- Будь по-твоему, гадина!
- Стой! – Хватка у сакацкого господаря была все еще крепкой. – Не ходи... Себя погубишь, сына не спасешь.
- Пал, я должен!
- Нет!

7

Это сын Миклоша! Охотнички вечные, это сын Миклоша!

Пал держал господарского сына за плечи, хрипели, роняя ключья пены, ошалевшие от ужаса кони, а на краю поляны смеялась, трясла белым свертком Магна, поправлял шляпу Феруш, супил брови папаша да крутила хвостом довольная Жужа. Отец, бывший жених, убитая ведьма, собака... Они знали Барболку Чекеи, они пришли забрать свое... Ну почему, почему за нее должны платить Миклош, Аполка, их ребенок? Она сама за себя ответит!

Барболка судорожно вздохнула и перекинула косы на грудь. Жить хотелось отчаянно, до воя, но ничего не поделаешь, сама во всем виновата. Взяла браслет из дури да коры-

сти, отдавай теперь руку с головой.

Жужа шагнула вперед, из открытой пасти вывалился язык, словно в жару. Феруш поправил жилетку, Гашпар Чекеи ругнулся и поскреб голову, будто со сна. Магна осклабилась и еще выше подняла ребенка. Ведьма подлая, она же всегда всех ненавидела, такие только и умеют, что злобствовать да завидовать. Их хоть в золоте купай, хоть на облако посади, все одно ядом изойдут и все вокруг потравят.

Барболка снова глянула на разряженную мельничиху, слишком подлую, чтоб ее бояться, и рванула гребни, отпуская на свободу волосы. Таких кос у Магны на этом свете не было и на том не выросло.

Теплый водопад окутал плечи, стало легко и весело, словно в танце, и господарка сакацкая соскочила с камня и сперва пошла, а потом побежала вперед к упивающейся победой твари.

– Барболка! – крик Пала резанул по сердцу и стих.

– Барболка, нет! Не-е-ет!!! – Миклош, а ему-то что до нее? Сына б лучше стерег...

Плач Лукача, конское ржанье, шум ветвей, лунные искры в глазах, сзади ничего нет, впереди – ведьма. Глаза зеленые, словно зацветший, становящийся болотом пруд, богатые серьги, дареный знатным полюбовником золотой браслет... А жемчуга ветряного не хочешь, гадина ты ядовитая?!

Как втекло в руки белое ожерелье, Барболка не поняла, но изловчилась захлестнуть им полную белую шею. Мельничиха

ха рванулась, заревела дурным голосом, выронила ребенка, замолотила по воздуху серыми копытами, в нос ударила вонь век нечищенного стойла. Исчезла Магна, ровно никогда не бывала, только седая ослица рвалась с жемчужного повода.

– Мармалюца! – Кто кричит? Миклош? Пал? Она сама?

Чудище из ночных мороков клацает бурыми зубами, из ноздрей валит ледяной пар, руки немеют, но она сдержит мармалюцу, ведь там, сзади, Пал...

Охотнички вечные, помогите! Как она оказалась на плешивой жирной спине? Как держится? Надо прыгать, только нельзя: ночь не кончилась, мармалюца вернется, второй раз ее не поймать. Холодное чудище визжит, бьет задом, скачет на четырех ногах, вскидывается на дыбы, но она не выпустит тварь, ни за что не выпустит! Мармалюца ревет, срывается с места, несется сквозь черный гниющий лес. Впереди – болото, голодное, страшное. Откуда оно? Рядом с Сакаци – горы, горы и лес...

Бесконечная бугристая равнина, жидкие камыши, под нечистым льдом – бездонная прорва, в ней так долго умирать... Трещит, ломается ненадежный предвесенний лед, чавкает под копытами проснувшаяся топь, всплывают со дна, лопаются черные пузыри. Не спрыгнуть, уже не спрыгнуть. Но и тварь упустила срок, ей теперь не найти путь назад, самой – не найти.

Глаза ест зеленый дым, сердце сейчас разорвется... Не сердце – связавшая тварь ветровая нить. Веером разлетаются

в стороны белые теплые искры, наливаются рассветной кровью, падают на лед, в воду, в грязь. Вскрикивают и смолкают колокольчики, растет, приближается бурая полынья, длинная, похожая на сапог, над ней пляшет, кривляется зеленое марево. Мармалюца визжит, рвется вперед и тает, растекается липким гниlostным туманом.

Щетка болотной травы, насытая, холодная жижа, пустота, паденье... Охотнички вечные, как же страшно! Мамочка, Пал!.. Всё...

Эпилог

J. Brahms. Ungarische Tänze Nr 5¹⁰

Одинокий крик, смерть, тишина и красное небо над черным зубчатым лесом. У любви, у счастья и у боли одно имя – Барболка. Теперь Пал Карои это знает, но почему?! Почему она, а не он...

– Пал! – Матяш, откуда он здесь? Сам молодой, а волосы вовсе белые. – Пал, что с Барболкой?!

– Умерла.

Она умерла, а он прозрел, когда Барболка на краю пропасти выкрикнула его имя. Прозрел, сквозь горы увидав ее смерть, узнав, что певунья с пасеки была именно такой, какой он видел ее в своих снах. До последней черточки! Старая поляна вернула ему свет и забрала Барболку. Зачем ему свет?

– Нет! – закричал побратим, сжимая кулаки. – Неправда, не верю!

Матяш может не верить. Счастливый, он не видел, как погибает его любовь, а он видел и ничего не мог... Ни остановить, ни прикрыть собой, ни хотя бы умереть вместе с ней.

– Это неправда, – повторял Матяш, – почему она?! Почему не я?

Так ты тоже ее любил, парень? Что ж, значит, и тебе те-

¹⁰ Иоганнес Брамс. Венгерский танец № 5, фа диез минор.

перь жить лишь половиной сердца.

– Бери лошадей, Мати, надо ехать.

– Дядька Пал, я не Матяш...

Миклош?! Сын Матяша? Конечно...

– Ты похож на отца, только Матяш так и не поседел.

– Поседел. В той битве, когда тебя... Охотники вечные!

Пал обернулся. Миклош стоял и смотрел туда, где еще вчера зеленело могучее дерево. От вековой ели остался один лишь ствол, лишенный ветвей и коры. Заря заливала белую колонну кровью, острая черная тень казалась клинком, рас-секшим поляну и их с Миклошем жизни на две неравные половины. С Барболкой и без нее.

Громко и требовательно заплакал ребенок, Миклош бросился к сыну. Не к сыну – у серого валуна заходила криком крестьянская девчушка. Миклош Мекчеи поднял малыша на руки. Ни одна смерть не станет концом для всего мира. Будут плакать дети, вставать и садиться солнце, ерошить конские гривы ветер, будет скакать по кругу вечная охота. Из весны в осень, из осени в весну.

В синем небе радуга, радуга,

Кони пляшут, радуйся, радуйся.

В синем небе ласточка, ласточка,

Ты целуй меня, целуй ласково...

«Ты целуй меня, целуй ласково»... Черные крылья волос, алые зовущие губы, в глазах летят, смеются золотые искры,

и звенят, звенят дальние колокольчики. Барболка! Жизнь...

* * *

«В 331 году умер государь наш Матяш Медвежьи Плечи, и по воле Создателя стал над нами сын Матяша, доблестный Миклош Белая Ель. В двадцатый день Весенних Молний въехал новый наш государь на вороном коне в свою столицу, и было с ним множество доблестных витязей, и первым из них следует назвать государя сакацкого Пала Карои, разбившего по осени безбожных гайифских разбойников к вящей радости своего государя и всех добрых людей...»

Хроника монастыря Святого Ласло Алатского

Лик победы

Угрозам подчиняются только трусы.

И сдаются трусы. Такие, как вы...

**Ответ САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ на ультиматум
генерала Пиночета**

*Я хотел бы улыбнуться,
отдохнуть, домой вернуться.*

*Я хотел бы так немного —
то, что есть почти у всех.*

*Но что мне просить у Бога,
и бессмыслица, и грех.*

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

Часть первая

«Маг»¹¹

*Мало обладать выдающимися качествами, надо
еще уметь ими пользоваться.*

ФРАНСУА ДЕ ЛАРОШФУКО

Глава 1

Урготский тракт

Агария. Крион

*399 год К.С. 23-й день Весенних Молний —
1-й день Летних Скал*

1

Триада! Марсель Валме, не веря собственным глазам, воззрился на выпавшие карты. Закатные твари! Триада, впер-

¹¹ Высший аркан Таро «Маг» означает Личность. Это воля к поступку, самовыражение, индивидуальность, мудрость, тирания, злоупотребление властью. Это человек, обладающий во всей полноте физическими и духовными способностями. Карта означает, что некто достиг желаемого в подвластных ему пределах. **ПК** (перевернутая карта) остается благоприятной. Ситуация под контролем, будущее в ваших руках. Может означать напрасную неуверенность в себе. Тем не мене не откладывайте на потом важное дело.

вые в жизни! Виконт с нежностью взглянул на соперника и твердо сказал:

– Удваиваю!

– Сударь!.. Сударь... Четыре часа!

Марсель с трудом приподнял голову, пытаясь понять, на каком он свете и что за мерзавец к нему пристаёт.

– Сударь, вставайте... Выезжаем.

Герард! Проклятье... Наследник Валмонов с тоской глянул на окно, за которым нагло сияла толстомордая луна. Ночью приличные люди или играют и пьют, или любят своих дам. На худой конец, спят, а тут! Вставать, одеваться, куда-то ехать...

– Сейчас... – Марсель зевнул и уткнулся в подушку.

– Сударь, не засыпайте... Монсеньор ждёт...

Леворукий бы побрал Ворона! И его оруженосца заодно, то есть не оруженосца, а порученца... Вот уж где свила гнездо исполнительность! Поняв, что спать ему больше не придется, виконт сел на кровати. Четыре часа утра! Кошмар!!! Ложиться Марселю случалось и позже, но вставать?! Несчастный потянулся к разбросанной одежде, с тоской глядя, как его мучитель приводит в порядок бритвенный прибор. Чудовище. Старательное малолетнее чудовище...

– Герард, неужели нельзя хоть раз выспаться?

– Но, сударь, – воистину сей молодой человек уморит кого угодно, – ехать днем слишком жарко.

– Ну и ехали бы ночью, – Марсея разобрало желание по-

ворчать, — зато вставляли бы как люди.

— Мы же спешим, — напомнил сынок Арамоны и утешил: — Зато с полудня до шести будет привал.

— До полудня дожить надо, — простонал Валме, принимаясь за бритье. А ведь он мог остаться в Оллариин, спать в своей постели... Или не в своей, но спать! В столице были цирюльники, портные, карты, вино, дамы, а тут... Десять дней в седле! Рокэ и его головорезы железные, но мальчишка! На дуралея к вечеру смотреть жалко, а терпит. И еще жара эта...

Марсель с отвращением провел рукой по развившимся взлохмаченным волосам и принялся одеваться. Первые два дня он еще старался выглядеть дворянином, но Ворон гнал свой отряд безо всякой жалости, и Валме сдался, прекратив завиваться и сменив приличествующий его положению костюм на кэналлийские тряпки. Правда, выглядел он в них не так уж и плохо, и все равно известному своей изысканностью кавалеру неприлично путешествовать без камзола и с разбойничьей косынкой на голове.

С сожаленьем оглянувшись на покидаемую кровать, виконт спустился в общий зал, где получил свою долю холодного мяса и вчерашнего хлеба. То, что шадди не дожидаться, было столь же очевидно, как и то, что вечером не будет вина. Первый изверг Талига заявил, что до Фельпа о выпивке лучше забыть. О выпивке, о женщинах, о сне... Война еще и не думала начинаться, а сколько трудностей!

Когда Валме проглотил то, что называлось завтраком, Во-

рон был уже в седле. Возле маршала крутились варастийцы и неизбежный Герард. В ответ на пожелание доброго утра Рокэ рассеянно кивнул: он отнюдь не казался сонным, но пускаться в светские разговоры не собирался. Виконт мысленно воззвал к разрубленному Змею, забрался на коня и покинул городок, имя которого тут же забыл.

Копыта монотонно били по пыльной дороге, всадники молчали – Валме подозревал, что кэналлийцы и варастийцы просто-напросто дремлют. Сам Марсель спать в седле, к несчастью, не умел. Несмотря на ночь, которую только Алва мог обозвать утром, было жарко, и виконт старался не думать о том, что его ожидает к полудню. Маршал вел отряд, чередуя кентер и рысь; вдоль дороги тянулись живые изгороди, за которыми расстилались пастбища. Иногда из-за темной колючей стены доносилось мирное сонное блеянье, и наследник Валмонов впервые в жизни подумал, что быть овцой не так уж плохо.

Алва обещал к полудню добраться до Эр-При. Там можно будет что-то съесть и проспать до вечера. Из Эр-При до Ургота рукой подать, то-то Фома удивится! Он ждет Ворона с армией к концу лета, а он тут как тут, правда, без войска. Марсель так и не понял, есть ли у Рокэ план и за какими кошками он спешит, как какой-то курьер. Поход оказался не столь приятным, как думалось, но виконт жалел о принятом решении, только когда его будили. Мужчина, не побывавший на войне – мужчина лишь наполовину! К тому же была на-

дежда, что папенька зачтет воинские подвиги за исполнение сыновнего долга и можно будет увильнуть от очередного посещения отчего дома. Почтительный сын принялся сочинять письмо дражайшему родителю, но тут Рокэ придержал коня и поднес руку ко лбу, вглядываясь в сумеречную даль. Виконт проследил за взглядом маршала и вполне сносно при-свиистнул – к ним на рысях приближалось десятка полтора конных. Это было поводом для разговора, и Марсель подъ-ехал к Ворону:

– Кому-то не спится.

– Будем надеяться, урготам. Лучшего места для встречи не придумаешь.

– Урготам? – не понял Валме.

– Виконт, – вздохнул Рокэ, – вам ли не помнить, какой сейчас час? Эти люди спешат. На купцов и погонщиков они не похожи, а на гонцов – очень даже. В Эр-При вряд ли случилось нечто важное, зато Ургот и Фельп ждут нападения. Ваши выводы?

Ответить Марсель не успел – Алва дал шенкелей полумо-рису, кэналлийцы и варастиийцы последовали примеру во-жака. Гонцы, если это и вправду были гонцы, смешались, яв-но не зная, что делать: бежать, драться или разговаривать. Их можно было понять, на встречу с Вороном они вряд ли рассчитывали. По всем воинским законам Первый маршал Талига должен быть при армии, которая хорошо если успела выползти из Оллари. И это не говоря о том, что завязанная

под грудью рубаха, черная косынка и метательные ножи превратили герцога в сущего разбойника.

Всадники, однако, пришли к какому-то решению. От общей кучи отделился один и медленно поехал вперед. Еще пятеро выстроились в ряд и подняли мушкеты, недвусмысленно показывая, что намерены защищать парламентаря.

– Они прелестны, – заметил Ворон. – Валме, прошу со мной.

Герцог лениво шевельнул поводом, Марсель, предвкушая роскошный разговор, скопировал движение маршала. Все-таки Алва – аристократ до мозга костей: какая небрежность и вместе с тем какое изящество!

Всадники съехались у облезлого деревца, с которого сорвалась недовольная птица. Чужак и вправду оказался в мундире, видимо урготском, он уже открывал рот, собираясь что-то сказать, но Рокэ его опередил:

– Итак, бордоны расколотили флот славного города Фельпа.

– Сударь, – офицер производил впечатление человека, которому только что дали по голове, – вы... Откуда вы знаете?! Нас никто не мог опередить!

– Успокойтесь, вы первые. Так как прошла битва?

– С... с кем имею честь?

– Герцог Алва, – охотно представился Ворон. – Он же Первый маршал Талига и властитель Кэналлоа, но последнее в нашем случае несущественно.

– Монсеньор... – Гонец чуть было не упал в обморок, но передумал. Окажись перед урготом Леворукий со всеми своими кошками, и то бедняга вряд ли бы потрясся сильнее. Тем не менее офицер поверил, кто перед ним, немедленно и безоговорочно. Алва улыбнулся:

– Вы удивлены?

– Монсеньор, мы не ждали вас так скоро... Ваше появление – такая неожиданность.

– Разумеется, – согласился Ворон, – если едешь на войну, постарайся обогнать шпионов.

– Но... Монсеньор... Где же ваша армия?

– Армия подойдет, – махнул рукой Рокэ, – а флот приплывет. К концу лета.

Валме едва сдержал хохот, вспомнив, как задал тот же вопрос в Летнем лагере и в ответ услышал, что армия, конечно, выступит, но уважающий себя полководец в случае необходимости обойдется и без оной.

– О, – несчастный офицер смотрел на Ворона, как на багряноземельского крокодила, – разумеется... Это такая честь... но... вас так мало...

– Любезный, – Алву урготское бляенье откровенно забавляло, – армия – вещь полезная, но медленная. Пока ее нет, обойдемся тем, что есть. Так что же все-таки осталось от фельпского флота?

– Восемнадцать галер. Джильди застали врасплох... Бордоны привели сотню вымпелов, из них десять галеасов, а

у Джильди были только галеры... Двадцать тысяч «павлинов»¹² и десять тысяч бордонов высадились в бухте... Монсеньор, кто вам сообщил?

– Убийцы.

– Монсеньор?! – Офицер уставился на Рокэ с таким ужасом, что Валме пожалел несчастного. Ничего, Фома еще узнает, что такое Ворон. Хвост «павлину» он, само собой, выдерет, но для начала отделает союзничков.

Алва над урготом сжалился. Или не сжалился, а решил проверить, как действуют его откровения на незнакомцев.

– Меня, как вы знаете, – герцог был сама куртуазность, – не одобряют многие, но убивают далеко не каждый день. Если меня пытаются прикончить, значит, я кому-то мешаю сверх обычного. В данном случае я мешал Бордону, а значит – Гайифе. Ваш Фома жаден, как сто гоганов: прежде чем купить мою шпагу, он долго страдал. «Павлины» догадались, в чем дело, и приняли меры, вернее, попытались принять, а кто-то из академиков подметил, что каждое действие рождает противодействие. Короче, господа, мы едем в Фельп.

– Но... – дернулся гонец, – я еду в Талиг.

– А поедете с нами. Как, кстати, вас называть?

– Капитан Финелли. Бенито Финелли. Я – патриций Фельпа на службе герцога Урготского.

– А это – виконт Валме, он вас развлечет. Прикажите сво-

¹² «Павлины» – презрительное прозвище гайифцев. На гербе Гайифы изображен павлин в венке из роз.

им людям занять место в строю.

2

Ричард Окделл остановил мориску и огляделся. Вокруг было очень мирно и очень сонно: тонущие в зелени домики, дремотные улочки, пологая гора, увенчанная старинной эс-ператистской обителью. Из уроков землеописания Дик знал, что Крион славен фруктовыми садами, монастырем Святого Танкреда и осенней ярмаркой. В древности город был столицей королевства Уэрта, затем двор перебрался в Гарикану, а после Двадцатилетней войны Уэрта распалась на Агарию и Алат. Вот и все, что рассказывал господин Шабли о Крионе, но сегодня чужое прошлое занимало Повелителя Скал меньше всего...

Прямо перед мордой Соны выскочила кошка, на мгновение замерла, выгнув спину, и бросилась к дому, в котором Дик заподозрил гостиницу. Чутье не подвело, похоже, юноша незаметно для себя самого превратился в бывалого путешественника.

Заметив всадника на чистокровной мориске, зевавший на пороге слуга бросился на добычу. Окделл позволил взять Сону под уздцы, а в ответ на уговоры отобедать в «Чаше паломника» прыгнул на землю. Кобылой занялся уздолицый конюх, а юноше не оставалось ничего другого, как войти в услужливо распахнутую дверь.

Опрятная лестница напомнила о Фрамбуа и дядюшке Эркюле. Святой Алан, как же хорошо тогда все было! Ну почему вместо мира и всеобщей радости начался сплошной кошмар?! Выстрелы из-за угла, спешный отъезд в Надор, еще более спешное бегство в столицу, октавианская резня, нелепая попытка отравить эра... Теперь Дик не сомневался – Ворон цел и невредим, иначе б Хуан его живым не выпустил.

Красивый полный трактирщик при виде гостя проявил бурный восторг. Бедняга чуть не бухнулся на колени, умоляя благородного господина остаться на ночь, и Дик покорно занял лучшую комнату с видом на монастырь. Ему предложили вина, и юноша спросил «Вдовью слезу». Кэналлийского в гостинице не нашлось, и Ричард равнодушно согласился на агарийскую лечуза вянка – не все ли равно.

Хозяин умчался резать цыплят, а герцог Окделл примостился у опрятного стола. Он прибыл на место, оставалось вскрыть пакет. Или не вскрывать.

Повелитель Скал мог выбросить заштиту в кожу вещицу в придорожную канаву, сжечь, утопить, потерять – и ехать куда душе угодно, но юноша исполнил приказ даже не эра, а бывшего работорговца. Герцога Окделла послали в Крион, и он в каком-то полусне ехал в Крион. Дважды Дик сбивался с пути, потом ему помешали дожди. Тем не менее любой дороге приходит конец.

Принесли вино. Оно могло быть любым: хорошим, сносным, отвратительным – вкуса Ричард не почувствовал. Юно-

ша смотрел на лежащий на столе черный предмет и пил стакан за стаканом, но голова кружиться не желала, хотя обычно хватало пары бокалов.

Появился слуга – не тот, что караулил на улице, другой, худой и ушастый. Спросил, подавать ли обед, и Ричард велел подавать. Курицу зажарили отменно, хлеб был горячим, овощи – сочными. Нужно было есть, и Дик ел, и ел долго, потому что обед тоже был отсрочкой. Затем Повелитель Скал долго мыл руки, объяснял трактирщику, что желает сменить одежду, разговаривал с портным и белошвейкой. В конце концов ушли и они, наступал вечер, запахло ночной фиалкой и другими цветами, которых Дик не знал, в монастыре зазвонили к вечерней службе. Здесь не воевали и не убивали, а молились...

Назойливый колокольный звон напомнил об Октавианской ночи, Дикон с силой захлопнул ставни и зажег свечи. Дольше тянуть было некуда, и юноша подцепил знакомую печать синего воска принесенным хозяином ножом.

Внутри пакета оказалась плоская шкатулка черного дерева, запертая на изящный замочек, к которому на цепочке крепился резной ключик. Изысканно и дорого, как и все в доме Ворона. Ричарду показалось, что он видел эту вещицу на столе эра, но полной уверенности не было. Юноша поставил шкатулку на стол и задумался. Он слышал и о ключах с заусенцами, на которые наносили смертельный яд, и о выскакивающих из замков отравленных иглах. Неужели его от-

пустили, чтобы убить здесь, в Крионе? Рокэ на такое не способен, Рокэ, но не работорговец. Если эр мертв, Хуан будет мстить, и мстить жестоко, а что может быть горше смерти на пороге свободы? Именно так погиб Конрад Придд, вырвавшийся из тюрьмы и надевший отравленную женой рубашку.

Дик больше не сомневался: Ворон мертв, а шкатулка отравлена. Ее надо сжечь! Юноша отодвинул опасный ящичек, налил себе вина, поднялся, подошел к окну, выпил, вновь ничего не почувствовав. Может, потребовать касеры? Или заказать заупокойную службу, хотя Алва был олларинцем, если не кем-то похуже. В душах потомков предателя Рамиро горит вечный закат, а сила и непобедимость кэналлийских повелителей – дар Леворукого! Равно как и красота, и власть над женщинами. Только ангелы могут отказать избранникам Чужого. Катарина Ариго – ангел, ее жизнь дороже жизни убийцы и безбожника, но Повелитель Скал оказался плохим защитником. Теперь остается лишь молить Создателя за Катари, больше ее величеству никто не поможет, она совсем одна в своей убранной шелками клетке...

Колокольный звон просачивался даже сквозь закрытые ставни. Он звал, требовал, напоминал о высшем долге. Ма-тушка, окажись она в Крионе, первым делом отправилась бы в монастырь, но Ричард молиться не мог. Он понимал, что это грех, но, видно, не зря говорят, что убийцы и предатели слышат не Создателя, а Леворукого. А кто он, если не предатель и не убийца?

Он приносит несчастье. Из-за него погибло или вот-вот погибнет множество прекрасных людей, а он прохлаждает-ся в Крионе! У него есть лошадь, золото и свобода, но что с ними делать? Кому здесь нужен Ричард Окделл, кому он вообще нужен?! Его выбросили как ненужную вещь!

Дик бросился к столу, схватил шкатулку, вставил ключ в замок и резко повернул. Что-то щелкнуло, но никаких отравленных иголок не выскочило. Юноша медленно поднял крышку: внутри на синем бархате лежал отцовский кинжал, а рядом поблескивал перстень Эпинэ. Больше в шкатулке не было ничего.

3

Бенито Марселю нравился, чего нельзя было сказать о дороге. Пастбища и виноградники скрылись в пыльном мареве, знаменуя приближение плоскогорья Гальбрэ, и более мерзкого местечка Валме в своей жизни еще не видал. Смутные воспоминания о недоученных уроках нашептывали, что раньше здесь плескалось море, потом оно отступило, оставив победившей суше мертвые озера, окруженные белоснежными воротниками соли.

Тут даже места для привала не было, разве что свернуть с тракта и поискать тени в дальних пятнистых скалах, но там, без сомнения, водились змеи, а змей Марсель не одобрял. Так же как скорпионов и прыгучих ядовитых киркорелл, ко-

торами славились здешние края. Казалось немыслимым, что из-за столь гнусных земель то и дело вспыхивали войны. Одна так и вошла в историю под именем Соляной, и было это лет через пятьдесят после падения Раканов.

Соль принесла Урготу неисчислимые богатства, по сути, герцогство на ней и поднялось. На соли, меди, серебре и свинце, добываемых в невысоких выветренных горах. Чем кончались старые войны, виконт не помнил – история и землеписание наследника Валмонов не занимали, – но тридцать тысяч болтавшихся на берегу теперешних врагов определенные опасения вызывали. В осажденный Фельп пробьется только сильная армия, а Савиньяк подоспеет не раньше осени. Валме с сомнением посматривал на Рокэ, невозможно покачивавшегося в седле. С Алвы станется бросить лошадей и полезть в город ночью сквозь вражеские позиции. Марсея подобное приключение не вдохновляло абсолютно.

– Бенито, – Валме постарался, чтоб его голос звучал как можно спокойнее, – вы полагаете, дорога свободна?

– Конечно, – заверил фельпец на урготской службе, – ее так просто не перережешь. Увидите сами, не хочу портить удовольствие рассказом.

– Удовольствие?

– Прибрежная стена по праву считается чудом. – В голосе офицера слышалась гордость. – Она идет от Веньянейры до самого города, прикрывая тракт слева, а справа нас защищает море.

Валме уже ничего не понимал. Если враги высадились на берег в одном месте, кто мешает им высадиться в другом и перерезать дорогу?

Фельпский ургот рассмеялся:

— Гадаете, почему дожи с двух сторон не лезут? Да потому что на западе кошки с две высадишься: и рифы тебе, и мели, и зыбуны, да еще и дозоры стоят. К Фельпу иначе как Приморским трактом с суши не добраться...

— А чего они стену не ломают?

— Не готовы. Ничего, пусть копаются, чем дольше, тем лучше. Конечно, до осени, когда подойдет армия, они не провозятся, а жаль...

Тут пришел черед улыбнуться Валме. Алва не для того загонял коней, чтобы ждать Савиньяка. Ворон что-то задумал, а значит, будет весело. Скрывая усмешку, Марсель уставился на ухо собственной лошади. Он немного успокоился, и жарá, отступившая не то чтоб перед страхом, но перед обоснованным беспокойством, взяла свое. Виконт не знал, что хуже: беспощадная ярость солнца или вязкая духота, изливавшаяся из низких густых облаков, и не думавших облагодетельствовать путников дождем.

Облака были такими же обманщиками, как и проклятые озера, которые отряд никак не мог миновать. Издали вода казалась обычной, но не годилась ни для питья, ни для купанья, а в темных глубинах не плескалась даже самая заваливающая рыба. Умом Марсель это понимал, но любоваться на блестя-

щую водную гладь и изнывать от жары и жажды – увольте!

Неожиданно Рокэ Алва поворотил коня к одному из озер, на взгляд Марсея, ничем не отличавшемся от других. Герард, разумеется, увязался за «Монсеньором», хотя проявленное маршалом любопытство по такой духоте было явно излишним. Кэналлийцы и адуаны просто придержали лошадей, а вот урготы забеспокоились. Бенито пришпорил жеребца и помчался наперерез Рокэ, Марсель за какими-то кошками последовал за ним. Алва, услышав топот, обернулся и натянул поводья:

– В чем дело, господа?

– Монсеньор, – казалось, молодому офицеру неловко, – это... Это, конечно, ерунда, но... Это озеро... К нему никто не спускается... Дурная примета...

– Как мило! – Ворон сощурил глаза, всматриваясь в окружавший мертвое зеркало соляной вал. – И почему же?

– Не знаю, – честно признался ургот. – Толком не знает никто, но Литта не терпит чужого любопытства.

– Хорошо, – усмехнулся Алва, – пощадим чужую скромность. Оскорбления озер в мои планы не входят никоим образом.

Герцог учтиво наклонил голову, словно принося извинения не слишком красивой и не слишком молодой даме, и вернулся на тракт. На лице Бенито отразилось нескрываемое облегчение.

Больше в этот день не случилось ничего примечательно-

го, а к ночи отряд добрался до Ограмика. Марсель надеялся обрести там кровать и много-много воды, но Алва отвел на отдых лишь полтора часа. Ворон спешил, и дела до чужих невымытых голов ему не было.

Глава 2

Фельп

399 год К.С. 3-й день Летних Скал

1

Вславный город Фельп Первый маршал Талига въехал затемно. На дорогу ушло четырнадцать с половиной дней. Это было недурно даже для курьера, но Алва, дай ему волю, ехал бы еще быстрее. Марселя спасло лишь то, что Ворон знал людей и лошадей и загонял их всего лишь до полу- смерти.

За время пути Валме трижды прокручивал в поясе новые дырки. С одной стороны, это не могло не радовать: Валмоны отличались склонностью к полноте, а виконт не желал отъедаться до состояния дражайшего родителя. С другой стороны, отощавший, дурно выбритый кавалер в кэналлийских тряпках не мог рассчитывать на успех у фельпских красавиц. Особенно если рядом Рокэ. Маршалу черная рубаха и разбойничья косынка только прибавили загадочности, которую так ценят женщины. Если б Марсель не боялся показаться

смешным, он бы попросил остановиться, чтоб привести себя в порядок, но, представив, как Алва с ухмылкой поднимает бровь, выбрал меньшее из зол и выбросил из головы мысли об абрикосовом камзоле и чистых завитых волосах.

К счастью для виконта, первая встреча обошлась без дам. Отправленный вперед Финелли осчастливил Дуксию¹³ известием о прибытии высокого гостя, и невыспавшийся грандукс¹⁴ с дурацким именем Ливио Гампана перехватил герцога у городских ворот. Дукс был высок и довольно красив, но все портил нелепый балахон, несмотря на жуткую жару, отороченный седоземельскими соболями, и еще более дурацкий колпак, украшенный, однако, весьма недурной пряжкой с изумрудом. По лицу Гампаны струился пот, но отец города терпел, страстно заверяя прибывших в пламенной любви к великому Талигу, его величеству Фердинанду Оллару и величайшему полководцу Золотых Земель.

Величайший полководец слушал торжественную речь с каменным спокойствием, если, разумеется, слушал, а Марсель тарачился на темневшие на фоне испятнанного звездами неба стёны. Ночью они казались несокрушимыми, но день менее снисходителен к стенам и женщинам. К мужчинам, увы, тоже. Виконт ерзал в седле, с отвращением глядя

¹³ Дуксия – коллегиальный орган власти в Фельпе и ряде других свободных городов. Дуксы избираются голосованием из числа достойных и богобоязненных горожан, кои имеют достаточно имущества, чтоб внести должный залог.

¹⁴ Глава совета дуксов.

на укутанного в меха фельпца: не хватало проторчать у городских ворот до рассвета, а потом небритым ехать по запруженным толпой улицам. В Фельпе жило, и неплохо жило, около сотни тысяч человек, хотя, по мнению виконта, поселиться в подобной печке мог только безумец или больной серой горячкой¹⁵. И еще больший безумец мог битый час молоть языком о своей неземной радости, когда гостям требовались вода, приличный цирюльник и крепкий шадди.

Гран-дукс наконец возвысил голос и сообщил, что не сомневается в грядущей победе над коварным и вероломным врагом. Рокэ вежливо наклонил голову и предложил перенести обсуждение кампании в более подходящее место. Гран-дукс сначала опешил, потом улыбнулся изысканной шутке великого воина и сообщил, что Дуксия соберется в полдень, пока же герцога и его свиту ждет палаццо Сирен.

– Мы просим прощения. – Ливио Гампана опустил глаза, словно невеста, уличенная в отсутствии девственности. – Мы не ожидали вас так быстро и потому не успели перетянуть обивку и сменить гербы на фронтоне.

– Ничего страшного, – Марселю показалось, что Алву душист смех, – я переживу любую обивку, только бы она не была розовой в зеленую полосочку.

Валме едва не взвыл, представив рожи многочисленных Манриков, которые, к сожалению, Первого маршала не слышали. Гран-дукс шутки не понял, да и не мог понять.

¹⁵ Больные серой горячкой испытывают постоянный озноб.

Бедняга бросился заверять Алву, что палаццо выдержан в морских тонах. Валме наострил уши, ожидая, что Ворон перейдет к спрутам и медузам, но тут, как назло, возникло новое лицо, по виду совершенно военное.

– Господин герцог, – Марселю показалось, что Гампана не слишком рад вновь прибывшему, – позвольте представить вице-командующего гарнизоном Фельпа генерала Массимо Варчезу.

– Я рад, что вы приехали, – не стал ходить вокруг да около генерал. – Наше положение, прямо скажем, не из легких...

– Не стоит утомлять гостей! – вскинулся гран-дукс, утомлявший их добрых полчаса. Генерал нахмурился, однако смолчал. По мнению Марсея, из вежливости. Рокэ улыбнулся самым светским образом.

– Господа, я не хотел бы предстать перед отцами города Фельпа в облике разбойника с большой дороги. Можем ли мы с моими офицерами отправиться в палаццо Сирен?

– О да, – заверил Ливио Гампана, – я буду счастлив сопровождать вас. Нас ждут конные носилки.

– Благодарю, сударь, – заупрямился Ворон, – но я предпочитаю седло или собственные ноги. Надеюсь, славный город Фельп простит мне мои привычки.

Славный город Фельп простил, а что ему оставалось?

Палаццо Сирен было роскошным – с фонтанами во дворе, скульптурами на крышах и лестницах и живыми цветами, где можно и где нельзя. Это была не талигойская роскошь, но Марселю понравилось. Куда меньше ему нравились собственная загоревшая физиономия и прямые волосы. Конечно, в Фельпе есть и куаферы, и парфюмеры, но не искать же их прямо сейчас! Валме с тоской зачесал незавитые патлы назад, стянув их на затылке черной лентой. Уж лучше так, чем липнущие к щекам сосульки. Немного утешил гвардейский мундир: у того, кто его придумал, безусловно, имелся вкус. Затянув пояс и пару раз повернувшись перед огромным зеркалом, виконт Валме вышел в приемную.

Рокэ стоял у раскрытого, доходящего до самого пола окна. Он и вправду соизволил одеться, как положено талигойскому маршалу. Летний белый мундир и черная рубашка подчеркивали диковую красоту кэналлийца. Марсель не то чтобы позавидовал, но пожалел, что к роду Валмонов природа не столь щедра. Виконт тоже не отказался б произойти от Леворукого, но, увы, Повелителя Кошек прабабки Марселя не вдохновили...

Алва зевнул и отошел от окна.

– Я решил не приводить сюда Моро, – сообщил он вместо приветствия. – В Фельпе кровная лошадь нужна в послед-

ную очередь. Да, Валме, вы не забыли, что вы мой офицер для особых поручений? Надо полагать, его величество уже подписал ваш капитанский патент. Он любит подписывать офицерские патенты...

– То есть я теперь капитан? – приосанился Марсель. – А я думал, Савиньяк шутит.

– В Фельпе правильней быть капитаном, а не виконтом. – Рокэ по-кошачьи потянулся. – Жители вольного города не одобряют чужие титулы – за неимением своих. Сейчас мы отправляемся в Дуксию на военный совет. Там соберутся те, кто нам нужен, и те, кто не нужен. Очень удобно...

– Будете стрелять? – Шутка сорвалась с языка Марселя случайно, но показалась удачной. Рокэ улыбнулся:

– Не сегодня... Хотя, прежде чем заняться врагами, и впрямь придется привести в порядок союзников. В нынешнем виде они меня не устраивают.

Марсель промолчал, ожидая продолжения, но его не последовало. Рокэ взял со стола шляпу с белым пером и нахлобучил, даже не подумав глянуть в зеркало. Герцога меньше всего волновало, как он выглядит: еще бы, ведь он выглядел великолепно.

– Как офицер по особым поручениям вы должны знать, – сообщил маршал, надевая перчатки, – что из-за мелководья дуксы не держат не только парусных кораблей, но и галеасов, за что и поплатились. Бухта блокирована, а гайифцы по всем правилам обкладывают город. Варчеца рассказал, что

«павлины» выкопали ров, насыпали вал и разбили укрепленные лагеря. Замкнуть кольцо мешает только прикрывающая тракт стена, ызаргу ясно, что начнут с нее... Дело скверное, но до дуксов сие пока не дошло. Герард, вы готовы?

– Да, Монсеньор!

Еще бы это ходячее усердие оказалось не готовым!

3

Талигойцам отвели вызолоченную, обитую бархатом скамью под огромной птице-рыбо-девой, красовавшейся на гербе славного города Фельпа. Еще одна крылатая и хвостатая красотка кокетливо взирала с потолочного панно на рассеявшихся внизу мужчин, и Марсель задумался о возможности любви с подобным созданием. Валме прикидывал и так, и эдак, но не мог придумать позу, в которой не мешали бы ни крылья, ни хвост.

Не выдержав, виконт поделился сомнениями с Рокэ, благо совет еще не начался. Алва с ходу понял, что смущает новоявленного капитана, и меланхолично заметил:

– Дорогой Валме, именно потому она и дева.

Марсель не свалился со скамьи лишь потому, что вовремя вспомнил, где находится. Чтобы подавить излишнюю смешливость, пришлось прикусить щеку – стало больно, но помогло. Виконт справился с неуместным весельем как раз во-

время: начиналось пресловутое сортэо¹⁶. Шестьдесят восемь важных, гладко выбритых мужчин в долгополых, отороченных седоземельскими соболями одеяниях по одному запускали холеные руки в мраморную чашу, вытаскивали золотой бочонок с номером и занимали соответствующее место за массивным дубовым столом. На первый взгляд смешно, зато отцам города¹⁷ не грозит передраться из-за мест – на жребий не обижаются. После сортэо в зал впустили тестиго¹⁸ и слуг города¹⁹, среди которых виконт узнал генерала Варчезу. Рядом держался крепко сбитый человек с красивым, но столь обветренным лицом, что даже Марсель понял: моряк.

Гран-дукс Гампана выждал, когда все рассядутся, и тронул золотой – здесь все было золотым – колокольчик. Толстый эсператист с эмалевым голубем на груди пробормотал молитву о благоденствии и процветании великого Фельпа и его жителей, благословил присутствующих, и понеслось!

Ливио Гампана начал с представления Первого маршала Талига и добрый час его расхваливал не хуже продающего

¹⁶ Жеребьевка (*ургот.*).

¹⁷ Дуксов также называют отцами города.

¹⁸ **Тестиго** избираются состоятельными жителями Фельпа, их обязанность – присутствовать на заседании совета дуксов и доносить до граждан все там происходящее. Права голоса тестиго не имеют, но они весьма влиятельны, так как от них во многом зависит, сколько голосов наберет претендент на звание дукса на очередных выборах.

¹⁹ **Слугами города** называют управленцев и военачальников, получающих жалованье из городской казны. Слуг города нанимает и освобождает от должности совет дуксов большинством в три четверти голосов.

редкий камень ювелира. Наконец зануда заткнулся, однако легче не стало: за дело взялся другой дукс, худой как щепка, но с низким утробным голосом. Этот принялся расписывать, как счастливы он и его собратья зреть столь великого полководца, который, вне всякого сомнения, посрамит супостатов славного города Фельпа.

После дукса худого поднялся дукс ушастый. Талигойская прическа могла бы скрыть этот недостаток, талигойская, но не фельпская! Подобных ушей Марсель еще не видел, они живо напомнили виконту о кошмарах, связанных с уроками геометрии, когда злобный ментор объяснял, что есть круг и перпендикуляр. Наследник Валмонов понял и теперь ясно видел, что уши дукса Андреатти являют собой два круга, перпендикулярных к голове. Стоило удирать из Оллариин, чтоб вляпаться в эдакую тоску!

Марсель покосился на Рокэ – герцог, похоже, дремал с открытыми глазами. Еще бы, если умудряешься спать в седле, почему б не уснуть на удобной лавке? Валме так не умел, пришлось вновь во всех подробностях рассматривать птице-рыбо-деву. На этот раз с сочувствием. Просиди тут парочку веков и послушай всю эту муть – еще и не такой хвост вырастет! Да и желания расстаться с девственностью поубавится. Уж лучше на потолке в одиночестве, чем в кровати с такими вот... дуксами.

Задумавшись о хвостах, виконт почти позабыл об ушах и не заметил, когда Андреатти уступил место седому толстяку.

Этот, хвала Леворукому и его кошкам, не стал лить воду, а принялся представлять адмиралов и генералов:

– Командующий армией вольного города Фельпа генералиссимус Титус Вáнжи.

Генералиссимус выглядел весьма внушительно, почти так же, как почтенный родитель Марсея, но папенька казался бодрее и... умнее.

– Вице-командующий генерал Проспéро Фра́ки.

Просперо носил совершенно роскошный мундир и был недурен собой, хотя против Рокэ не выгребал. Марсель готов был поклясться, что местный красавец свою несостоятельность уже осознал и сие его заботит сильнее всех бордонов мира.

– Вице-командующий генерал Массимо Варчеза.

Варчеза казался довольным. В отличие от вице-командующего генерала Крóтало, вызвавшего у Валме живейшее сочувствие. Судя по всему, хмурый вояка последний раз выспался тогда же, когда и сам Марсель, то есть недели три назад.

Главный инженер господин Гра́кка походил на плохо выбритого ежа, но ежа умного, хитрого и веселого. Главный артиллерист господин Кáнцио сиял не хуже Варчезы. Марсель решил, что они приятели и их тошнит от гран-дукса и генералиссимуса. Парочка явно ожидала, что Рокэ примется вытаскивать из-за пазухи кошек и девственниц. Марсель, впрочем, ждал того же.

– Старший адмирал Бърбаро Кимарóза.

Любопытно, когда старший адмирал в последний раз выходил в море, до рождения Рокэ или все-таки позже?

– Адмирал Фóккио Джíльди.

Обветренный хмуро кивнул. А чего радоваться – сражение проиграно, и наверняка все свалили на адмирала.

– Адмирал Му́цио Сквáрца.

Скварца был молод, весел и бесшабашен. С ним стоило познакомиться поближе. Наверняка знает, где в этом городе найти красивых женщин, хорошее вино и сносного портного.

Муцио был последним, кого назвали. Толстый дукс, отдуваясь, плюхнулся в кресло, зато вновь поднялся Гампана.

– Господа, – произнес он, с отеческой укоризной глядя на военных, – мы должны поведать нашему гостю подробности постигшего нас несчастья.

Генералиссимус Титус важно наклонил огромную голову. Что он, что старший адмирал вполне могли сойти даже не за отцов города Фельпа, а за его дедов.

– Будет говорить Фоккио Джильди.

Разбитый адмирал встал и подошел к высокому столику, на котором красовалась еще одна хвостатая хранительница Фельпа. Джильди было хорошо за сорок, и он как нельзя лучше соответствовал облику морского волка. Подходящим был и голос – хриплый, низкий и зычный.

– Нас разбили, – просто сказал моряк, – иначе и быть не могло. Пятьдесят наших галер против почти сотни бордон-

ских, не считая десятка галеасов. Не знаю, говорит ли это что-нибудь нашему гостю, ведь раньше он воевал на суше...

– Господин адмирал, – ровным голосом осведомился Рокэ, – знаете ли вы, чем отличается мул от коня?

Джилди озадаченно воззрился на маршала, тот лукаво улыбнулся:

– Знаете, хоть вы и не кавалерист. А я знаю, чем отличается галера от галеаса.

Адмирал шумно втянул воздух и неожиданно громко расхохотался. Шутка явно пришлась ему по вкусу.

– Что ж, тем лучше! Значит, вам не нужно объяснять, почему я сижу в бухте, а «павлины» и «дельфины»²⁰ хозяйничают на берегу.

– Дельфины на берегу – это извращение, – заметил Рокэ. – Адмирал, как по-вашему, деблокировать бухту извне можно?

– Еще бы, сотня крабов им в... – Джилди осекся и смущенно оглянулся на птице-рыбо-деву. – Только в нашем море парусным тяжко.

– Да, место для города вы выбрали странное, – согласился Рокэ. – Что ж, раз о море можно забыть, поговорим о суше. Что «дельфины» и «павлины» в количестве тридцати тысяч хвостов гуляют вокруг Фельпа, я знаю. Равно как и то, что они действуют по всем правилам военного искусства.

²⁰ «Дельфины» – презрительное прозвище бордонов. На гербе Бордонской республики изображен коронованный дельфин.

– Дорогой друг, – гран-дукс приложил руку то ли к сердцу, то ли к желудку, – мы уверены, что осаждающая армия не намерена штурмовать город, так как этому противится сама природа, бывшая первым фортификатором Фельпа.

– О да, – генералиссимус хлопнул по столу пухлой ладонью. – Командующий бордонами маршал Ка́прас полностью раскрыл свои намерения. Он хочет замкнуть кольцо осады и вынудить нас сдаться под угрозой голода, но у нас достаточно сил и припасов, чтобы дождаться подхода деблокирующей армии. Тем не менее, если мы позволим противнику перерезать Приморский тракт, наше положение станет... м-м-м... сложным. Это понимает и Капрас.

Еще бы не понимать! Странно, оказывается, воинские премудрости не такие уж и сложные. Марсель с ходу разобрался, что имеют в виду военачальники, и это доставляло виконту истинное наслаждение. В самом деле, штурмовать расположенный на обрывистом прибрежном холме Фельп трудно, а вот перерезать единственную ведущую к городу дорогу весьма соблазнительно, хотя тоже непросто.

– Будущей ночью мы улучшим наше положение, – заключил Титус. – На примыкающей к основному вражескому лагерю территории находится Паучий холм. Мы его захватим и установим на нем пушки, после чего сможем обстреливать вражеский лагерь и отвлечем противника от защищающей тракт стены.

– Прошу простить мою неосведомленность, – Рокэ веж-

ливо улыбнулся. — Почему этот холм носит столь неприятное название? Там водятся пауки или же он формой напоминает паука?

— Киркореллы там водятся, — буркнул Варчеца.

— Да они здесь везде водятся, — громыхнул адмирал Джильди, — брюхо с кулак и волосатые, как моя жизнь!

— Будем надеяться, они осчастливят своим присутствием бордонский лагерь, — улыбнулся Рокэ. — Жаль, Капрас не взял на войну супругу. Женщины обычно не дружат с пауками.

— Киркореллы не совсем пауки, — растянул губы кто-то из дуксов, — а что до жен бордонов... Капрас явился без супруги, а сестра одного из самых влиятельных дожей не взяла на войну мужа. За неимением такового. Спросите при случае Джильди, кто потопил его галеру.

— Мне скрывать нечего, — ноздри адмирала угрожающе раздулись, — дожиха и потопила. Дожили, бабы на корабле!

— Дама командует кораблем? — поднял бровь Рокэ. — Какая пошлость!

— На «Морской пантере» три десятка дам. Все офицерские должности прихватили, да еще и называют себя на мужской лад.

— Чего только не бывает... — задумчиво протянул Алва. — Как я понимаю, вы намерены взять Паучий холм?

— Да, — кивнул генералиссимус. — И мы возьмем его. Это упрочит наше положение.

– Я против, – поднял руку фортификатор. – Холм слишком близко к лагерю, и если маршал Капрас не даст маху, «павлины» появятся раньше, чем мы успеем его укрепить, кроме того, Паучий обращен к осаждающим пологой стороной, а к городу – крутой. В итоге Капрас холм легко отобьет, а мы только зря потеряем людей.

– Не согласен, – сверкнул покрасневшими глазами генерал Кротало. – Где сказано, что нельзя оборонять пологий склон? Нам нужно укрепить дух горожан. После разгрома на море многие усомнились в победе и не верят ни Дуксии, ни слугам города. Это дурной признак.

Просперо Фраки поднял руку, и генералиссимус важно кивнул. Марсель знал фельпского генерала всего полчаса, но уже понял: бедняга при виде Ворона изревновался, как стареющая красотка при виде семнадцатилетней блондинки.

– Я возьму Паучий, господа. Поручкой тому моя репутация.

– Я хотел бы узнать мнение нашего гостя, – не сдавался фортификатор.

Рокэ пожал плечами:

– Судя по тому, что здесь прозвучало, я не советовал бы атаковать. Конечно, если ваше предприятие увенчается успехом, граждане города обрадуются, но что будет, если оно провалится?

– Решение принято, но я удивлен, услышав такие слова от вас, господин маршал. – Фраки попытался испепелить Алву

взглядом, но неудачно. Марселю пришел на ум свечной огарок, бесславно угасший в лохани с водой.

Рокэ опять улыбнулся:

– Когда мои советы перестанут удивлять, я подам в отставку. Успешной охоты на киркорелл, господа.

Глава 3

Фельп

399 год К.С. 3-й —4-й день Летних Скал

1

Оморском деле Марсель имел весьма смутное представление – в отличие от Герарда, знавшего и то, что Фельп начинался как центр мелкой прибрежной торговли, и то, что флоты в Померанцевом море были по большей части галерными. Сначала потому, что «негребных» кораблей просто не придумали, потом из-за местных особенностей. Летом и зимой парусникам мешали штили, весной и осенью – бури.

Мелководье, изрезанное побережье, множество островов, островков и островочков, не дающих крупным судам маневрировать. Морские гиганты могли разве что добираться до внешнего рейда, а дальше за дело брались плоскодонные трудяги. И, несмотря на это, город и порт процветали, а на противоположной стороне Урготского полуострова, где

и климат получше, и море поглубже, отчего-то никто не селился. По мнению Марселя, это было глупо, но в жизни глупостей хватает, а виконт придерживался мнения, что везде следует выискивать розы, а не жаб. В данном случае талигоец вознамерился раздобыть куафера и портного, что и проделал с помощью Бенито и его приятеля Луиджи Джильди. Старший сын разбитого адмирала и капитан «Влюбленной акулы» возлагал на талигойского маршала кучу надежд и пытался говорить с Валме как с моряком. Марсель чувствовал себя совершеннейшим дураком, но прогулка все равно вышла отменной.

Приведя шевелюру в пристойное состояние и заказав полдюжины рубах, виконт почувствовал себя почти хорошо и с удовольствием принял предложение посмотреть город. Наутро Бенито отбывал в Урготеллу с известием об очередной выходке Алвы, но вечер был в его распоряжении. Порт в Фельпе имелся лишь один, зато трактиров и харчевен хватало, так что до палаццо Сирен офицер для особых поручений добрался лишь к вечеру. Подмигнул хвостатой красотке на фронтоне, едва не сбил с ног усатого варастиЙца и ввалился к Рокэ. Тот пристально посмотрел на виконта, но ничего не сказал.

– Да, – заявил отчего-то обиженный Марсель, – я выпил. Ну и что? Мы в Фельпе, а в Фельпе можно.

– А кто говорит, что нельзя? – пожал плечами Алва. – Как вам местные красоты?

– Красоты? – возмутился Марсель. – Эти колонны и дуры с крыльями?

– А дуры без крыльев здесь разве не водятся?

Марсель захохотал и рухнул на роскошный диван. Рокэ тоже усмехнулся:

– Идите спать, капитан.

– А вы? – Виконту показалось несправедливым, что маршал лишает себя прорвы удовольствий. Они сейчас вполне могли бы...

– Мне надо разобраться с этим, – Алва тряхнул кипой каких-то бумаг, – и дожидаться, чем закончилась схватка за киркорелл.

– А, – вспомнил виконт и зевнул, – холмик...

– Он самый. Что-то мне подсказывает: взять его не удастся, а жаль. Пауканы – твари полезные, они бы нам пригодились.

– Зачем? – потряс стремительно тяжелеющей головой Марсель. – Гран-дуксу за шиворот сунуть?

– Лично я бы посадил их в чашу для сортэо, – возразил Алва.

– Тогда дуксы разбегутся. С визгом...

– Именно. Идите спать, Валме, – Рокэ склонился над бумагами, – а то еще свалитесь. Вы, конечно, малость похудели, но таскать вас на руках я тем не менее не намерен.

Алва – и кто бы сомневался? – оказался прав: Паучий холм взять не удалось. Высота оказалась укреплена, кроме того, нападения явно ждали. Красавца Просперо встретили мушкетным огнем и гранатами, бравый генерал, поняв, что с наименьшими затратами выиграть не получается, решил победить красиво. Он лично возглавил атаку, под барабанный бой добежал до середины склона, нарвался на рогатки и отошел, чтоб не сказать – отлетел, назад. Уже без барабанного боя.

На сегодняшнем совете Фраки выглядел отнюдь не столь уверенно, как на вчерашнем, а генералиссимус и гран-дукс относились к побитому красавцу куда менее отечески. Скорее наоборот.

– Вы обманули Дуксию, – гремел Ливио Гампана, – вы обманули граждан города, которые из-за вашей самоуверенности и непродуманности ваших действий решат, что Дуксия и слуги города не способны их защитить...

Ну, положим, они и не способны, странно, что при таких правителях Фельп до сих пор никто не захватил. Хотя бордонские дожи вряд ли лучше.

– Вы не вняли совету нашего гостя, – не мог успокоиться гран-дукс, – хотя лучший полководец Золотых Земель недвусмысленно дал понять, что атака на Паучий холм ли-

шена смысла и обречена на провал!

– Я не генералиссимус, – огрызнулся Просперо, – а тали-гойца слышали все.

– Отцы города Фельпа склонны доверять своим слугам, – вывернулся Гампана, – а вы поклялись, что возьмете высоту.

– И ваша клятва сыграла роковую роль, – внес свою долю генералиссимус, – ибо плох тот командующий, который не верит своим генералам.

– Господа, – поднял руку кто-то рыжий и носатый, – случившееся ночью весьма прискорбно, но надо смотреть вперед. Наш гость обещал ознакомиться с положением вещей и высказать свое мнение.

– Город Фельп будет счастлив принять совет Рокэ из Кэналлоа, – провозгласил гран-дукс, с обожанием глядя на Ворона. Тот поднялся и коротко поклонился присутствующим. Синие глаза смотрели прямо и жестко, почти так же, как в Нохе перед дуэлью. Марсель непроизвольно поджал ноги, хотя понимал, что это глупо и лично ему ничего не угрожает.

– Господа! – ровный голос обдавал зимней стужей. – Я не хотел бы обсуждать дальнейшую кампанию здесь и сейчас. Вчера у меня возникло подозрение, что нас слушает предатель, и хорошо, если только один. После ночного происшествия я в этом уверился окончательно. Здесь про меня было сказано много лестного, так вот, господа, один из секретов моих побед в том, что я не подпускаю к себе шпионов. Тай-

на на войне – половина успеха, а то и две трети. У меня нет сомнений, что генерал Фраки взял бы высоту, если б врага не предупредили о готовящейся вылазке.

Мысль о предателе Просперо понравилась, хотя красавец выглядел смущенным. Любой сквасится, приди ему на помощь человек, которого хочется убить.

– Маршал, – прервал молчание гран-дукс, – вы имеете в виду кого-то конкретного?

– Возможно, – Рокэ тронул черно-белую перевязь, – но я могу и ошибаться, к тому же предатель вряд ли действует в одиночку. В любом случае я посоветовал бы до окончания войны сосредоточить воинскую власть в одних руках. Это может быть наш уважаемый гран-дукс, может быть генералиссимус или старший адмирал. Или кто-нибудь еще, облеченный всеобщим доверием.

На лицах отцов города отразилось замешательство, затем вскочил тощий дукс, тот самый, что вчера помогал Гампане приветствовать Рокэ:

– Как можно вручить командование кому-то одному, не зная имени предателя?

– Конечно, предатель во главе обороны – это плохо, – утешил кэналлиец, – но, уверяю вас, непредвиденное возвышение причинит ему массу неудобств. Обычно изменники и шпионы предпочитают находиться в свите, разумеется, если у них нет сил захватить престол. Но в вашем городе трона нет, а военачальник, отдающий заведомо дурные прика-

зы, очень скоро познакомится с палачом. Если же он будет все делать правильно, но раз за разом проигрывать, ему тоже не поздоровится. До бесконечности списывать неудачи на неумех и предателей невозможно, а тайные посланники имеют обыкновение попадаться. Особенно если их ловить. Нет, господа, изменник во главе обороны рискует весьма сильно, а я еще не встречал продажных шкур, которые не ценили бы собственных голов.

Гран-дукс вопросительно глянул на генералиссимуса, тот откашлялся и веско произнес:

– Первый маршал Талига прав. Военную власть следует сосредоточить в одних руках, и эти руки должны знать, как обращаться с оружием. Я – верный слуга города Фельпа, и мой долг вынуждает меня сказать: при всем моем уважении к отцам города, они не могут возглавлять оборону.

– Действия генералиссимуса и старшего адмирала тоже не свидетельствуют об их способностях, – обиделся желтолицый дукс.

– Город держится, – с достоинством отпарировал Титус, – и не наша вина, что узнавший тайну мерзавец выдал наши планы врагу. Хотел бы я знать, за сколько.

– Город держится благодаря стенам, а не благодаря генералам, – бросился в бой обладатель выдающихся ушей, – я уж не говорю о конфузии, приключившейся с нашим флотом. Я далек от того, чтобы обвинять адмирала Джильди, который, кстати говоря, вчера после совета таинственным об-

разом исчез. Я понимаю, что разбитому флотоводцу хочется побыть в уединении, допускаю, что наше общество ему неприятно, но...

Джилди начал медленно подниматься, на его скулах заходили желваки. Он весьма напоминал человека, собравшегося кого-то убить. Массимо Варчеца положил руку на плечо адмирала.

– Господин Андреатти, – Варчеца изо всех сил старался говорить спокойно, – лично я не сомневаюсь, что предатель носит на поясе не шпагу, а чернильницу. Ваше воображение делает вам честь как сочинителю, и оно уже обошлось городу в круглую сумму...

– Военные мало понимают в том, что составляет истинную ценность, – обиделся ушастый. – Потомки будут помнить моего «Изливающего воды», даже когда забудут ваши поражения.

– Наши поражения растут из вашей жадности, – взорвался Варчеца, – у вас нет денег на оружие, но есть на бездарные вирши.

– Прекрати, Массимо, – перебил адмирал Джилди, – дукс Андреатти сказал, а я услышал. Значит ли это, что Фельп разрывает договор?

– Нет, – зачастил Андреатти, – вы, Джилди, понимаете мои слова слишком буквально. Я вас не осуждаю, вы еще не оправились от поражения...

– Поражение было неминуемым, – бросился в бой моло-

дой адмирал... Как же его? А, Муцио Скварца. – И все потому, что Дуксия жалеет денег на флот. А может, это не жадность, а предательство?

– Выбирайте слова, адмирал! – возвысил голос гран-дуks.

– Выбирать слова пристало дуксам, а не военным! – Скварца не выдержал и вскочил. – Нам наносят оскорбление, потому что слуги города не могут бросить перчатку его отцам. Что ж, я разрываю договор и с удовольствием потолкую с Андреатти, и не только с ним.

– Муцио! – прикрикнул Гракка. – Мы воюем с Бордоном, а не друг с другом.

– Да, друзья мои, – произнес обретший бывшее красноречие гран-дуks, – и мы, исполняя свой долг, должны подняться над личными обидами. Прошу забыть, что мы в сердцах сказали друг другу. Многие из нас слишком остро восприняли ночную неудачу. Надеюсь, дальше этого зала сказанное не пойдет.

– Вы полагаете, сегодняшние слова окажутся тяжелее вчерашних и не доплывут до «дельфинов»? – скривил губу желтолицый дуks. – Наш высокий гость прав. Тайну может сохранить один, но не шестьдесят восемь и тем более не сто семьдесят шесть. Генералиссимус, вы готовы принять на себя всю полноту власти?

– И всю ответственность, – ввернул жирный дуks.

Толстый старик в роскошном мундире часто задышал. Титус очень хотел власти и очень боялся после первой же

неприятности оказаться в тюремном замке.

– Отцы города Фельпа, – на лице генералиссимуса застыла мука обжоры, по совету врача отвергающего лакомое блюдо, – десять лет назад я бы принял предложенное мне бремя и безропотно понес его, но я стар и нездоров. И я не вижу среди слуг города Фельпа никого, кому по силам эта ноша, но среди нас находится первый воин Золотых Земель.

– Маршал Алва – подданный талигойской короны, а не слуга вольного города Фельпа, – перебил гран-дукс. – До подхода союзной армии он может помочь нам лишь советом.

– Слугой города вправе стать любой, подписавший договор, – произнес желтолицый, с неприязнью глядя на гран-дукса.

– Вряд ли Первый маршал Талига согласится. – Гампана постарался придать своему голосу сожаление, но не слишком успешно. – Талигойские аристократы служат лишь своему королю.

– Пусть это скажет сам Рокэ Алва! – выкрикнул Муцио.

– Требую голосования! – громыхнул доселе молчавший лысый дукс со шрамом над бровью.

– Дукс Рабётти, – лицо Гампаны пошло красными пятнами, – нельзя требовать голосования по неявному вопросу. Герцог Алва не просил славный город Фельп принять его службу.

– Хотел бы я знать, почему гран-дукс Гампана не желает видеть защитником Фельпа лучшего из ныне живущих пол-

ководцев, – вкрадчиво осведомился генералиссимус.

– Я слежу за исполнением законов! – с достоинством произнес Гампана, но Марсель не сомневался – гран-дукс с наслаждением бы придушил генералиссимуса. – Желают ли отцы города Фельпа знать, намерен ли Рокэ из Кэналлоа предложить свои услуги Дуксии?

Рокэ поднял голову, поочередно обведя взглядом и дуксов, и генералов с адмиралами, и замерших тестиго.

– Я не намерен, – отчеканил Ворон, – я их предлагаю. Иначе зачем бы я был здесь?

Странные слова. С одной стороны, они приехали воевать, с другой... Рокэ Алва согласен стать наемником, которому платят торгошники. Невероятно! Он разобьет бордонов, но что скажут в Талиге? Допустим, Алве на чужое мнение давно плевать, но ведь говорить будут не только о маршале, но и о его людях. Наследник графа Бертрама – адъютант фельпского наемника?! Мерзость.

– Рокэ из Кэналлоа предлагает свои услуги вольному городу Фельпу, – упавшим голосом произнес Гампана. – Принимает ли город Фельп его службу?

Шестьдесят пять рук поднялось вверх. Трое воздержались, против не выступил никто.

– Вольный город Фельп нанимает Рокэ из Кэналлоа, – провозгласил гран-дукс, – и труд его будет вознагражден. Какую плату Рокэ из Кэналлоа почитает приемлемой?

Марсель с надеждой глянул на герцога. Возможно, тот ре-

шил пошутить и сейчас потребует луну с неба или дуру с хвостом. Впрочем, птице-рыбо-деву дуксы могут и отдать.

– Я согласен получать ту же плату, что и командующий армией, – равнодушно произнес Рокэ.

Сколько у них получает генералиссимус? Две тысячи восемьсот золотых урготских «пташек»!²¹ Хорошие деньги, но не для Рокэ и даже не для виконта Валме!

– Вольный город Фельп принимает условие Рокэ из Кэналлоа. Чем Рокэ из Кэналлоа подтвердит договор?

Алва усмехнулся и сунул руку в карман. Эта фельпская традиция выросла из купеческого обычая подтверждать честность залогом. Третью сотню лет генералы, инженеры, строители, фортификаторы, становясь слугами города, бросали на покрытый белым сукном стол золотую монету, которая торжественно опускалась в сафьяновый кошель, висевший на поясе мраморной покровительницы Фельпа. Когда слуга города, исполнив свою работу, получал плату, ему возвращали и залог.

– Чем я отвечу на доверие города? – Ворон что-то бросил на стол, на белом бархате вспыхнула звездная россыпь. – Принимает ли торговый город Фельп мой залог?

Сапфиры! Сапфиры немыслимо чистой воды, десятки сапфиров, и среди них кровавый дразнящий огонь. Алая ройя! Камень, цены которому нет и быть не может. Теперь ни одна собака не посмеет твякнуть, что Ворон продал свою

²¹ На реверсе урготских золотых монет чеканится летящая ласточка.

шпагу!

– Мы... мы не можем... Мы должны быть уверены...

– В том, что Бордон не заплатит мне больше? – подсказал Алва. – Не заплатит.

– Но, – глаза гран-дукса не могли оторваться от сгустка закатного пламени, – этот камень не имеет цены...

– Он будет прекрасно выглядеть на шее хранительницы Фельпа, – заметил Рокэ. – Господа, если я исполнил все, что положено, я вас покину. Прошу отпустить со мной генерала Варчезу, адмирала Джильди и господ Гракку и Канцио.

– Сударь, – руки дукса так и тянулись к драгоценностям, – вечером Дуксия дает пир. В честь вашего вступления в должность.

– Благодарю. Я буду обязательно, но сейчас мы едем на верфи.

Марселю страшно хотелось поглядеть, что дуксы сделают с камнями, но не отставать же от Алвы! Валме бросился за герцогом и догнал его на лестнице, утыканной неизбежными хвостатыми красотками. Рядом с кэналлийцем топал взволнованный Варчеза.

– Сударь, – усиленный эхом генеральский рык разносился по всему дворцу, – кто мог нас предать?

Рокэ развязал ворот рубахи и вдохнул полной грудью:

– Кто знает... Лично мне весьма подозрителен Андреатти. Человек с подобными ушами не может относиться к ним только как к украшению.

Рокэ и Фоккио Джильди ушли с жилистым горбатым фельпцем, зато сын адмирала показал им с Герардом почти достроенную галеру, а корабельный мастер рассказал прорву всяческих вещей. Виконт узнал, что галеры делают такими узкими для большей скорости.

– Эта красавица, – размахивал руками мастер, – в длину ровно 160 бье²² при ширине палубы чуть больше двадцати. Только так и никак иначе! И не верьте Тио Фарётти! Он бездельник и презренный обманщик! Как можно, чтоб длина галеры относилась к ширине как тринадцать к полутора?! Как, спрашиваю вас я, Бенвенуто Джудокки, сын Урбана Джудокки?

Мастер остановил негодующий взгляд на Марселе, и виконту ничего не оставалось, как заверить, что он не собирается слушать презренного Фаретти.

– Даже зубаны, – мастер поднял запачканный смолой палец, – и те знают, что длина галеры относится к ширине как восемь к одному!

– Безусловно, – подтвердил Луиджи Джильди, беря оторопевшего от натиска талигойца под руку. – Смотрите. Вот здесь, на палубе у бортов, сидят гребцы. По три, реже по че-

²² Один бье равен примерно 30 см.

тыре человека в ряд. Мы с отцом предпочитаем наемных, но многие капитаны покупают или за небольшую плату берут у города каторжников. Это дешевле.

– Жадный платит трижды! – воскликнул Бенвенуто, сын Урбана. – Нет ничего хуже, чем польститься на дешевизну.

– Совершенно согласен, – лицо Луиджи стало жестким, – если б на «Влюбленной акуле» были рабы, я бы с вами сейчас не разговаривал.

– Они загубили «Красавицу Монику»! – Мастер схватился за голову и тут же, словно обжегшись, воздел руки к небу: – Мою лучшую галеру! Не считая «Акулы», разумеется.

– Они много чего загубили, – согласился Джильди-младший. – Так вот, господа, между гребцами остается чистая полоса от силы в семь бье. Это я к тому, что по галере особенно не побегаешь. Под ногами – скамьи, цепи, а во время боя еще и раненые, и мертвые. Безобразную и тупую свалку устроить можно, но зачем? Для того чтобы захватить галеру, нужно занять ют, бак и куршею. Я понятно объясняю?

Валме деликатно промолчал и опустил глаза – признаваться в своем невежестве не хотелось. Выручил Герард.

– Значимые места на галере, – радостно оттарабанило утреннее чудовище, – это корма, на которой находятся капитан и старшие офицеры, и носовой помост, где расположена вся артиллерия. Между ними чуть выше гребной палубы по свободной полосе идет куршея – помост для контроля над

гребцами и перехода с носа на корму. В середине, у гот-мачты, может быть еще одна платформа, а может и не быть. На одних чертежах, что я нашел, она показана, на других – нет.

– О, – возопил Джудокки, – молодой человек подает блестящие надежды! Блестящие, но он также смотрел и чертежи ничтожного Фаретти. Забудьте об этом неуче!

– Он забудет, – заверил расходившегося мастера Луиджи. – Марсель, теперь вы видите, что основные схватки идут за нос и корму. Тот, кто держит их, держит и куршею. Если защитников отбрасывают на гребную палубу, это конец. В такой тесноте драться бессмысленно, я уж не говорю о том, что гребцы зачастую норовят отыгаться на бывших хозяевах...

Валме слушал и запоминал, предвкушая будущий фурор у талигойских дам. Да и родителю должно понравиться, что наследник побывал на войне. Как удачно, что в Междугорье²³ от Придды до Агариин говорят на одном языке. Кроме Кэналлоа, разумеется, но кэналлийцы всегда были сами по себе. Захоти Алва послать Талиг к кошкам, не было б ничего проще, чем закрыть перевалы и зажить своим умом. И своими приисками и виноградниками. Вот бы, когда все закончится, съездить с Рокэ в Алвасете. Говорят, кэналлийки хороши собой и весьма свободны в своих поступках...

²³ Имеется в виду пространство между горными системами Торки и Мон-Нуар – Сагранны.

– Господин Джудокки, – юный Арамона думал не о женщинах, а о железяках, – а сколько пушек понесет эта галера?

Любопытство мальчишки не знало границ, и это при том, что он вскакивал в шесть утра!

– На носу «Красавицы Фельпа» будет установлено семь пушек. – Мастер, сам похожий на вырезанную из дерева скульптуру, с нежностью коснулся еще светлого борта. – Одна, самая тяжелая, точно посередине, по оси судна, две полегче – по бокам от нее, и четыре, еще легче, – по краям.

– Сударь, – имя фельпца Марсель, как на грех, забыл, – прошу вас, объясните моему спутнику разницу между галерой и галеасом.

Утренний мучитель это наверняка знал, но Марсель не собирался ни будить ученый фонтан, ни садиться в лужу при разговоре с водоплавающими. Спрашивать же мастера от собственного имени было неудобно.

– О, – закатил глаза тот, – галера и галеас – это как борзая и волкодав. Галера, молодой человек, как вы можете видеть, сверху открыта. У нее одна палуба, у галеаса – две. В нижнем ярусе – гребцы, верхний, пушечный, открыт. На носу помещается до дюжины пушек, чаще всего девять или десять, и еще десятка два по бортам, а на корме на стойках-вертлюгах закрепляют фальконеты. Для стрельбы картечью сверху вниз по галерам и абордажным лодкам...

– Я видел галеасы в книге, – Герард виновато улыбнулся, – у них борта гораздо выше, чем у галер.

– Не то слово, – мастер одарил юнца одобрительным взглядом, – их делают из толстого дерева и обивают кожей. Такой борт не только выше, но и прочнее. С галеасов удобно бить по галерам из пушек и мушкетов. Что у тебя творится, не разглядеть, зато они сверху как на ладони. Но даже без пушек галеас опасен. Он идет к обычной галере и разламывает ее, как тибур²⁴ перекусывает селедку.

– Леворукий и все его кошки, что за ужасы вы тут рассказываете? – Марсель оглянулся. Рокэ с адмиралом и горбуном вынырнули из-за лежащей на земле очередной птице-рыбо-девы, которой предстояло украсить нос новой галеры. Наконец-то! Офицер для особых поручений с умудренным видом покачал головой.

– Мы говорим о галеасах, которых у нас нет, но которые есть у бордонов.

– Я понял, – кивнул Рокэ. – Мастер, вы насмерть запугаете моих офицеров. Теперь они ни за что не поднимутся на борт галеры, если рядом будут болтаться эти ваши слоны.

– Слоны? – удивился мастер.

– Морские, – уточнил Ворон. – Если галеры называют морскими конями, то галеасы сойдут за слонов. Кстати, слоны боятся мышей. Интересно, испугаются ли они ызаргов.

– Сударь, – корабельщик был окончательно подавлен, – прошу меня простить, но я ничего не понимаю... Почему ызарги?

²⁴ Крупная хищная рыба.

– Потому что они имеют обыкновение кишеть. – Алва хлопнул мастера по плечу: – А остальное вам объяснит господин Уголино.

– О да, Джудокки, – горбун сиял не хуже оставшихся в Дуксии сапфиров, – сегодня прекрасный день! Прекраснейший... Создатель подарил мне встречу с величайшим умом Золотых Земель...

– А не выпить ли нам? – величайший ум залихватски подмигнул обоим фельпцам.

– Конечно, Монсеньор! – горбун радостно закивал. – Нельзя закладывать новые корабли с сухим горлом.

– Новые? – Джудокки чуть не задохнулся. Надо полагать, от восторга.

– И много! – рявкнул адмирал Джильди. – Где твоё вино, мастер?!

Марсель Валме пивал вина и получше, чем те, что держал горбун, но день закончился веселее, чем начался. Ворон был в ударе, они с Джильди и мастером Уголино то и дело переглядывались с видом заправских заговорщиков, а корабельщики, явившиеся на негаданную пирушку прямо от стапелей, пили стакан за стаканом, не забывая превозносить гостя, заставившего «эту паршивую Дуксию» раскошелиться. Марсель понял, что Алва заказал на верфи два десятка кораблей, но зачем?

Галерам не выдюжить против галеасов, да и когда их ещё построят?! Хотя ударить по бордонам, когда те сцепятся с

подошедшим Альмейдой, – это мысль!

– Рокэ, – слегка захмелевший виконт тронул Ворона за плечо, и тот с готовностью обернулся, – Рокэ... Мы ударим с двух сторон? Да? Из бухты и с моря...

– Вы – великий стратег, Марсель. – Алва приподнял стакан. – И с ходу разгадали наш план, но, умоляю, молчите. Помните про Андреатти и его уши...

– Обрезать бы их... – мечтательно протянул адмирал Джильди, тоже изрядно выпивший.

– Если этому дуксу что и следует отрезать, то никоим образом не уши, – возразил кэналлиец. – Эти уши – чудо природы. Они единственные в своем роде, а чудеса природы следует беречь.

– Морские боги, – адмирал едва не выронил стакан, – чудо природы...

– Он смеется первый раз после разгрома, – шепнул горбун. – Алва, одно чудо вы уже совершили.

– Рад служить, – Рокэ протянул руку мастеру. – И раз уж вы так любите чудеса, не удивляйтесь тому, что я стану делать дальше.

– Господин Рокэ, – в голосе вышедшего и вернувшегося хозяина послышалось страдание, – за вами прислано. Прибыл генерал Вье... Вей...

– Вейзель? – быстро переспросил Рокэ.

– О да... Такое трудное имя...

– Да, бергерские фамилии ломают любой язык, – согла-

сился маршал. – Благодарю за вино, сударь. Виконт, идемте, вас ждет прелестное знакомство. Вейзель – единственный из известных мне военных, которому уже уготовано местечко в Рассветных Садах. Вы не поверите, но он безгрешней младенца и нравственней надорской Мирабеллы. И при этом его совершенно не тянет пристрелить...

4

Обычно Марсель Валме сторонился бергеров, уж больно серьезными они были. Расхваленный Вороном артиллерийский генерал отнюдь не являлся исключением. Плотный, не слишком молодой, затянутый, несмотря на жару, в ладно сшитый мундир, Курт Вейзель вызывал неодолимое желание встать по стойке смирно и отдать честь.

– Рокэ, вы опять пили, – произнес он вместо приветствия.

– Пришлось, Курт, – мурлыкнул Алва. – Был такой повод...

– Вы всегда находите и повод, и вино.

– Повод без вина – это страдание, вино без повода – пьянство. Вас и ваших людей хорошо устроили? Вы сыты?

– Да, но я попросил бы вынести из моих комнат некоторые картины.

– И я даже знаю какие. Марсель, возьмете к себе парочку морских дев?

– С удовольствием, – Валме все-таки щелкнул каблука-

ми. – Я ничего не имею против найери.

– Это Марсель Валме, – светским тоном объявил Ворон. – Наследник хитреца Бертрама и мой офицер для особых поручений. А в коридоре сидит Герард.

– Рад знакомству, виконт, – Курт Вейзель церемонно наклонил голову. – Но где молодой Окделл?

– Решил посмотреть мир, – зевнул Алва, – и я предоставил ему такую возможность. Что ж, Курт, раз вы сыты и всем довольны, поговорим о деле. А из вашей спальни как раз вынесут красоток.

– Я готов, – немедленно согласился артиллерист. – Надеюсь, на этот раз мой долг не потребует от меня...

– Успокойтесь, – сверкнул глазами Ворон, – на сей раз вашей совести ничего не грозит.

Вейзель набычился, но промолчал. Видимо, у этих двоих были какие-то свои секреты.

– Вы следили за дорогой?

Не знай Марсель, сколько Рокэ выпил, он бы сказал, что маршал трезв, как Эсперадор.

– Нет, – покачал головой Вейзель. – Мы ехали ночью и очень спешили. Я заметил только совершенно чудовищные скалы вдоль дороги. У самого города их сменила стена.

– Речь именно о ней. Стена – единственное по-настоящему уязвимое место, если ее разрушат, кольцо замкнется. Конечно, это не смертельно, и штурмовать Фельп с суши – делодохлое, но граждане расстроятся и перепугаются. А пе-

репуганные граждане, привыкшие много кушать и спокойно спать, имеют обыкновение делать глупости. Да и гонять курьеров по скалам – лишние хлопоты. Короче, Курт, нужно, чтоб «павлины» с «дельфинами» о Приморском тракте за-были. Вот, глядите, – Рокэ взял карандаш и изобразил нечто вроде помеси тележного колеса с песочными часами, – это холм. На холме славный город Фельп. Лит с Ундом, когда творили это место, явно были в игривом настроении.

– Лит с Ундом? – переспросил бергер. – Эсператистские демоны?

– В древности их считали богами, один ведал скалами, другой – волнами, вот они и пошутили. На Фельпский холм со стороны суши так просто не заберешься, тем более у местных хватило ума понастроить выносных бастионов. Дальше идет то ли долина, то ли Леворукий знает что, где и орудуют наши дорогие гости, а потом начинаются скалы, в которых бакранский козел ногу сломит. Дыру между скалами и холмом защищает стена, которую вы видели. Стена хорошая, но пушки у гайиццев тоже неплохие. Правда, за дело они еще не брались.

– Из чего сложена стена? – глаза артиллериста стали колючими.

– Местный базальт. Строили на совесть. Имеются два бастиона с восемью пушками каждый.

– Вашего «на совесть» хватит в лучшем случае недели на три, – задумчиво сказал Курт. – После будет не стена, а ре-

шето. Нужно подготовить несколько батарей и бить картечью сквозь проломы.

– По берегу шляется тридцать тысяч чужеземных солдат, – напомнил Алва. – Полагаю, Капрас готов положить часть в обмен на тракт. После этого высадутся дополнительные силы. Часть засядет под Фельпом, остальные форсированным маршем двинут в Средний Ургот. Насколько я помню, сильных гарнизонов там отродясь не держали...

– Что вы надумали?

– Я? – Алва поднял бровь в притворном удивлении.

– Мы знакомы двадцать лет, но я не помню, чтобы вы хоть раз поступали так, как вам советуют старшие. Я представляю, что будет делать Капрас, я предложил вам то, что можно ему противопоставить с точки зрения воинской науки, вас это не устраивает. Чего вы хотите?

– Довести до ума то, что не доделал Лит. Веньянейра должна примыкать к Фельпскому холму вплотную.

– Ты рехнулся, – выдохнул Курт. Генерал и маршал какое-то время мерили друг друга взглядами и внезапно расхохотались. Единственное пришедшее в голову Марселю объяснение было, что рехнулись оба, но Курт, стерев выступившие слезы, чопорно произнес:

– Господин Валме, герцога Алва часто подозревают в том, что он утратил рассудок, до начала сражения, но никогда – после. Когда с моего языка сорвались слова о сумасшествии, я понял, что дело будет сделано. Итак?

– Нужно взорвать Веньянейру, но так, чтобы, во-первых, придавило побольше нападающих и, во-вторых, получился завал до самого города, да такой, чтоб туда близко никто не сунулся. По высоте проходит, я прикидывал.

– Но тогда, – бергер выглядел ошарашенным, – мы сами сделаем для Капраса осадную лестницу, которую не оттолкнешь.

– Ничего подобного. Сразу видно, что вы ехали ночью. Холм высокий, придорожная стена много ниже городской. Сколько б мы ни нагородили камней, по ним поднимешься разве что на треть холма. И потом, скалы должны упасть так, чтоб там говорить страшно было, не то что лазить.

– Рокэ, – не удержался Валме, – а почему бы нам не завалить камнями бордонские лагеря?

– Потому что в других местах долина гораздо шире, – отмахнулся маршал. – Хотя ваша кровожадность, капитан, делает вам честь. Ну что, Курт?

– Надо смотреть на месте, – глаза артиллериста сияли от азарта, весьма похожего на охотничий. – Главное, чтоб в нужном месте нашлись утесы нужной высоты, а мины мы заложим...

Глава 4

Алат. Алати

Окрестности Фельпа

Черная Алати

399 год К.С. 7-й –18-й день Летних Скал

1

Иэтот старик с лысиной и тяжелым лицом – Альберт?! Вот так и понимают, что хватит касеру хлестать, пора о душе думать. В Агарисе Матильду занимало другое, да и темновато было, зато теперь... Твою кавалерию, полвека назад Альберт был очень даже неплох, а что осталось?! Руины... Да и тебе, милая моя, на живодерню пора, а ты все еще задом взбрыкиваешь. Стыдно!

– Ты совсем не изменилась, – великий герцог Алатский поднялся и раскрыл объятия блудной сестре.

– Ты тоже, – объявила сестра, – как врал, так и врешь.

– Матишка...

Матишка... Так ее звали только здесь. Анэсти сначала звал жену звездой и розой, потом цедил сквозь зубы «Матильда», Адриан дразнил ее паломницей, а шад уверял, что ей подходит имя Шалайн, знать бы еще, что это значит, Ма-

тишка же осталась в Черной Алати. Она сама позабыла, как звучит это имя, и незачем вспоминать!

– Из меня сейчас такая же Матишка, как из тебя... – Ее высочество задумалась: все же нехорошо начинать разговор с точных сравнений, – неважно кто... За какими кошками я тебе понадобилась? Только не говори, что в тебе заговорила братская любовь.

– Ох, Матишка, – лысая голова укоризненно качнулась, – ты еще не знаешь, что такое старость, а я знаю. Старики хотят удержать хоть что-то из юности, а моя юность – это ты и Розамунда. Я хотел бы, чтоб вы обе были рядом, но это невозможно. Роза в Кадане, мы вряд ли когда-нибудь свидимся.

Врет? Леворукий эту скотину знает – с одиночеством шутики плохи, кому об этом знать, как не ей.

– Я догадывался, что с тобой приедет маркиз Эр-При, но про девушку ничего не знал. Кто она?

– Беглая гоганни. – Ты всегда считал себя хитрецом, братец. И всегда лучшим способом тебя обмануть было выпалить правду.

Тонкие губы Альберта искривила улыбка:

– Нет, ты не изменилась: как не умела врать, так и не умеешь. Могла бы придумать что-то поумнее. Гоганни? Ха! А то я гоганни не видел. Даже ты у них за тощую сойдешь, а твоя Мелания и вовсе – дунешь, и улетит! Кто она?

– Мелания? – Матильда вздохнула: – Может быть, сядем?

– Ох, прости...

– Если нальешь – прощу. Мансайские виноградники еще не засохли?

– Нет. – Альберт снова улыбался. Теперь он сожрет любую брехню, только чтоб была позаковыристей и погадостней. Чем гаже, тем лучше: такие, как богоданный братец, обожают грязь и верят в нее сразу и до конца.

– Я отвыкла от мансайского... Его так трудно достать.

– Что поделать? – Здесь паршивец не врал, он и впрямь был искренне огорчен. Еще бы, терять прибыль из-за каких-то суеверий. – Начни я продавать мансай, меня бы не поняли, в Алате против предрассудков не попрешь, но ты мне зубы не заговаривай. Откуда Мелания?

Матильда внимательно и строго глянула в лицо Альберту. Только б не разоржаться.

– Мелания – моя внучка. Моя и покойного Адриана...

– Я так и думал, – лицо герцога напомнило морду обожравшегося медом медведя, – так и думал. Иначе с чего бы...

Альберт Алати осекся на полуслове, но Матильда и так поняла. Братская любовь и не думала просыпаться, приглашение добыла церковь. Родственничек уверен, что сестра была любовницей покойного Эсперадора, но она-то сама знает, что это не так. Причина, по которой их выставили из Агариса, в другом. Святой Град хотел помириться с Олларией? Но ведь не помирился же!

– Кстати, изволь называть ее Мэллицей. Я сделаю из нее алатку и выдам замуж.

– Ты ее откорми сперва, – хмыкнул братец, – а то на такое несчастье и ложиться-то боязно.

– Ничего, витязи у нас смелые. Ты уже решил, где мы будем жить?

– Разумеется. У вас будет дом, но его еще нужно подготовить, а пока в твоём полном распоряжении Сакаци.

– Вместе с Аполкой?

– Матишка, прекрати. Ты в сказки никогда не верила.

Не верила, пока не прогулялась ночью по кладбищу, только Алат не Агарис. Про Сакаци чего только не болтали, но на памяти Матильды там никто никого не съел. Тетка Шара дожила до девяноста шести, куда уж больше.

– А призрак Шары не спросит, кто пускал к ее борзым сукам кобелей?

– Так это была ты... – с наслаждением протянул Альберт. – Я всегда подозревал.

– Твою кавалерию! Я еще призракам на старости лет не врал. Это был Ферек.

Альберт захлопал глазами, не находя слов от негодования. Точно так же он изображал вытасченного из пруда карпа полвека назад. Только теперь Матильда поняла, к кому вернулась. Сама притащилась и Альдо с Робером приволокла...

Делать было нечего, что по такой жаре не могло не радовать. Зачем Рокэ торчит на артиллерийских учениях, Марсель не понимал, но маршал день за днем, наскоро пробежавшись по стенам и заскочив на верфи, уезжал на побережье, где до шестнадцатого пота гонял корабельных канониров. Несчастных рассаживали по тряским повозкам с тупорылыми крепостными мортирками и заставляли палить на ходу по здоровенным телегам, забитым мокрыми мешками с сеном. Мохноногие лошадки в наглазниках и наушниках то рысили, то резко останавливались, то пускались вскачь, то неожиданно разворачивались. Через час и люди, и лошади становились мокрыми, как мыши, но ученья продолжались. Телеги спускали с поросших выгоревшей травой горок, таскали между стреляющими, вновь заволакивали на холмы — и так до заката.

Сначала канонирам не везло. Из сотни выпущенных ядер внутрь проклятых телег попадало от силы одно-два, остальные собирали хмурые солдаты. Ядра берегли на случай, если бордоны все же перережут тракт. Пороха в Фельпе хватало, имелись и пороховые мельницы, и запасы угля, селитры и серы, а вот с ядрами было хуже. Порох, впрочем, тоже берегли, стреляя по вконец обнаглевшим «дельфинам» лишь в случае крайней необходимости.

Неудивительно, что бордоны чувствовали себя как дома. Для порядка постреливая в сторону города, они лупили по нижней стене, которую на исходе второй недели с начала обстрела назвать стеной можно было лишь из чистой любезности. Дыры по ночам заваливали и загораживали земляными турами, но даже Марсель понимал, что истерзанное сооружение вот-вот рухнет. Сбивать вражеские пушки из города не получалось – Паучий холм надежно защищал бордонские батареи, и крепостные артиллеристы заметного урона врагу не наносили, хоть и старались. Целью незваных гостей был не штурм, а блокада, и всяческой осадной мути они понастроили так, чтоб фельпские ядра до нее не долетали, благо похожая на улитку долина это позволяла.

Горожане волновались, дуксы злились, артиллеристы во главе со своим генералом пожимали плечами и берегли ядра, а Рокэ зачастил за город. Марсель полагал, что Ворону наскучили вопросы гран-дукса и генералиссимуса. На нижней стене, которую оборонял Варчеза, маршал тоже не показывался, предпочитая валяться на плаще, лениво переговариваясь с Джильди и наблюдая за артиллерийскими мучениями. Утром шестого дня трое канониров приловчились забрасывать ядра, куда хотели, за что получили по десятку золотых. К вечеру сносно стреляло уже человек двадцать, еще через сутки повозки стали ездить быстрее, но число удачливых стрелков все возрастало. Зато приходилось по несколько раз на дню менять телеги – заполнявшие их мешки с сеном

не спасали.

– Еще денька четыре, и будет толк. – Джильди удовлетворенно проследил взглядом за удаляющейся повозкой.

– Похоже, – согласился Рокэ из-под накрывавшей лицо парадной шляпы.

– Вы же не видите! – Валме с отвращением потянул шейный платок, не понимая, с какой радости Рокэ внезапно возлюбил мундиры. Где-где, а здесь кэналлийские тряпки пришлись бы лучше некуда.

– Не вижу, – донеслось из-под шляпы, – но я вам верю.

– Рокэ, – адмирал с маршалом чуть ли не на второй день стали называть друг друга по имени, изрядно разозлив половину Дуксии, – канониры пускай стреляют, а нам неплохо бы прокатиться к стене.

– Массимо и Вейзелю я тоже верю, – пробормотал Ворон. – Курт обещал сегодня закончить, значит, закончит. Лучше Вейзеля минное дело знает разве что Леворукий...

– Леворукий?

– Ну или кто там зажигает вулканы. – Алва отбросил шляпу, перекатился со спины на живот, поднял камешек и швырнул в жесткую траву. Раздался какой-то треск.

– Созрел. – В голосе маршала послышалась нежность. – Фоккио, как вы их называете?

– Бешеные огурцы. – Адмирал последовал примеру Алвы, бросив в том же направлении еще один камень, но треска не последовало. Видимо, сбитый Рокэ огурец был един-

ственным.

– Мы их зовем вурьбозо, – маршал накрутил на палец травинку, – в Кэналлоа они созреют недельки через полторы.

– Здесь тоже. Еще дней десять, и проходу от них не будет.

– Вот и славно. По зарослям бешеных огурцов ящерица и та незаметно не проскочит... О, попал! Молодец!

Джилди пригляделся:

– Лука Лóтти, канонир с «Влюбленной акулы».

– Вы знаете всех своих людей?

– Гребцов – нет, остальных знаю. Хорошо, дуксы за нами не таскаются. Думал, не продохнуть от этих... будет.

– Ну, это-то как раз понятно. – Рокэ по-кошачьи потянулся и прикрыл глаза. – Им застит взор алая ройя. Если бордоны перережут тракт, будет повод поднять вопрос о переходе залога к славному городу Фельпу. Но если дуксы станут совать нос в наши дела, их можно будет обвинить в измене и выдаче наших планов. Кстати, Фоккио, нам понадобится кто-то, кому нечего терять и кто отменно плавает и разбирается в заряхах.

– А в чем дело?

– Я открою вам тайну, когда созреют бешеные огурцы, и ни днем раньше.

– С вами не соскучишься. – Адмирал кинул наудачу еще один камешек, в ответ что-то щелкнуло и зашуршало. Не огурец, тот трещал иначе.

– Киркорелла, – сообщил моряк.

– Показали б вы эту вашу живность, что ли.

Адмирал внимательно посмотрел на Рокэ и усмехнулся:

– Ничего нет проще, в детстве я их прорву наловил.

– Ну так давайте поохотимся.

– Почему нет? Надо только смолой запастись и мясом. Ну и веревка нужна... А за какими кошками вам паукан заналовил?

– Возможно, ни за какими. – Маршал потрянул неподвиганными, несмотря на жару, волосами и глянул на небо. – Завтра дождя не будет, – объявил он, – и послезавтра тоже.

Нечего сказать, удивил. Да тут дождей не бывает до самой осени.

– Рокэ, а почему бы нам и в самом деле не съездить на стену?

– Скучаете, – улыбнулся Алва, глядя на приближающегося всадника, – ничего, сейчас развлечемся.

Офицер в запыленном мундире осадил покрытую пылью лошадку.

– Теньент Джованни Марци. Генерал Вейзель докладывает: он готов.

– Вот и отлично. Фоккио, где живут киркореллы?

– В норках, – удивленно сообщил адмирал.

– Умницы какие! Джованни, слезайте с коня, надевайте мой мундир, давайте мне свой и отправляйтесь искать норки. И чтоб с дороги было видно, что я от жары совсем свихнулся. Герард, помогите теньенту, завтра мы пойдем на охо-

ту.

– Монсеньор, когда и куда я должен явиться? – Юный Арамона продолжал корчить из себя идеального адъютанта, но ему хотелось на стену и не хотелось искать пауканьи лежбища. Рокэ задумчиво поглядел на молодого человека:

– Утром приходите к господину адмиралу и оставайтесь при нем. Марсель, идемте, у нас прорва дел...

3

– Моя госпожа, простите, я сегодня слишком занят, – маршал Карло Капрас с плохо скрываемой ненавистью зыркнул на Зою Гастаки. Та не поняла. Она и слов-то не понимала, не то что взглядов.

У сестрицы дожа было через край всего: щек, носа, груди и далее до самого низа, но всего больше у нее было склочности и гонора. Капрас подозревал, что родичи, подарившие перезревшей девице галеас, возлагали большие надежды на фельпских зубанов, но пока корове сказочно везло. Именно она, а верней, тенъент Спиро Доракис, за обещанное дожем капитанство согласившийся стать боцманом «Морской пантеры», потопил фельпский флагман, после чего Зоя окончательно уверилась в своих воинских талантах и всюду лезла с советами.

Капрас терпел – ссориться с жуткой бабой, от которой не избавишься, было последним делом. Маршал хоть и коман-

довал объединенной гайифско-бордонской армией, обладал куда меньшей свободой действий, чем следовало. Военная Коллегия, отправляя армию в Ургот, недвусмысленно дала понять, что кампания ведется под бордонскими флагами, а посему «дельфины» должны чувствовать себя хозяевами, но при этом делать то, что нужно Гайифе... Вот и изволь готовить яичницу, не разбивая яиц, к тому же тухлых!

– Госпожа Гастаки, – маршал изо всех сил старался быть любезным, – я убедительно прошу вас вернуться на борт. Тракт будет перерезан своевременно.

– Якорь вам в глотку, – голосок Зои сделал бы честь любому матросу, – вы трус, сударь. Трус и тугодум, как все мужчины! Если б армию возглавляла женщина, Фельп был бы уже взят.

– Возможно. – Ну почему ей на голову до сих пор ничего не свалилось? Хотя понятно почему. В Рассветных Садах семейке Гастаки делать нечего, а Леворукий – кавалер со вкусом, так что быть Зое бессмертной.

– В прошлый раз вы отговорились тем, что готовите минную атаку. Вы врал! Местность здесь гористая, долина – не речная, а просто впадина между горами. Быстро в каменистом грунте длинный туннель не пробьешь, а эти фельпские... морды вас раскусили бы на раз. Вибрация по камню идет лучше, чем по земле, глухой и то услышит.

Корова права, а того, кто ее просветил на предмет саперных работ, надо бы найти. И удавить. Повторяет чужие сло-

ва, а сама дура душой. В прошлый раз съела все, что он ей наговорил, и не поморщилась, а теперь «вибрация», «грунт»...

– Сударыня, это ваша первая военная кампания?

– Не имеет значения! – окрысилась стерва. Создатель, ну за что ему такая напасть?

– Имеет. Осада крепостей, сударыня, весьма отличается от морских батальей. Эти сражения выигрывают потом, а не кровью. Все решится осенью, когда подойдет деблокирующая армия. К этому времени нижняя стена будет взята.

О том, что она будет взята этой ночью, тебе знать незачем! Как и о том, что у города останется лишь треть армии, а две трети прорвутся в Средний Ургот и захватят Урготеллу вместе с Фомой.

– Тысяча демонов! Я требую взять стену нынче же ночью и замкнуть кольцо! Я уже писала брату о недопустимости промедления.

Она писала! Это было смешно, но не смешило. Штурм придорожной стены назначен, и откладывать его нельзя. Вражеские батареи на тракте почти готовы, еще день – и придется гнать людей на фельпскую картечь. Но как же не вовремя приперлась эта морская корова! Теперь она раструбит всем и каждому, что, если б не она, Капрас бы до сих пор гонял пауканов. Правда, у него есть свидетели: штабные офицеры, готовящие штурм, но куда им тягаться с Зоей и ее бабами.

– Вот как? Вы настаиваете!

– Да, Леворукий побери! Настаиваю! – Каракатица встала и полезла из палатки, бряцая оружием. Абордажная сабля, два кинжала, пистолеты... И все это там, где у женщины должна быть талия! Капрас подождал, пока чудовищный зад скроется с глаз, и повернулся к генералу Сфангáтису. Начальник штаба без лишних слов наполнил два бокала.

– Иногда мне хочется, чтоб у нас стало на один галеас меньше. – Сфангатис, хоть и был бордоном, свою соотечественницу не жаловал.

– Не трави душу. – Капрас залпом осушил стакан. – Надо было кончать прошлой ночью.

– Мы и так едва успели. Ничего, того, что сделали, хватит. У скал стена на честном слове держится.

– Надеюсь. Поехали поглядим.

Сфангатис кивнул и поправил шпагу. Они вышли из палатки, раздался сухой треск, по ноге что-то хлестануло. Маршал Карло Капрас глянул вниз – панталоны заливала какая-то слизь.

– Это еще что такое? – рывкнул он.

– Бешеный огурец. – Николаос указал ногой на розетку невзрачных листьев, вокруг которой расположились напоминающие колючие огурчики плоды на длинных черенках. Один черенок украшало нечто желтоватое и скрученное. – Растут по всему побережью от Кэналлоа до Агариса. Когда созревают, выстреливают семенами. Лучше переодеться, у них очень едкий сок.

– Возвращаться – дурная примета, – огрызнулся Капрас, забираясь в седло. Это было глупо, но уж такой день выдался. Сначала бешеная корова, потом бешеный огурец.

4

Старая дура, она чуть не бросилась с объятиями к голубой елке. Такие растут только в Черной Алати и нигде больше. Она дома, дома, дома, дома! Вдовствующая принцесса повернулась к сидевшей рядом девчонке:

– Смотри, это Черная Алати!

Гоганни смотрела, но ни Леворукого не соображала, да и откуда? Матильда высунулась из окошка и заорала:

– А ну стой!

Карета послушно остановилась. Шумел ручей, цвел шиповник, в траве лиловели дикие астры, вдали, сливаясь с облаками, маячил горный хребет.

– Матильда, – Альдо поравнялся с каретой и уставился на бабу, – что с тобой?

– Ничего, – засмеялась вдовица, – но дальше я в этом курьезе ящике не потащусь. Едем верхом.

– Давно пора, – согласился внук. – Сейчас велю Луну оседлать.

Вдовствующая принцесса кивнула, вылезла из кареты прямо в травы. По рукам мазнули белые метелки. Анчия! У нее сладкие цветы, очень сладкие, но потом на губах и языке

остаётся горечь и никак не проходит, не заешь и не запьешь. В детстве она по глупости жевала анчию, в юности по ещё большей глупости выскочила за Анэсти. Было сладко, стало горько...

— Готово, — доложил Альдо. — Луна тебя ждёт, а Мэллит Робер возьмет в седло.

— Мэллица она, — недовольно поправила Матильда, — Мэллица! На худой конец, Мелания. Неужели трудно запомнить?

— Трудно, — вздохнул внучек и шепнул: — Алатский учить не буду.

— Да кто ж тебя заставляет, — хмыкнула Матильда. — Я и сама его подзабыла, но имена лучше не путать, а то схлопочешь.

— Имена! — оскалился Альдо. — Язык сломаешь и не заметишь.

— Ну уж какие есть, — фыркнула вдовствующая принцесса, срывая несколько стеблей.

— Что это за дрянь? — поинтересовался внук.

— Анчия, — сообщила бабушка, засовывая сорванные метелки за косо приколотую брошь. — Не вздумай грызть, горечь страшная.

— Не вздумаю. — Альдо придержал Луну под уздцы. — Долго еще?

— К вечеру доберемся...

Можно и раньше, если рвануть напрямки, через Тикотскую лощину, только за полсотни лет там наверняка что-то

выросло, что-то свалилось, что-то обмелело, не ровен час, заплутаешь.

Застучали копыта, подъехал Робер. В темно-красном дорожном платье и на золотистом коне он был зверски хорош. Скоро женится на какой-нибудь наследнице, куда денется! Мэллит, тьфу ты, Мэллица сидела впереди Эпинэ и шурилась, как котенок.

– Красивые места, – Иноходец поднял руку, заслоняясь от солнца, – люблю горы.

– Давно? – осведомился Альдо.

– Как только увидел... Сагранна выше, Торка тоже.

– Это отроги, – отчего-то обиделась Матильда. – Главный хребет в стороне.

– Знаю, – кивнул Робер. – Я там был.

Он и впрямь там был, а вот она дальше Сакаци не забиралась, да и то в юности. Муженек и того не видал, хоть и ныл про великую Талигойю. Анэсти был создан для нытья и безделья, затащи его вдруг Леворукий на трон, он бы в обморок хлопнулся.

– Вам понравится Сакаци, – не к месту брякнула Матильда, отгоняя злость за зря растраченную жизнь. – Шикарное место: форелевые реки, охота, дикий мед...

– И далеко от столицы, – добавил Альдо, – мешать не будем.

– Чушь, – пожала плечами Матильда. – Сакаци – наш замок, фамильный. Балинт Мэкчеи его больше других любил,

а сейчас там пусто. Тетка Шара умерла два года назад, чуть до ста не дотянула. Ничего, попьем винца, поохотимся, а к весне, глядишь, и дом в Алати готов будет.

– Да, – встрепенулся Альдо. – Робер, ты уже написал про охоту?

– Нет. – Иноходец встревожен или ей показалось? – Не написал. Мы же не знали, где окажемся.

– Напиши, – с нажимом произнес Альдо. Вот жеребцы, развели секреты. Сначала – гоганни, теперь охота какая-то...

– В Сакаци замечательная охота, – заверила Матильда, – кабаны, олени, медведи, а в замке полно любой снасти.

– Шара охотилась? – усмехнулся внук.

Матильда остановила Луну и с удовольствием вlepила за-ржавшему балбесу подзатыльник.

– Шара только на мышей охотилась! Но при старой гримзе из Сакаци ни одного гвоздя не пропало, уж такая она была... Бережливая.

– Значит, стала упырем, – предположил внук. – Все скряги становятся упырями. И еще старые девы...

– Насчет Шары не знаю, а нечисть в Сакаци водилась... – мечтательно протянула Матильда. – Мы с Фереком ее ловили-ловили...

– С кем, с кем? – скорчил рожу Альдо. – А ну Расскажи!

– С бароном Фёренцем Ла́гаши. И между нами не было ничего предосудительного, – чопорно произнесла Матильда, не выдержала и рассмеялась: – Ну и дура же я была!

– А призраки? – не отставал Альдо.

– Да нет там никаких призраков. Вот закатные твари захаживали, а одна так и вовсе прижилась... Ночью расскажу, а то на таком солнце не страшно.

– Ладно, – кивнул Альдо, – выберем ночь потемней.

– С грозой, – уточнил Робер, – чтоб зарницы, гром, ветер...

Ни единой Золотой Ночки не видали, а туда же, грозу им подавай!

– Будет вам гроза, – пообещала Матильда, – и не одна.

Глава 5

Окрестности Фельпа

399 год К.С. 18-й —19-й день Летних Скал

1

– Воистину, в мире нет ничего нового, – заметил Рокэ Алва худому мушкетеру, целящемуся в ночную тьму из полуобвалившейся амбразуры. Стрелок был слишком поглощен своим занятием, чтобы отвечать. Солдат, не думая ни о высоком начальстве, ни о собственной безопасности, опрометчиво высунулся из-под прикрывавших его камней. Не знай Валме, что мушкетер мертв уже пару часов, никогда бы не догадался, особенно глядя снизу, но виконт знал, и

это тревожило. Избитая ядрами, затопленная лунным светом стена, мертвый гарнизон и несколько кэналлийцев с факелами, создающих иллюзию жизни. Жуть! Такое надо запить.

– Валме, вам что-то не нравится? Хотите выпить?

– Не откажусь...

Странная все-таки вещь – луна, не столько светит, сколько пугает. Марсель глотнул касеры и глянул на Рокэ: в призрачном свете одетый в черное кэналлиец казался каким-то не таким...

– Рокэ, у вас... у вас глаза светятся.

– У вас тоже. Лунный свет, куда денешься. – Алва медленно пошел по изувеченному бастиону, виконт поплелся следом. На стене мерцали огоньки – там бродили люди, но здесь их было только двое. Валме не то чтобы боялся, но чувствовал себя неудобно. Алва наклонился над привалившимся к пушке офицером, поправил шпагу...

– У них ведь даже могилы не будет? – Марсель не шибко придерживался обрядов, но есть же предел всему.

– Будет, – откликнулся Алва, – как раз у них и будет, да такая, что простоит века.

Кэналлиец добрался до площадки, на которую не хватило трупов, и сел, привалившись к еще не остывшим камням. Луна и тишина держали за горло цепкими невидимыми пальцами.

– Что мы тут делаем? – пробормотал Валме, чтоб завязать

хоть какой-нибудь разговор.

– Вы – не знаю, – вежливо откликнулся Ворон, – а я защищаю Талиг.

– Рокэ, – Марсель уставился на Алву, который невозмутимо созерцал лунную половинку, – вас ли я слышу?

– Меня, – подтвердил Первый маршал упомянутого Талига. – Бить врагов удобней в чужом доме, а не в собственном. Чтоб потом не вставлять окна и не менять ковры.

Рокэ замолчал, он сидел, запрокинув голову и прикрыв глаза. Валме видел достойный гальтарской камеи профиль. Уснул? Это было вполне понятно – Алва не ложился двое суток кряду, но виконту ужасно не хотелось бодрствовать среди покойников в одиночку. Какое-то время он боролся с собой, потом осведомился нарочито беспечным тоном:

– Рокэ, вы верите в проклятия?

– Вы что-то сказали? – Алва неторопливо потянулся. – Простите, задремал.

– Да я так... – замялся Марсель. Теперь ему было стыдно: разбудить человека, который и так почти не спит, – свинство, за которое убить мало. К тому же Рокэ спросонья мог схватиться за пистолеты...

– Так? – участливо переспросил Ворон. – Подозреваю, виконт, на вас действует лунный свет. Это бывает.

– Не то чтобы действует, но как-то неуютно... И еще покойники эти. Не подумайте, что я суеверен, и вообще утром это пройдет, но...

– Я полагаю, вы хотите сказать, что задумались о смысле жизни? Хотите еще касеры?

– Да.

– Ловите, – Алва с легким смешком швырнул флягу, и виконт довольно ловко ее ухватил. Серебро отливало лунной зеленью, на блестящей поверхности чернел рисунок – ворон в полете.

– Рокэ, – Валме от души хлебнул, – вам не кажется странным? Живем один раз и все равно воюем. Вот они, – расхрабrivшийся виконт махнул рукой в сторону стены, – за что они погибли?

– За деньги, – пожал плечами Ворон. – Кроме этого, они присягнули, хотя в наши просвещенные времена это особого значения и не имеет.

– Да-а, – протянул Валме, – век рыцарской чести прошел.

– Честь здесь ни при чем. – Алва опять созерцал полумесяц. – В древности люди были суеверны и не нарушали клятв, особенно мудреных. Сейчас боятся не закатных тварей или какого-нибудь Зверя, а мушкетов и яда. И это весьма разумно.

Ворон вновь откинул голову. Сейчас уснет, и придется сидеть в темноте и думать о тех, кого оставили на стене. Конечно, они не встанут, и все-таки...

– Рокэ, – взмолился виконт, – расскажите что-нибудь. Про этого Зверя, что ли.

– Ну, вы же видели его следы. – Рука маршала погладила

эфес, точно кошку.

– Как это? – не понял Валме. – Где?

– По дороге. Съентифики объясняют это безобразие какими-то циклами, клирики валят на Создателя, а древние верили, что Гальбрэ уничтожил Зверь. По приказу хозяина.

– Стал бы я вызывать такую тварь, – поежился Марсель.

– У владык земных порой возникают подобные потребности, – зевнул маршал. – Из-за этого то ли демоны, то ли боги и сплели власть над Зверем с жизнью того, кто его призывает. Так, на всякий случай, чтоб не зарывались. И они же запретили своим наследникам нарушать обеты, потому-то Люди Чести и избегают клятв на крови.

– Закатные твари, – пробормотал виконт.

– Приблизительно. Представляете, каков конфуз! Соврал, все поверили, все в порядке, получил что хотел – и тут кто-то вылезает и тебя глотает. Обидно! Уж лучше не клясться или клясться чем-нибудь попроще. Вроде чести или доброго имени.

Марсель промолчал, представляя времена, когда люди ходили в хитонах и сандалиях, дрались короткими мечами, поклонялись четырем демонам и еще не боялись клятв на крови. Рисовали и лечили тогда лучше, чем теперь, но все остальное...

– Не хотел бы я жить до Эрнани Святого, – сообщил виконт, – уж лучше теперь.

– А мне все равно, – зевнул Рокэ. – Впрочем, времена не

выбирают, а хоть бы и выбирали...

– Если бы выбирали, я б выбрал Двадцатилетнюю войну!

– Вам нравится тогдашняя мода? – поднял бровь Алва. – Она и впрямь недурна, особенно женские сетки для волос. Кстати, как вы нашли фельпских красоток?

– Никак, – обиделся Марсель. – Женщины с утренним Герардом несовместимы.

– Действительно. Война несколько мешает привычным развлечениям, но она же дарит нам новые знакомства. Насколько я понял, вы спелись с младшим Джильди? Он влюблен?

– Рокэ!

– У бедняги удивительно глупое выражение лица, – пояснил маршал. – Именно такое бывает у влюбленных в мыльный пузырь.

– Вообще-то Луиджи мне ничего не говорил...

– Разве? И чего же вам не говорил наследник Фоккио? Что он пропал навеки или из-за кого сие случилось?

Марселю стало смешно, несмотря на мертвецов с мушками. Бедный Луиджи, он считает себя таким спокойным и невозмутимым.

– Вообще-то это страшная тайна!

– Ну так расскажите, обстановка самая располагающая. Луна. Покойники...

– Луиджи сопровождал дукса, запоматовал фамилию, желтолицый такой. После разгрома они ездили выкупать

у Капраса пленных. Там были и моряки с корабля Фоккио, но самого адмирала на переговоры не пустили.

– Правильно, между прочим, – одобрил Алва. – Уж не хотите ли вы сказать, что Джильди-младший отдал сердце морской пантере?

– Вы ясновидящий?

– Нет, – покачал головой Первый маршал Талига, – но семейство Джильди вряд ли склонно к любви по-гайифски, а на переговорах присутствуют только высшие лица и те, кому принадлежат пленники. Полагаю, без капитана Гастаки с помощниками не обошлось.

– Дожиха страшной кладбищенской кобылы.

– Не сомневаюсь, иначе зачем бы ей в ее возрасте воевать. – Рокэ резко вскинул голову: – О, кажется, наши друзья зашевелились. Пора пожелать им доброго утра...

Доброго, как бы не так! Конечно, призраки и закатные твари убралась в свои норы вместе с луной, зато проснулась война, и Валме вновь стало страшновато, хоть и по-другому. Марсель не сомневался, что останется жив, но он мог окончиться, ведь все, кроме него и Герарда, уже нюхнули пороха, только Герарда отправили в город.

2

Укрытие подготовили еще вчера. Если Вейзель рассчитал правильно, здесь им ничто не грозит. А если неправильно –

но? Виконт с некоторым сомнением глянул на внушительных размеров трещину и перепрыгнул со стены на скальный уступ. Шедший следом Алва отсалютовал шпагой мертвым защитникам бастиона и в два счета обогнал Валме. Трещину кэналлиец словно бы и не заметил, так же как и крутой подъем. Марсель едва поспевал за маршалом: еще бы, на его миллом полуострове полным-полно скал, а в Валмоне любая кочка – гора!

К концу подъема виконт раз двадцать поклялся себе никогда больше не связываться ни с Вороном, ни с горами, ни с войной, каковая уже поджидала их в образе Курта Вейзеля. Бергер был затянут в парадный мундир, но на ногах его были не сапоги, а мягкие кожаные туфли без каблуков. Значит, поджигать запалы будет лично. Вот зануда, собственным подручным и тем не доверяет!

– Доброе утро, господа. Капрас отводит свои аванпосты, сейчас будет рвать фугасы. Нам тоже пора. – Артиллерист протянул Алве пакет: – Герцог, это мое завещание и письма жене и сыновьям.

– Ваша обстоятельность, Курт, Леворукого в гроб вгонит. – Рокэ сунул письма в карман и внезапно ловко сорвал с пояса Вейзеля черный мешочек. – Марсель, придержите генерала, он взволнован.

– Рокэ! Куда?!

– Подрывать скалу, – доверительно шепнул Алва, ловко сбрасывая сапоги.

– Это мое дело! – Вейзель попробовал выхватить у Ворона свое имущество, но Марсель честно повис у бергера на плечах. – Мое и ничье больше. Если я ошибся, я и отвечу... Не смей рисковать, бездельник!.. Ты принадлежишь Талигу!

– Все принадлежат! – отмахнулся Рокэ. – Успокойтесь, Курт, со мной ничего не случится, и я, благодаренье Леворукому, не женат.

– Росио! – Вейзель рванулся и осекся, остановленный сильней молнией. Алва засмеялся, подбросил на ладони мешочек и исчез в скалах. Генерал вздохнул, Марселя стало его жаль.

– Давайте посмотрим на бордонов, – Валме тронул Вейзеля за плечо. Это было нарушением субординации, хотя хватать генералов за руки и не пускать было куда большим преступлением. Впрочем, грешил он по приказу Первого маршала.

– Наденьте шлем, – со вздохом произнес Вейзель, указывая на сложенные у тщательно вырытой ямы старинные доспехи. – Леворукий побрал бы этого... – Бергер замолчал, видимо, вспомнив, что ругать маршалов в присутствии младших офицеров не следует.

Чтобы не смущать беднягу, Марсель сделал вид, что занят вражескими войсками. Полумрак не позволял разглядеть подробности, но внизу очень осторожно суетились. Ворон сказал, что бордоны бросятся в атаку сразу же, как рванет заложенная под стену мина, и Марсель не имел никаких оснований не верить. Сердце виконта отвратительно колотилось, а

руки дрожали, хотя он просто лежал и смотрел.

– Сударь! – Пусть бергер думает что хочет, молчать просто нет сил. – Сударь, сколько их там?

– Около шести тысяч, – мертвым голосом сообщил артиллерист. Он сидел рядом с Марселем, но душа его витала над запалами. Валме прикусил щеку, чтоб не задавать вопросов, за которые хочется убить. Такая веселая война, сплошные шуточки!

Внизу прекратили копошиться, значит, готовы. Марсель повернулся к стене, темной, тихой, но, если смотреть в окуляр, можно разглядеть часовых и спящих артиллеристов. Только бы бордоны не заметили, что никто не шевелится! И вообще, будут они взрывать свою сапу или нет?!

Небо стало совсем светлым – скоро восход, самое время для атаки на спящего противника. Сбоку что-то прошуршало. Ящерица? Неведомая киркорелла? Разрубленный Змей, сколько можно!

– Не грызите ногти, капитан!

Валме вздрогнул и поглядел на свои руки. Детская привычка, он от нее избавился еще до Лаик. Камень, на котором лежал Валме, слегка дрогнул, но виконт все понял, лишь когда примыкающая к скалам часть стены начала отгибаться, словно лепесток гигантской лилии. Раздался глухой рев, лепесток рассыпался на отдельные камни, стали видны земляные туры, темное жерло пушки и даже кусок тракта. Что-то затрещало... Барабаны. Бордонские барабаны! Фигурки в

лазоревом потекли к пролому, человеческая речка жалась к скалам, таким надежным, нерушимым, вечным.

Голова атакующей колонны почти достигла пролома, но движение замедлилось: бордонам пришлось пробираться через свежий завал. Задние напирали на передних, а со стороны стены не было сделано ни единого выстрела. Сейчас они догадуются! Нет, лезут вперед так быстро, как могут.

– Что же он?!

Марсель этого не говорил, только думал. Значит, это сказал Вейзель. Губы артиллериста были совсем белыми. Чего ждет Рокэ? Сейчас бордоны доберутся до пролома и поймут...

Скалы вздрогнули, словно просыпаясь. Марселю показалось, что под ним шевельнулись пресловутые изначальные твари. Окделлы – дураки, с чего это они вбили в свои тупые головы, что скалы тверды и незыблемы?! Очень даже зыблемы!.. Базальтовая стена задрожала, как ежевичное желе, на ней проступили какие-то полосы, раздался рев, вверх и в стороны черным фейерверком брызнули осколки, похожий на змеиную голову утес качнулся и ринулся вниз, на бегу разламываясь на куски. И тотчас друг за другом прыгнули в бездну еще шесть каменных чудищ, а с прилегающих скал посыпались камни и обломки.

Сквозь рев оживших глыб прорывались крики погребаемых заживо, тучи пыли окутали пространство между Фельпским холмом и Веньянейрой, словно втягивая в себя звуки и

краски. Земля дрогнула последний раз и успокоилась. Валме потряс головой и сел, вытянув ноги и с трудом соображая, на каком он свете. Взрыв свое дело сделал, но...

Виконт поймал встревоженный взгляд Вейзеля. Они думали об одном и том же, думали и молчали, подсчитывая секунды. Если за спасенный тракт Рокэ заплатил головой, горел бы этот тракт вместе со славным городом Фельпом закатным пламенем. А вдруг Алва ранен? Или его завалило камнями? Какого Змея они расселись! Надо бежать, искать, звать... Надо делать хоть что-то!

– Замечательный хаос, Курт. – Марсель вздрогнул и оглянулся: маршал стоял сзади, оглядывая нагромождение базальтовых глыб, похоронивших остатки стены и добрую половину штурмующих. – У меня нет слов! Вы посрамили самого Лита.

– Да, удачно получилось. – Вейзель изо всех сил пытался сохранить невозмутимость, но глаза артиллериста блеснули, а на скулах горел румянец. – Будь долина пошире хотя бы на сотню бье, успех был бы весьма сомнителен. Рокэ, вы обратили внимание, как легли камни? Они неустойчивы, самый незначительный толчок может вызвать обвалы, причем исключительно в сторону, противоположную стене.

– Надеюсь, Капрас оценит, а не Капрас, так его воинство. Что ж, мы объяснили «дельфинам», что на суше им не место, остается вдолбить «павлину», что он птица отнюдь не водоплавающая... Ваши письма, генерал. Спрячьте их и ни-

кому не показывайте!

– Вы должны были предоставить это дело мне, – мрачно произнес артиллерист.

– Курт, нельзя раз за разом повторять одно и то же, это надоедает. Капитан Валме, вам понравилась война?

– Скорее да, – заверил Марсель, – хотя через неделю, проезжая в Фельп, придется зажимать нос.

– Что поделать, – Рокэ небрежно поправил воротник, – его величество Дивин мечтает понюхать труп Талига, в результате нам приходится нюхать трупы его подданных и союзников. Уж потерпите.

– До зимы? – мужественно спросил Валме. – Я готов.

– Или до смерти. Или до возвращения к Марианне. У вас выбор есть, у нас с Куртом – нет, но я, пожалуй, спущусь. Надо посмотреть, как выглядит то, что у нас получилось, снизу.

Герцог рассмеялся и помчался вниз, прыгая по камням не хуже пресловутого бакранского козла. Валме с тоской посмотрел на то, что тропой можно было назвать лишь спьяну. Вейзель взгляд перехватил и понимающе кивнул:

– Он всегда был таким, а знакомы мы почти двадцать лет. Когда фок Варзов привез в Торку нового оруженосца, – жесткое лицо артиллериста смягчилось, – мы поняли, что раньше жили весьма скучно. Самое удивительное в этом сорванце, что он умудрился дожить до своих лет...

Нет, Вейзель неподражаем! Если Ворон – «сорванец», то его крылатый тезка – морискилла.

Виконт улыбнулся собственной шутке и поправил шляпу. Солнце уже взошло, пыль постепенно оседала, все было прекрасно. И с чего это он так разволновался? Они, без сомнения, победят и вернутся в Олларию к вящей радости дам и девиц. Если, разумеется, не сломают шею на этой паршивой тропе.

– Чуть дальше имеется неплохой спуск, – чопорно заметил Вейзель. – Предлагаю им воспользоваться. Я уже стар для путей, которые выбирает Алва.

– Я, видимо, тоже, – вздохнул Марсель. – Не то чтоб я боялся высоты, но как-то не тянет...

3

Гран-дукс, генералиссимус с Просперо и штуки четыре дуксов созерцали завал. Рокэ с Варчезой и Джильди стояли чуть сзади, предоставив отцам города любоваться свеженьким хаосом. В свете разъяренного солнца каменные глыбы блестели, словно черный лед. О том, что осталось под ними, наследнику Валмонов думать не хотелось.

– Вы полагаете, с этой стороны угрозы больше нет? – произнес гран-дукс несколько дрогнувшим голосом.

– Фельпу – нет. – Рокэ слегка улыбнулся. – Тем, кто попробует добраться до тракта через завал, есть. Потребуется несколько лет, чтобы камни нашли свое место и обрели устойчивость.

– Это – один большой капкан для неосторожных, – немедленно уточнил еж-фортификатор. – Я восхищен вашей работой!

– Генерал Вейзель – лучший артиллерист и минер Талига. – Рокэ был сама скромность, но провести нанимателей ему не удалось.

– Город Фельп благодарит Рокэ из Кэналлоа, – промямлил Ливио Гампана, опасливо косясь на громоздившиеся над стеной обломки.

– Господин Гампана, – Вейзель тоже заметил взгляд фельпца, – *нам* эти камни не опасны.

– И все же лучше отойти, – предложил желтолицый дукс. – Я не могу не верить вашему слову, генерал, но я не военный и не ученый. Мои глаза меня пугают.

Алва, не говоря ни слова, перешел тракт и остановился у кучи пестрых валунов. Желтолицый вынырнул рядом.

– Вы оказались правы, герцог. – Это было явным заигрыванием: дворянские титулы в торговом Фельпе не жаловали. – Рядом с нами свило гнездо предательство.

– Кто?

– Дукс Андреатти и полковник Сарга́нци. Они признались во всем.

– И в том, что сообщили Капрасу об атаке на Паучий?

– Разумеется. В доме Сарга́нци найдены неопровержимые доказательства их измены.

– Вот как? – Ворон задумчиво тронул эфес. – Признаться,

я несколько удивлен.

– Удивлены? Но не вы ли первым заподозрили Андреатти?

– По здравом размышлении я решил, что уши Андреатти слишком совершенны, чтобы оказаться настоящими. Так вы полагаете, с предательством покончено?

– Мы надеемся на это, – веско произнес подоспевший генералиссимус, – но Капрас хитер, а Бордон богат. Пока не подоспела помощь, мы должны быть очень осторожны. Очень!

– Это относится и к вам, сударь, – в голосе гран-дукса звучал отеческий упрек. – Ваша жизнь принадлежит не только вам, но и Фельпу.

– Если со мной что-то случится, вам на память останутся, – на сей раз Ворон улыбнулся ослепительно, – камни. Много камней... К тому же не было ни малейшего риска. Мы заблаговременно отвели людей, а стену украсили трупами, впрочем, весьма воинственными на вид. Старый трюк, но действенный, особенно в сумерках. Капрас попался и начал штурм, нам оставалось лишь поджечь запалы.

– Какой урон нанесен противнику? – присоединился к беседе красивый полный дукс. Марсель слышал его имя, да забыл.

– Тысячи три. – Алва повернулся к Вейзелю: – Как вы думаете, Курт?

– Да, что-то около того. Но главное, они потеряли голову

от страха. Мы сверху видели, как бегут уцелевшие.

– Сегодня в Дуксии будет прием в честь победы, – объявил Гампана.

Дуксы и слуги города загомонили. Только Просперо молчал как рыба, причем рыба завистливая.

– Я бы сказал, в честь блистательной победы, – пророкотал генералиссимус. – Фельп жаждет приветствовать своих героев.

– Позвольте поблагодарить вас и за себя, и за генералов Вейзеля и Варчезу, – Рокэ слегка поклонился. – К сожалению, сейчас я вынужден вас покинуть. Нас с адмиралом Джильди ждет не терпящее отлагательства дело.

– Может быть, прием следует перенести на завтра? – в голосе гран-дукса послышалась озабоченность.

– Ни в коем случае. К вечеру мы вернемся.

Рокэ взял под руку Джильди, и маршал с адмиралом быстро зашагали по тракту, за ними бросился истосковавшийся Герард. Марсель немного поколебался, но любопытство победило лень.

Виконт догнал беглецов за первым же поворотом. Джильди и Алва стояли лицом к лицу, причем адмирал пялился на маршала, как на красную ворону. Марсель ускорил шаг, и вскоре до него донесся голос Рокэ:

– ...только не говорите, что вам не хочется тряхнуть стариной.

– Вам мало сегодняшней добычи? – Джильди кивком ука-

зал на завал.

– Аппетит приходит с едой, – доверительно сообщил Ворон. – Я так понимаю, что, будучи озабочены исходом штурма, вы позабыли о наживке.

– Четыре тибура на ваш гарпун! Других дел у меня не было!

– А вы, Герард?

– Я все собрал, – несносный мальчишка вытащил какой-то узел, – мясо, веревку, смоляные шарики.

– Видите, Фоккио, у нас нет никаких причин откладывать охоту, – подмигнул Алва. – Вы говорили, киркореллы живут в норах, а справа какая-то дырка...

– Она и есть! – Моряк ловко обвязал мясо веревкой и вдавил в черный блестящий сгусток. – Ну, сами напросились.

Адмирал наклонился над норкой и неспешно поволок приманку по потрескавшейся земле, раздалось сухое шуршание.

– Любопытно, если сравнить киркореллу с юным ызаргом, чья возьмет? – поинтересовался Рокэ.

– Я не видел ызаргов, – признался Валме.

– Видели, – маршал зевнул, – и множество... В столице...

– Вы о Штанцлере? – догадался Марсель.

– Не все кансилльеры – ызарги, – Алва прикрыл ладонями глаза, – и не все ызарги – кансилльеры. Тише!

Марсель не отрывал взгляда от темного отверстия, но так и не понял, откуда выскочило нечто пыльно-серое величи-

ной с добрый кулак. От неожиданности Марсель ойкнул, Джильди с довольным смешком отбросил веревку с добычей; влипший в смолу волосатый ком яростно задергался и вдруг подпрыгнул на пару бье, увлекая за собой осклизлый мясной шматок... Это было довольно-таки неприятно.

– Какая прелесть, – Рокэ шагнул вперед. Одно движение, и серая мерзость оказалась в руках герцога. Марсель опасно вытянул шею: Алва одной рукой держал киркореллу за спину, другой натягивал веревку, лишая тварь возможности маневра. Пленница сучила в воздухе тремя парами ног, а передние лапы и челюсти намертво увязли в смоле.

– Вечная беда, – покачал головой кэналлиец, – разинуть рот на то, что лучше не трогать...

Киркорелла согласно дрыгнула задними лапами. Она раскаивалась.

– Смотрите, – Алва протянул паука Марселю, и тот невольно попятился, – вроде паук пауком, но со жвалами, а задние лапы, как у саранчи.

– Оно... оно ими прыгает? – выдавил из себя Валме. В свое время на волчьей охоте виконт показал себя неплохо, но волосатая тварь вызывала оторопь.

– Задними – прыгает, передними – хватает. Очень удобно. Рокэ поднял влипшую в смолу киркореллу на уровень глаз и несколько раз повернул, рассматривая, словно драгоценность.

– Надо будет наловить хотя бы несколько сотен, – сообщил

он наконец. – Думаю, это вполне возможно.

– Несколько сотен? Этих?! – Джильди не хватало слов, даже морских.

– Не меньше! Фоккио, не глядите на меня так. Мне кажется, я нашел этим пушистым красоткам достойное их применение.

Глава 6

Талиг. Оллария

399 год К.С. 20-й день Летних Скал

1

Ох, как же трудно, дорвавшись на старости лет до тряпок и драгоценностей, не превратиться в ярмарочную обезьяну! Но как же заманчиво натянуть роскошный наряд и видеть его на себе, а не себя в нем. Так и тянет замотаться в вишневый бархат или лиловый шелк, а в придачу обвешаться рубинами и изумрудами.

– Дора²⁵ Луиса, вам помочь?

– Спасибо, Кончита. Больше ничего не нужно.

Кончита кивнула, но не ушла, а принялась протирать гребни.

²⁵ Госпожа (кэналл.).

Странное дело, слуги Алвы к новым обитательницам его особняка отнеслись на удивление сердечно. Кэналлийцы, как могли, баловали двух «дорит», к немалой гордости Луизы, предпочитая Селину, да и новоявленную дуэнью с ее неземной красотой приняли как родную. И еще все они поголовно обожали своего соберано и могли говорить о нем часами, а Луиза могла часами слушать, что немало способствовало завязывавшейся дружбе.

И все равно Луиза хотела поскорей перебраться в подысканный Хуаном особнячок на улице Гвоздик. Капитаншу, в отличие от Аглаи Кредон, не волновало, что юные девицы живут под крышей холостого мужчины, да еще первого развратника Талига, но в новое гнездо она сможет взять Жюля и Амалию. Луиза разрывалась между особняком Алвы и материнским домом, но приучать младших к чужой роскоши не стоит...

– Дора Луиса, подколоть вам платье?

– Лучше помоги доритам. – Святая Октавия, какие ж они прилипчивые, эти кэналлийские словечки! – Я привыкла собираться сама.

Госпожа Арамона решительно расправила юбку. Спасибо марагонцу, сделавшему черный цветом молитвы и траура. В сером она была бы вылитой крысой, а черный облагораживает. Особенно блондинку, блондинкам в Талиге нужно быть вдовами и сиротами, хотя Марианна Капуль-Гизайль – брюнетка. Впрочем, баронесса, кажется, надевает черное толь-

ко в храм. Луиза не удержалась и провела рукой по атласу: таких роскошных тканей ей носить еще не доводилось. Ей много чего не доводилось и уже не доведется, но это не повод ныть и злиться на весь белый свет.

Вдовица собственноручно заколола волосы таки поданными Кончитой черепаховыми гребнями – еще одна роскошь – и вдела в уши серьги из раух-топазов. Достоинно и скромно, а дуэнья и должна быть скромной и достойной. И еще немолодой и страшной, как смертный грех, но с этим как раз все в порядке... В юности было хуже. Для красавицы старость – Занха, для уродины – тихая гавань. Луиза еще разок обозрела свое отражение, пришла к выводу, что лошади не шарахнутся, а до придворных ей дела нет, и поднялась к дочери.

– Мама! – ойкнула Селина. – Ты чудо!

Она чудо?! Ерунда! Чудом была Селина! Такой художники рисуют Весну, не хватает только серебряной корзинки с подснежниками и голеньких крылатых детишек.

– Жемчугу бы побольше, – проворчала неотвязная Кончита, – и сапфиров! Чего жаться?

Кэналлийка не понимает: герцогиня²⁶ должна выглядеть как герцогиня, а они с Селиной – всего лишь свита Айрис Окделл. Госпожа Арамона уняла материнское честолюбие и, предоставив золото и рубины Айрис, одела дочь в голубое.

²⁶ В Талиге, согласно Кодексу Франциска, незамужняя женщина носит титул отца, замужняя и вдовая – мужа. При этом женщина не может владеть майоратом, который в случае отсутствия наследника мужского пола переходит к ближайшему родичу-мужчине.

Так, с какой стороны ни глянь, было намного лучше. Вдова капитана Лаик улыбнулась разбушевавшейся камеристке:

– Выйдет замуж – будет носить камни мужа. – А ведь Селина и впрямь может найти хорошего жениха. Знатного, богатого и, самое главное, любимого!

– Зачем ждать? – не унималась Кончита, открывая шка-
тулку. – Есть – носи...

– Я... я не привыкла, – пролепетала дочка, но шейку под-
ставила. Кэналлийка с победным видом щелкнула миниа-
турным замочком и отошла, любуясь делом своих рук. И
в самом деле, так стало еще лучше. Крупные голубоватые
жемчужины выгодно подчеркивали девическую хрупкость.
Неужели эта юная богиня – ее дочь? Ее и пучеглазого крас-
номордого уроды?! Но Арнольда лучше не помянуть даже в
мыслях, еще накликаешь!

2

Девочки сидели прямо, словно проглотили по хорошему
копью. Селина была обворожительна, но и герцогиня Окделл
больше не походила на жеребенка-переростка. Присланные
бароном Капуль-Гизайль портные и куаферы превратили де-
вицу Окделл в истинную аристократку. Самым трудным бы-
ло убедить Айрис одеться в родовые цвета Окделлов, а не в
черное и синее, что было бы верхом неприличия. Выручило
пунцовое платье с черными бархатными лентами и золотым

шитием – расстаться с ним девушка не смогла, а рубиновые подвески довершили дело.

Юная герцогиня смирилась и перестала твердить о сапфирах и синем атласе. Надолго ли? Луиза не сомневалась, что с Айрис придется непросто, но пока она справлялась, да и сбежавшая из родимого дома девушка капитанше нравилась. Сама Луиза послушно приняла уготованную ей родителями судьбу, даже не пытаясь бороться. Айри вызывала уважение хотя бы потому, что восстала, и потом Селина была красивее девицы Окделл, причем намного.

Луиза понимала, что подобные мысли не украшают, но если не можешь гордиться своим лицом – гордишься дочерним. Сэль получит все, чего была лишена ее дурнушка-мать, Айрис – то, на что имеет право как одна из первых талигойских аристократок. Кошки б разодрали эту герцогиню Мирабеллу! Какой же душой нужно быть, чтобы хоронить себя и детей в разваливающемся замке и шипеть на весь белый свет! Самой тошно, дочек бы пожалела, им же жить хочется, любить, танцевать... Хорошо, Айри сбежала, но ей было к кому, а сестры? Нужно как-нибудь вытащить и их, вот вернется Монсеньор...

Карета – думала ли Луиза Арамона, что ее станут возить по столице в карете с гербами, – остановилась. Антонио, услужливо распахнув дверцу, подал руку, и капитанша оказалась у дворцовых ступеней.

Офицер охраны внимательно прочитал пригласительные

письма и еще внимательнее оглядел прибывших дам.

– Сударыни, я буду сопровождать вас до приемной ее величества.

– Благодарю вас, сударь!

– Я счастлив служить столь прекрасным особам.

Офицер подал руку ей, но смотрел он на девушек. На Айрис – с удивлением и одобрением, а вот на Селину... В глазах молодого человека светилось восхищение, и капитанша почувствовала себя отмищенной за все свои горести. Пусть ее жизнь пошла коту под хвост, она будет счастлива вместе с Селиной!

Они поднялись по белой, устланной алым ковром лестнице, прошли мимо двух бронзовых воинов, один из которых отдаленно напоминал герцога Алва, и вступили в роскошную анфиладу. Госпожа Арамона ловила любопытные взгляды, но не краснела и не опускала глаз. Она здесь по воле Кэналлийского Ворона, и она сделает то, что он хочет, и даже больше.

3

Двери были инкрустированы перламутром и позолоченной бронзой, а вырастающие из светлого дерева леопардовые лапы сжимали костяные шары. По обе стороны торчали черно-белые гвардейцы с алыми лентами через плечо: охрана королевы, причеши ее хоре! За утренними хлопотами Луи-

за позабыла о Катарине Ариго, но нахальный алый шелк поверх строгих мундиров разбудил прикорнувшую ненависть. В душе, не на лице. Придворной даме не пристало выказывать истинные чувства.

Охранники при виде дежурного офицера расступились. Молодой человек учтиво поклонился Луизе, обжег страстным взглядом Селину и нажал на костяной шар. Тяжелые створки разошлись медленно и беззвучно, словно во сне, и Луиза вступила в логово Катарины.

Желтолицая кляча в алом, удивительно не идущем ей платье, оказавшаяся баронессой Заль, велела следовать за ней. Луиза последовала, надеясь, что девочки сохраняют приличествующее случаю выражение лица, тем более после особняка Алвы поразить их роскошью вряд ли получится.

– Ее величество ждет.

Белые двери, белые, шитые алым портьеры, стайка дам в дурацких позах, стоящая у окна женщина в белом и черном – высокая, перевитая жемчугом прическа, тонкая шея... Девочка в материнском платье, по крайней мере сзади.

Луиза Арамона присела в низком реверансе, дожидаясь, пока Катарина Ариго изволит обернуться. И та изволила. Дернулась, словно ей за шиворот лягушку бросили.

– Прошу... я... мы... мы рады видеть своих новых слуг... Встаньте, друзья мои.

Просит она. Пусть перед другими кривляется, ломака.

– Ваше величество, мы счастливы служить вам.

– Нет-нет... это я счастлива видеть дочь... сестру юного Ричарда Окделла. Подойди ко мне, дитя мое.

«Дитя» было выше «маменьки» чуть ли не на голову, но они и впрямь могли сойти за родственниц. Пепельные волосы, худоба, порывистость... Королева старше лет на десять, а издали кажется, что наоборот. Родить троих и остаться девочкой – это надо суметь!

– Садись, дитя мое. – Катарина подала пример, опустившись в глубокое кресло, делавшее ее еще меньше. Айрис послушно присела на пуф у ног ее величества. Окно, разумеется, оказалось у королевы за спиной. Бедная страдальца знала, где сесть самой и как усадить гостью.

– Госпожа Арамона, милая Селина, – проворковала королева, – садитесь. Мне... Мы не любим, когда перед нами стоят.

Да, мы не любим, когда перед нами стоят, мы любим, когда с нами лежат! Луиза чинно устроилась рядом с давешней корягой в алом, а Селина приткнулась возле рыженькой толстушки в зеленом платье с розовыми поросычьиими лентами. Создатель, и кто только додумался до такого уродства?!

Стало тихо, только в клетках на окне щебетали морискиллы. Госпожа Арамона украдкой обзрела комнату и с трудом скрыла усмешку, увидев на стене роскошный морисский ковер. В доме властителя Кэналлоа такими застилают полы. И правильно!

– Айрис Окделл, – королева страдальчески улыбнулась, –

нравится ли тебе Оллария?

– Да, ваше величество, – голос Айри звучал бесцветно, словно она отвечала скучный урок. – Это очень красивый город.

– И очень большой, – вздохнула королева. – Надеюсь, тебе здесь не будет одиноко.

Эта мерзавка всегда говорит, как на похоронах, или нет? Только на похоронах еще и плачут, но плакать мы не станем, от плача краснеют глазки и распухает носик. Мы будем страдать молча.

– Ты играешь на арфе?

– Нет, – пробормотала Айрис, – меня учили только на лютне...

– Лютня, – Катарина еще раз вздохнула, – верный друг менестрелей. Лютня – это душа Талигой... душа Талига. Поющая, страдающая, любящая душа. Я так давно не слушала лютню...

Кто ж тебе мешает? Ты – королева, хочешь – слушай лютню, хочешь – гвардейский барабан, хочешь – гвардейские охи...

– Селина Арамона, – ее величество решила заняться второй фрейлиной, – подойди...

Селина сделала реверанс, королева улыбнулась. Нежно улыбнулась, но Луиза впервые в жизни пожалела, что дочь удалась в бабу. Рядом с Айрис Окделл Катарина Ариго казалась хрупкой статуэткой, но не рядом с Селиной.

– Селина. – Правильно, здесь «дитя мое» не пройдет. – Мы надеемся на твою службу.

– Я счастлива, ваше величество. – Дурочка развесила уши. Ей бы к бабкиной внешности еще и ее нюх!

– Мы верим тебе. И позволяем носить наши цвета.

Еще бы! Красный делает старше любого, а голубоглазая блондинка в красном превращается в куртизанку.

– Ваше величество... – потупилась Селина.

Она еще и благодарна! Нет, это не Селина дурочка, а она – дурища, раз не рассказала дочери о женских пакостях.

– Госпожа Арамона, вы ведь недавно потеряли супруга? – Теперь глазки ее величества смотрели на нее. Неплохие глазки, ничего не скажешь, но бывают и лучше. И реснички подведены! Вестимо, не по воле Катарины Ариго, а по требованию этикета. Но под гайифской тушью они белесые! И брови тоже! Ну и что, что синеглазый герцог спит с Катариной Ариго?! От кровати до любви не ближе, чем от Арнольда Арамона до Монсеньора Рокэ.

– Ваше величество, я все еще оплакиваю свою потерю.

Оплакивает? Свою молодость – возможно, но не Арнольда, хотя его участи никому не пожелаешь. Разве что такой вот медоточивой гадючке.

– Да, я вижу, вы носите траур... В наше время слишком многие теряют близких, – голосочек Катарины дрогнул. – Слишком... Но не все столь счастливы, что могут оплакать свою потерю.

– Создатель прочитает в наших сердцах.

Вот тебе! Мы тоже умеем лицемерить, ваше величество. И врать умеем, и Книгу Ожидания цитировать. Селина и Айрис – глупые мышки, но за ними приглядывает злющая кошка.

Глава 7

Фельп и его окрестности

399 год К.С. 6-й –7-й день Летних Ветров

1

Кошмар повторился, неизбежный утренний кошмар с Герардом Арамоной. Марсель разлепил изрядно опухшие веки.

– Герард, что там?

– Утро, сударь, – бодро доложил подрастающий изверг, отдергивая портьеру и впуская в увешанную нахальными найери спальню еще более нахальный солнечный луч. – Монсеньор ждет. Мы едем в Байябьянку.

– Это еще что за тварь? – простонал Валме, совершенно не нуждаясь в ответе, но Герард жизнерадостно сообщил:

– Бухта. Чуть в стороне от Приморского тракта, два часа рысью. Принести вам шадди?

Оказывается, юный упырь способен на милосердие!

– Принеси. – Валме отбросил покрывало и проковылял к зеркалу. Так и есть, физиономия раздулась, бритвенным тазиком не прикроешь. Надо меньше пить, особенно на ночь! Эх, ну почему он не кэналлиец, лакал бы, сколько влезет, и обходился без куаферов. Виконт со злостью дернул развившуюся прядь. Привести себя в порядок все равно не успеть, и кому он нужен, этот порядок? Пауканам? Или еще какой-нибудь нечисти, которую раскопает Рокэ в бухте с жутким названием?

– Ваш шадди, – Герард радостно улыбался. Славный щенок, аж странно, что от такого поганого кобеля родилось нечто пристойное.

– Герард, а за какими кошками нам эта Бабья банка?

– Байябьянка, – без всякой задней мысли поправил порученец. – Там корабли. Новые.

– Как – корабли? – не понял виконт. – Чьи? Откуда?

Час спустя Марсель злорадно хмыкнул: ошалевший Муцио Скварца налетел на Рокэ с теми же вопросами, да и другие приглашенные, дожидаясь ответа, разве что удила не грызли. Еще бы, корабли!

Для поездки маршал собрал внушительную компанию, судя по обветренным рожам, состоящую сплошь из моряков. Валме не знал никого, кроме обоих Джильди и молодого Скварцы, не было даже неизбежного Варчезы.

Алва оглядел взгромоздившихся на лошадей альбатросов.

– Откуда корабли? – в синих глазах плясали искры. – С

верфей, разумеется. Спасибо мастеру Уголино! А в Байябьянке потому, что «дельфины» не додумались ее заблокировать.

– Байябьянку не заблокируешь, – поправил Муцио, – но из нее и не выберешься. Мели.

– Для лошади мелко, – согласился герцог, – а кошка утонула. Как бы то ни было, нас ждет новенький флот! Только вы не пугайтесь и не судите опрометчиво.

Предупреждение не помогло. По крайней мере, Валме при виде плоских чудищ без мачт и парусов обалдел. Творенья горбуна Уголино оказались меньше любой из виденных Марселем галер и сверху и с бортов были закрыты чем-то вроде брони из выкрашенных в серое шкур, сквозь которые торчали остро заточенные колья. Причем грязные.

Спереди и сзади эти, с позволения сказать, корабли украшали тараны, поперек которых у самой воды приделали здоровенный брус с двумя дополнительными таранчиками по бокам. Разобрать, где у тварей – нос, а где – корма, виконт не мог. Талигоец затравленно оглянулся, надеясь понять хоть что-то по лицам моряков, но на обветренных физиономиях читались удивление, отвращение и злость.

– Разрубленный Змей, – выдохнул огромный капитан со шрамом через все лицо, – что это за твари?

– Разборные низкобортные галеры, – с гордостью объявил стоявший рядом с Вороном Уголино. – Мы построили их за месяц. За месяц, господа! Мы строим почти так же быст-

ро, как вы тонете.

– Галеры?! – взревел кривоногий коротышка. – Галеры?! Где у этой галеры рожа, а где задница?! Где мачта, укуси меня зубан?! Это же ызарг какой-то!

– Ызарг, – мечтательно повторил Рокэ, – ызарг... Красивое имя! И подходящее... Мы затравим «дельфинов» «ызаргами».

– Четыре десятка ублюдков против десяти галеасов и семи десятков полноценных галер. – На красивом лице Муцио застыло страданье. – Монсеньор, это невозможно.

– Вот как? – темная бровь поднялась кверху. – Вы не верите в «ызаргов», адмирал?

– Да их всех один галеас на дно пустит и не заметит, – вмешался красивый моряк с черной косынкой на шее. – Вы, Монсеньор, на суше любого заломаете, спору нет. Со стеной у вас лихо вышло, но на море свои игры.

– Увы, – кивнул Муцио, – нам нужен талигойский флот, а эти... эти, извиняюсь, лодки пусть здесь и остаются.

– Ах, господа, господа, – покачал головой Ворон, – неужели вам не хочется прокатиться на «ызарге»?

– Прокатиться? – закатил глаза здоровила со шрамом. – Да они до открытого моря не доползут!

– Да уж! Отличился наш мастер! Сотворил, отворотясь не отплюешься!

– Ему-то что! Деньги свои получил...

– Я на этих...ых ни ногой! – плюнул коротышка. – Якорь

мне в задницу!

– Дерра-Пьяве! – рявкнул Джильди. – Ты мне поупирайся – и получишь! Именно якорь и именно туда!

– Уж лучше в банях тазов набрать! – огрызнулся Дерра-Пьяве. – Тоже без мачт!

– Мало над нами «дельфины» смеются. Еще и это!

– Да будь я проклят, если...

– Спокойно! – От неожиданности Валме вздрогнул. Висконт знал, как Рокэ убивает, но не как он рычит. Странное дело, разбушевавшиеся моряки смолкли и, набычившись, уставились на талигойца.

– Вам не нравятся эти корабли? – Рокэ снова говорил вполголоса, но вокруг стояла тишина. – А сидеть в бухте и смотреть на «Морскую пантеру» нравится? Может, хватит корчить из себя раков в ведре? Альмейду нам еще ждать и ждать, а «ызарги» могут идти в бой немедленно.

– Для начала хотелось бы знать, где мастер Уголино взял столько сухого дерева, – произнес Муцио, явно пытаясь сменить тему разговора. – Я не думал, что на верфях такие запасы.

– Правильно не думал, – одобрил собрата Джильди. – Строили из сырого.

– Тогда эти лоханки через день развалятся, – вскинулся высокий моряк.

– Ну и... с ними, – Первый маршал Талига залихватски подмигнул, – главное, чтобы до вечера продержались. Мачт

нету, говорите? А они нужны сейчас, эти матчы?

– Оно так, – честно признал кто-то с кольцом в ухе, – шти-ли стоят собачьи...

– Именно, – Джильди хлопнул себя рукой по бедру. – Зато на «ызаргах» мы к «дельфинам» подберемся в лучшем виде. Те и охнуть не успеют.

– Точно, – в глазах Дерра-Пьяве зажегся огонек, – правильно, что серые они. Если тучи, не заметишь, пока под носом не выскочит.

– А выскочит такая страсть, так в штаны и наложат, – добавил окольцованный.

– Дожиха и наложит!

– А в брюхе у них что?

– Брюхо брюхом, пушки на них есть?

– Ваше слово, мастер, – Рокэ вежливо поклонился горбуну. Уголино вышел вперед.

– Тридцать четыре галеры вооружены, – сообщил он, – пятью носовыми пушками, тремя мортирами и четырьмя станковыми арбалетами. Еще шесть не имеют вооружения и начинены порохом, серой и железными гвоздями. Корабли снабжены усовершенствованными носовыми и кормовыми таранами, позволяющими ломать весла противника. Прошу заметить, при необходимости тараны можно оставить в корпусе вражеского корабля и отойти. От картечи и мушкетных пуль галеру защищает кожаная броня, она же препятствует применению зажигательных снарядов. Броня держится на

каркасе. Внутри каждого судна, – Уголино упорно не желал называть свои детища ызаргами, – находится клетка – каркас, – в которой закреплены колья.

– А в чем они? – с подозрением осведомился Дерра-Пьяве. – Что за отравы?

– Ядовитая, стало быть, зверюга, – расплылся в улыбке красавец с косынкой.

– Колья не отравлены! – возмутился горбун. – Такое количество стойкого быстродействующего яда сделало б их воистину золотыми.

– Но «дельфины» этого не знают, – засмеялся Джильди, – а у страха глаза велики.

– Точно! – коротышка с восторгом хлопнул себя по ляжке. – Укуси меня зубан, если они рискнут на абордаж.

– На абордаж пойдем мы, – веско произнес Фоккио Джильди. – Осадка галер позволяет пройти через мели Граколи и выйти в тыл бордонскому флоту.

– К тому же, – добавил Алва, – наши друзья-«дельфины» не отличат обычного «ызарга» от «ызарга»-брандера.

–их... через... чтобы оно лаяло, таяло, реяло в...ый! – заключил некто особенно красномордый и топнул ногой: – Закатные твари, да мы эту дожиху... с ее... через... четыре раза!!!

– Вы уверены, что, увидев эту даму вблизи, вы захотите исполнить свое намерение? – поинтересовался Рокэ, поигрывая цепью с сапфирами. Моряк замер, выпучив глаза, а

потом неистово заржал.

2

С палубы «Морской пантеры» открывался роскошный вид на длинный ряд галер с убранными парусами. Корабли вяло покачивались на спокойной воде, а отведенные к корме и чуть приподнятые весла напоминали наполовину сложенные веера, которые Зоя Гастаки терпеть не могла, равно как и другие женские финтифлюшки. Сестра самого влиятельного из бордонских дождей признавала лишь мужское платье и дорогое оружие, она была рождена для сражений, а не для балов и заигрываний с мужчинами! В юности Зоя этого не понимала, пытаясь быть как все девицы, но на нее клевали одни охотники за приданым, она же принимала их сюсюканья за чистую монету. До сих пор стыдно! Особенно за Георгиоса Гаккоса, которому она сказала «да», а через два часа застучала в саду с размалевой кузиной. Они обсуждали, как будут водить за нос «эту глупую корову». Сволочи...

Зоя с ненавистью глянула на желтеющий берег, к которому один за другим причаливали капитанские вельботы. Тысяча проклятий, что о себе возомнил этот Капрас?! Кто он такой, что запретил ей участвовать в военных советах?! Он даже не бордон! Сам виноват, не разглядел такой простой ловушки! Если б штурм стены готовила женщина, Приморский тракт перерезали бы уже давно, но Капрас медлил, и

фельпцы под носом у гайифского недотепы заминировали скалы. Дурак! Не понять, что на стене нет защитников, и полезть в западню! Она, да что она, Поликсена и та б раскусила замысел дуксов, но что взять с мужлана, который вбил в свою дурную башку, что он великий полководец?! Хорошо хоть в море не лезет! Сухопьятые боятся моря! Море не терпит дураков и мямль! Зоя потянулась, разминая мускулы, и медленно пошла вдоль борта, в который раз любуясь своим галеасом.

Жаль, остатки фельпского флота торчат в бухте, «Морская пантера» живо бы передавила уцелевшие галеры! Пусть эскадрой командует Пасадакис, но вражеский флагман утопила она, Зоя Гастаки, и никто другой! Слава Создателю, ей удалось избавиться от мужчин-офицеров, которых навязывал братец. Мужчина на корабле, раз уж он создан сильным и тупым, должен грести, подносить ядра, ставить и убирать паруса, но не распоряжаться!

Капитан Гастаки поднесла к глазам зрительную трубу, обозревая вход в бухту. Ширина чуть больше тысячи бье. Слишком мало! Было бы недурно ворваться внутрь и задать дуксам жару, но форты на скалах расстреляют любой корабль, рискнувший сунуться в узость. Что ж, подождем деблокирующего флота, она не прочь помериться силами с пресловутым Альмейдой. Слишком много про него болтают, а на деле наверняка такая же гниль, как Джильди с Капра-сом, да и много талигойцы навоюют со своими линеалами в

здешних водах! Зоя убрала трубу и оглядела верхнюю палубу. Зря она вспомнила про Георгиоса и его змеюку, теперь до вечера тошно будет. Сколько лет прошло, а нет-нет да и накатит, хотя радоваться надо. Выйди она замуж, и кем бы она стала к сорока? Глупой наседкой. Сидела бы в четырех стенах и квохтала, пока красавчик Георгиос скакал по чужим постелям! Тварь, лживая, похотливая тварь!

Старая обида требовала выхода, но капитану галеаса не пристало орать, как глупой матроне, застукавшей мужа со служанкой. Капитан должен быть невозмутим и справедлив, а справедливость требовала поощрить Спиро, он и вправду был хорошим боцманом. Порядок на «Пантере» немного поднял настроение, и Зоя махнула рукой, подзывая замершую у борта Поликсену. Девчонка со всех ног бросилась к своему капитану. Зоя усмехнулась:

– Принеси касеры и морские карты!

Поликсена умчалась, просяив огромными глазами. Зоя сама не понимала, довольна она троюродной племянницей или нет. Поликсена не просто была преданна, она обожала свою знаменитую родственницу. Это льстило, тем более малявка, несмотря на редкую красоту, и не думала заглядываться на мужчин, как эти кошки София и Клелия. К несчастью, все окрестные кобели делали на Поликсену стойку, что не могло не бесить. Стоило козавке сойти на берег, как стадо офицеришек принималось заигрывать с черноглазой пусей, а на прошлой неделе Зое подкинули рисунок, где за опоя-

санным абордажной саблей гиппопо бежал олененок с кинжалом. Была и стихотворная подпись, за которую Зоя убила бы неведомого поэта на месте!

Самым мерзким было то, что Поликсена и в самом деле была Зое по грудь, а капитанским поясом ее можно было обвязать раза три. Нет, нужно сменить адъютанта, но на кого? Старший офицер не может быть на побегушках, а корнетов на «Пантере» всего пять. Ариадну и Латону надо гнать взащей, они думают не о войне, а о том, что у мужчин пониже пояса, София немногим лучше. Клелия? Эту тростинкой не назовешь, но уж больно любопытна. Никуда не денешься, до конца кампании придется терпеть Поликсену, но потом заменить ее девицей покрупнее. Может быть, Хриза наконец поумнеет. Хотя куда там! Сестрица выросла крольчиха крольчихой, ей подавай тряпки да мужа, а не сталь и славу! Да и что будет делать Поликсена на берегу? Родители продадут ее тупому уроду в штанах, а малявка уже знает настоящую жизнь, каково ей придется в клетке! Ладно уж, от насмешек еще никто не подыхал, но превратить малиновку в курицу Зоя Гастаки не даст. Гиппопо так гиппопо, те, кто смеется, не видели этих тварей в деле, для них потопить лодку, что петуху кукарекнуть.

– Мой капитан, – Поликсена держала на вытянутых лапках поднос, – ваша касера!

– Давай, – Зоя подхватила серебряный кубок, подержала его в руке, чтоб видело побольше народа, и глотнула. Касеру

Зоя терпеть не могла, предпочитая тинту и ликеры, она вообще любила сладкое, но капитан галеаса не может потакать таким прихотям. Сладкое жрут домашние курицы, а морские волки пьют неразбавленную касеру и закусывают всем, что плавает! Зоя изо всех сил блюла морской обычай, но в тайнике хранила запас ликеров и конфет. Касеру же, если подворачивался случай, выплескивала за борт, а затем с наслаждением слушала, как моряки «Пантеры» хвалятся, что «наша» пьет и не пьянеет. Немного портила настроение присказка «хоть и баба», но отучить от нее Спиро и его помощничков не получалось. Оно и понятно – слишком долго женщины сидели по гнездам и квохтали, вот и приходится отдуваться за чужое ничтожество.

– Мой капитан, – доложила Поликсена, – карта!

Зоя приняла объемистый фолиант и сунула девчонке пустой кубок. После касеры буквы расплывались, но читать она и не собиралась. Зачем? Проще пролистать несколько страниц, задержаться на одной и помянуть всех морских демонов. Подчиненные должны видеть, что капитан начеку, даже если дела нет и не предвидится. Сорок тысяч демонов! Разрубленный Змей! Сейчас – разгар лета, сражение будет не раньше Осенних Ветров, за это время она от безделья сбесится!

Гран-дукс ничего не знал. Генералиссимус со старшим адмиралом тоже, а Марсель Валме знал, и это было ужасно приятно. Виконт сидел между Джильди и Скварцей, слушая, как Ворон рассуждает о багряноземельских обычаях. На прошлом приеме Алва развлекал отцов и слуг города Фельпа поэзией Дидериха, на сей раз речь шла об охоте на черных львов. Главу прайда полагалось убить одним ударом копья, причем не кому-нибудь, а самому нар-шаду, после чего шады уничтожали львиц и детенышей, а шкуры посылали врагам, объявляя таким образом о войне. Сами же мориски по такому случаю меняли повседневные белые одеяния на багряные, что, видимо, и дало название заморским землям.

– Весьма поучительно, – протянул генералиссимус, когда Алва замолчал, – весьма... Значит, язычники охотятся на львов только перед войной?

– На черных львов, – уточнил Ворон. – Они раза в полтора больше обычных, и грива у них растет не только у котов, но и у кошек. Кстати, господа, я должен решить с вами одно дело. Мне нужно сотни две галерных рабов, но не пленных корсаров, а фельпцев, в крайнем случае урготов.

– Создатель, – гран-дукс казался ошарашенным, – зачем они вам?

– Я намерен поручить им одно дело, – сообщил Рокэ, раз-

глядывая мозаику за спиной Гампаны, – важное и очень тайное.

– Фи, – скривил губу старший адмирал, – этому сброду нельзя доверять.

– Отчего же, – блеснул зубами Рокэ, – я дам уцелевшим свободу, им это должно понравиться.

– Вы слишком доверчивы, герцог, – генералиссимус отечески улыбнулся. – Эти мерзавцы продадут вас через минуту после того, как вы снимите с них цепи.

– Вы так полагаете? – Алва продолжал улыбаться, но в синих глазах появился нехороший блеск. – А как же эсператистское и прочее милосердие и «Поучения о единожды оступившихся»? Мы дадим грешникам возможность обрести не только свободу, но и уважение. Исполнив свой долг перед Фельпом, они вернутся в родной город не изгоями, а героями.

– Монсеньор, – хмыкнул адмирал Кимароза, – вы не на место Андреатти избираетесь, вы воюете. Доверять каторжникам глупо.

– Возможно, – в голосе Алвы отчетливо слышался металл, – но вы наняли меня для того, чтоб я разбил бордонов. А для этого мне нужны каторжники и право дать им свободу. Разумеется, если они исполнят то, что от них требуется.

– Да забирайте, – махнул рукой генералиссимус. – Но мы вас предупредили.

– Я это понял, – Рокэ говорил спокойно, но Валме не со-

мневался: у гран-дукса и военачальников под роскошными одеждами забегали мурашки. – Что ж, разрешите откланяться. Я могу на Галерном дворе сослаться на ваш приказ?

– Разумеется, – пожал плечами старший адмирал, – но ваши мориски и то надежнее, тем более вы можете с ними объясняться.

– Могу, – подтвердил Алва, – но в данном случае корсары не годятся. Впрочем, к шадам мы вернемся. После осады.

– А все же, – не удержался гран-дукс, – для чего вам понадобилась целая галера негодяев?

– Я решил помочь им искупить свои преступления. – Алва поднялся, грациозно придержав шпагу. Валме второй месяц пытался повторить этот жест, но у него почему-то не получалось.

4

Сотни три полуголых каторжников угрюмо глядели на неожиданных визитеров. Разбойники пребывали под дулами мушкетов, и все равно Марсель чувствовал себя неуютно. Из всех их походов это было самым неприятным: рабы казались опасными и злыми, а окружающие запахи настоятельно требовали защитить нос надушенным платком, от ношения каковых, следуя совету Савиньяка, Валме отказался.

– Все здешние, – угрюмо доложил кривой капитан, – как вы хотели. Воры, убийцы, разбойники.

– Фельпцы, – поправил Рокэ, – граждане города Фельпа, остальное сейчас неважно.

Кривой возражать не стал, но Марсель не сомневался: затею талигойского гостя он не одобряет. Отец тоже бы не одобрил: старый греховодник любил повторять, что разбойникам место на виселице, а дураком папеньку еще никто не называл. Марсель покосился на Ворона – маршал спокойно разглядывал каторжников, причем на красивом лице не было и следа обычной ядовитой ухмылки. Молчание затягивалось. Наконец Рокэ шагнул вперед и преспокойно положил унизанную перстнями руку на плечо кого-то одноухого с седой щетиной:

– Кто ты, добрый человек?

Обращение застало каторжника врасплох, он с оторопью посмотрел на странного господина и буркнул:

– Лоренцо, сударь.

– Моряк?

– Ходил на торговом судне, – встрял охранник, – по сговору с хозяйским сыном убил хозяина и его вторую жену.

– Вранье! – взвился каторжник, но сразу как-то сник: – Хотя кто мне поверит...

– Возможно, я, – совершенно спокойно сказал герцог Алва.

– Смеетесь, сударь! – в глазах одноухого полыхнул злой огонек.

Лицо Рокэ стало вдохновенным.

– Смеюсь?! Лоренцо, сейчас в этом городе не до смеха! Я не знаю и не желаю знать, кем вы были в прошлой жизни и как очутились на галерах. Забудьте все, что было до этого дня. Виновные пред Создателем и людьми, вспомните, что нет греха, который нельзя искупить! Невинные, простите обидчиков и палачей, они нуждаются в вашем милосердии. А всего сильнее в вашем милосердии нуждается Фельп. Вы знаете, не можете не знать, что на пороге враг. Коварный, жестокий, злобный. Бордон всегда ненавидел Фельп, всегда завидовал его славе и наконец напал. Да, к нам идет помощь, но она слишком далеко. Сейчас Фельп может рассчитывать только на преданность своих детей, какими бы они ни были! Сегодня перед лицом Создателя, перед лицом вашего города все равны. Больше нет дуксов, адмиралов, каторжников, воров. Нет богатых и бедных, нет почтенных граждан и нет отверженных, все мы прикованы к фельпскому кораблю одной цепью – цепью любви и верности, и эта цепь дороже золота и крепче стали!

Марсель не узнавал Алву. Так маршал никогда и ни с кем не говорил. Валме не был фельпцем, но даже его тянуло немедленно броситься в бой. Пусть он чужак, но он спасет ждущий помощи город или умрет с честью под его стенами. Но они не умрут, они победят! Виконт поймал взгляд Луиджи. Молодой капитан слушал Ворона, открыв рот. Он не был каторжником, но смотрел так, словно каждое слово было обращено к нему. Вот так войны и стирают границу

между сыновьями адмиралов и клеймеными преступниками.

– Те, кто готов забыть обиды и встать на защиту родного дома, – неожиданно просто сказал Ворон, – выйдите вперед, и с вас снимут цепи.

Три сотни разбойников, грабителей, убийц шагнули навстречу синеглазому чужаку, позвавшему их на помощь.

Кривой капитан с недовольной рожей подошел к талигойцу и что-то зашептал. Рокэ отстранил надсмотрщика с брезгливой миной:

– Ваше дело не советовать, а снять с них цепи, накормить и одеть.

– Монсеньор, – громко и упрямо сказал фельпец, – как хотите, но я все ж таки скажу.

– А тебя не спрашивают, – крикнул высокий разбойник, – скотина!

– Сам небось не воюет, – подхватил другой, – за чужими спинами отсиживается...

– Эх, попадешься ты нам еще...

– Ночью!

– Хватит! – прикрикнул Алва. – Ваше дело – исполнять приказы. Снять цепи, да побыстрей, время не терпит.

– Я эту погань не первый день пасу, – окрысился надсмотрщик. – Если расковывать, лучше на берегу, перед выходом, а то мало ли...

– Зачем цепи? – засмеялся Алва, обращаясь не к началь-

нику Галерного двора, а к замершим каторжникам. – Зачем надсмотрщики? Мне довольно вашего слова. Сдержите его, друзья, а я свое сдержу.

Глава 8

Алат. Сакаци

399 год К.С. 10-й –11-й день Летних Ветров

1

Клемент дрых без задних лап, а вот Роберу не спалось, хоть умри! Пить было глупо, идти некуда. Взять, что ли, пример с Альдо и завести подружку? Чего-чего, а сговорчивых красоток вокруг хватает. Решено, он завтра же подыщет кого-нибудь. Завтра... или послезавтра. Свеча почти догорела, и Эпинэ зажег еще три. Зачем – не знал и сам. Захотелось, и зажег.

Сквозь распахнутое окно ворвался пахнувший травами ветер, по стене запрыгали причудливые тени. Красота да и только, живи и радуйся! Робер набросил камзол и вышел на увитую виноградом террасу. Под открытым небом было лучше, чем в спальне, но все равно плохо. Талигоец за чем-то коснулся наливающейся кисти, этот виноград не едят – слишком мелкий и слишком кислый, он растет для красоты. В Сакаци все стены увиты или виноградом, или плющом,

или мелкими розами без шипов.

Ветер вновь шевельнул резные листья, наискосок по звездному небу метнулась летучая мышь. Нетопырей в здешних краях тучи, только они какие-то мелкие, в Старой Эпинэ ночные летуны больше раза в два, но родового замка ему не видать как своих ушей. Дома не видать, Мэллит не получить, а то, что он может занять, ему без надобности. Как и подружка, но он ее все равно заведет. Чтоб поменьше думать и не считать ночами нетопырей.

Робер присел на балюстраду, рассеянно следя за скользящими в воздухе тенями. И чего это люди боятся летучих мышей? Зверушки как зверушки: смешные, маленькие, а что ночные, какая в том беда? Можно подумать, днем пакостей и подлостей не творится. Иноходец никогда не был суеверен, наоборот, в детстве ему не хватало сказок. Вернее, не сказок, а чудес, потом чудеса его догнали, но оказались на редкость мерзкими.

– Я скучала по тебе, – шелестящий голос раздался совсем близко. Робер вздрогнул от неожиданности и оглянулся: перед ним стояла Лауренсия. Светлое платье, серебристые волосы, бледное лицо... Во имя Астрапа, откуда?!!

– Лауренсия, это ты?

– Я, – розовые губы дрогнули в улыбке, – но если ты не рад, я уйду.

– Я рад. – Это было правдой: с Лауренсией было легко, от их встреч оставалось странное ощущение снов наяву и ноч-

ных полетов. – Но мне кажется, я сплю.

– Возможно, – прохладная ладонь коснулась щеки, – ты спишь, я сплю, все спят, кроме летучих мышей. Я скучала по тебе. В Агарисе теперь так пусто... Ты не хочешь меня поцеловать?

Он хотел. Губы Лауренсии пахли травами, они всегда так пахли. Это был сон, но сон хороший.

– Я скучала, – повторила женщина, – и я нашла тебя.

На поцелуи Эпинэ всегда отвечал поцелуями. Женщины снятся от одиночества и горячей крови; если не хочешь в скорок лет заработать удар, нужно завести настоящую любовницу. Он заведет, когда проснется. Жаль, Лауренсия далеко, ей можно не врать.

– Для того чтобы думать, есть день. – Белые руки стащили с его плеч камзол, развязали и отбросили шейный платок. – Я тебе говорила, что я скучала?

– Да... Три раза.

– Ты не только думаешь, ты еще и считаешь. Это скверно.

В зеленых глазах плеснулся лунный свет, теплый ветер перепутал их волосы, женщина тихонько засмеялась. Славный сон, в котором нет места стыду, колебаниям, глупым мыслям. Он проснется, и вместе с ним проснутся сомнения и горечь, но сейчас он спит и не желает ничего знать!

– Что с тобой? – шепнула Лауренсия.

– Не хочу просыпаться. – Робер подхватил ночную гостью на руки, Лауренсия с готовностью обхватила талийца за

шею, по небу черкнула звезда, можно загадать желание.

– Ты рад мне?

– Да, я рад.

Хорошо, что в Сакаци не признают узких кроватей, хотя при чем тут Сакаци, это же сон!

– Теперь я вижу, что ты рад, – шепнула женщина, – ты рад, и ты помнишь... Я не причиню тебе зла. Никогда... Только не тебе.

Платья на ней уже не было, а он и не заметил, как она его сбросила, хотя это же сон, чему удивляться, что постель разобрана и они оба без одежды. Свечи сгорели едва ли на четверть, пляшущие на стенах тени живо напомнили о странных растениях, украшавших обителище Лауренсии. Эпинэ сжал пальцы гостыи. Она стала смелей и настойчивей, или это он изголодался по женской ласке. Жаль, он не может забыть, что спит...

– Не думай, – выдохнула женщина, – просто живи...

Иноходец ее не услышал: он перестал соотносить за мгновение до того, как Лауренсия об этом попросила. Ему хорошо, так не все ли равно, на каком он свете!

2

Ну и ночь – тепло, звезды, летучие мыши, а ночная фиалка так распахлась, словно завтра конец света. Для полного счастья только любовника не хватает, но о любовниках по-

ра забыть, какие любовники в ее годы! Разве что за деньги, но до такого она не докатится. Выпить, что ли? Уж всяко не помешает. Матильда плеснула в кубок мансая, отпила пару глотков и выбралась на террасу. В детстве она обожала Сака-ци и злилась, что отец отдал замок тетке, тем более что Шара не хотела сюда ехать. А потом привыкла и прожила чуть ли не сто лет. Матильда попыталась вспомнить, на кого походила жена дяди Золтана, и не смогла. Она прекрасно помнила горы и стены, но не людей.

Кажется, Шара была маленькой и пухленькой, но Матильде с ее ростом другие женщины вечно казались мелкими, а в пятнадцать лет Матишка Мекчеи была худа как жердь и ни в чем не сомневалась. Что бы она тогдашняя сказала про себя теперешнюю? Лучше о таком не думать! Молодость беспощадна. Как и старость. В пятнадцать уверен, что тем, кто старше тебя на десять лет, пора на кладбище, в шестьдесят двадцатилетние кажутся дурачками. Старичье пытается водить молодость на веревочке, та срывается и хорошо, если шею себе при этом не ломает.

Принцессу Матильду выперли в Агарис, чтоб разлучить с Фереком Лагаши, который был ей почти братом. До Золотой Ночи... Альберт, зараза такая, подглядел, как они целовались, и донес. Как был дрянью, так и остался, только оплешивел! Теперь у Ферека прорва внуков и внучек, а сам он не спешит повидать былую подружку. Может, и правильно, зачем портить память морщинами? Матильда залпом допи-

ла мансай и вернулась в спальню. Тетка Шара скончалась в нижних комнатах, куда перебралась лет за пять до смерти, а раньше жила здесь. Играла на мандоле, смотрела на горы, вышивала, писала. Матильда читала ее записки, написанные мелким ровным почерком. Шара Алати не была глупа, о нет. Она не верила, что ее муж умер своей смертью, но вдовствующая герцогиня не была бойцом и не имела детей, вот и доживала свой век среди дикого винограда и голубых елок. Долгая, никому не нужная жизнь, хотя парку, который разбила Шара, позавидовал бы любой король. А теперь ей предлагают стать второй Шарой и заодно запереть в Сакаци Альдо с Робером.

Внук вовсе помешался на осенней охоте, даже странно. Она-то боялась, что Альдо со скуки начнет кусаться, а он то носится по окрестным лесам, то возится с охотничьей снастью. Братец грозился приехать на снежные ловы и привезти гостей. Надо полагать, будет десятка три невест. Ракан – неплохая добыча для тех, кому не светит король или правящий герцог и кому гонор мешает родниться с вассалами.

Мнения Альдо братец не спрашивает, а зря: внучек устроит сватам и невестам веселую жизнь. С него станется, а она поможет! В любом случае здесь зимой будут люди, и среди них наверняка найдется кто-то, с кем можно иметь дело. А будут союзники – будут и интриги. Она не даст затянуть Альдо в болото, парень не создан для того, чтоб жрать в четыре глотки и ныть о прошлом, ему нужны хорошая драка и до-

стойное дело. О Талиге лучше забыть, но в Золотых Землях есть и другие страны.

3

На окне дрались голуби. Один символ кротости и милосердия колошматил другого. Летели перья, хлопали крылья, скребли цепляющиеся за подоконник лапки. Склочники они, эти голуби. Склочники, обжоры и нахалы. То ли дело крыса! Милейшее создание, не то что птички божии.

Робер подмигнул восседавшему на подушке Клементу, потянулся и встал. Жизнь, несмотря на голубей, казалась замечательной. Сон, впрочем, тоже был очень даже ничего. Эпинэ засмеялся и вышел на залитую солнцем террасу. На мозаичном полу валялся камзол, Робер его поднял и бросил на балюстраду.

Альдо и Матильда наверняка еще спали, это его подняло ни свет ни заря. И все из-за голубей, которых в Сакаци расплодилось вовсе немерено. И куда только здешние коты смотрят?

Раздалось шуршанье, его крысейшество решил проверить, чем занят хозяин. Эпинэ позволил взобраться себе на плечо, любуясь окрестностями замка – сегодня Черная Алати была особенно хороша. Иноходец вообще любил горы, хотя окрестности Сакаци не напоминали ни Сагранну, ни Торку. Здесь не было ни острых, прорывающих облака пиков, ни

ледников. Мягко очерченные горы покрывали леса, у самых вершин сменявшиеся разнотравьем. И люди здесь, не в пример бириссам и бергерам, казались веселыми и открытыми, хотя понимать их было непросто.

Обитатели Сакаци говорили на чудовищной смеси ни на что не похожего местного языка с талиг, впрочем, алатский местами напоминал бири. Так, чуть-чуть, отдельные слова, а вот значение не совпадало.

Думать о «барсах» и сакацких соколах помешал Клемент. Его крысейшество был возмущен – зачем вставать, если не для еды?! Робер погрозил разбуянившемуся крысу пальцем и спустился вниз. Первой навстречу попалась хорошенькая Вицушка, внучатая племянница жены коменданта. Девушка поспешно присела, мило покраснев:

– Гици что-то желает?

– Желает, – Робер на всякий случай прижал Клемента рукой, еще побежит здороваться, а у женщин с крысами как-то не ладится, – вина и сыра.

Вица стрельнула глазками и убежала. Его крысейшество, сообразив, что все идет как надо и скоро здесь будет еда, успокоился и принялся чистить усы, то и дело задевая Робера по щеке. Иноходец ругнулся, снял пискнувшего приятеля с плеча, водрузил на стол, а сам сел в кресло, рассматривая резные фигурки, покрывавшие огромный буфет, – в Алате обожали резное дерево.

– Ваше вино. – Вица подошла ближе, чем было нужно, ее

даже Клемент не испугал. Наверное, ее полагалось шлепнуть или ущипнуть, но Роберу этого не хотелось, по крайней мере сейчас. Талигоец сам налил себе вина и сунул Клементу под нос изрядный кусок сыра. Вица не уходила.

– Что еще желает гици?

Уважающий себя дворянин тут же бы и показал, чего он желает, но нынешним утром Роберу девчонки не требовались. Талигоец замялся, припоминая подходящую шутку, выручил толстый Янош, исполнявший в Сакаци обязанности старшего слуги.

– Гици, – усы толстяка и те показывали, что он нипочем бы не помешал господину тискать девчонку, когда б не крайняя нужда, – прощения просим.

– Что такое? – с облегчением откликнулся Робер.

– Тут дело такое... Гость приехал, а хозяйка не вставали... И молодой гици не вставали... А гость не нашенский, мало ли...

– Что за гость?

– Кобыла просто загляденье, а сам дерганый.

– Хорошо, я с ним поговорю. – Робер поставил бокал и взглянул на крыса. Клемент, выбирая между дружбой и сыром, на сей раз предпочел сыр, и Робер его не осудил, тем более в закрытой комнате приятелю ничего не грозило. Иноходец хмыкнул и вышел вслед за слугой.

– Янош!

– Слухаю, гици.

– На что вам тут столько кошек?

– И, гици... То не мы разводим, а они плодятся. Ну и ладно! В дверь кошка, нечисть в окошко... Сколько лет прошло, а нет-нет да и припомнишь. Особенно к осени.

– А что такое?

– Йой, – усы Яноша значительно встопорщились, – жуткое дело было. Но давно, четыреста годков тому, никак не меньше. Аполку, гицу тогдашнюю, полюбовница хозяйская извела, а та вернулась и такого наворотила... Да вы у хозяйки спросите, она знает.

Надо и впрямь спросить, забавно все-таки.

– Робер!

– Во имя Астрада, Дикон! Откуда?!

4

– Дикон? Откуда?! – Иноходец Эпинэ смотрел на Ричарда, явно не веря своим глазам. Дик тоже не верил, что наконец-то нашел своих.

– Робер, я...

– Потом! – Сильные руки сграбастали юношу за плечи. – Янош, позаботься о лошади герцога Окделла. Дикон, ты голоден?

– Нет, не очень...

– Врешь ведь! – Иноходец был рад, очень рад, но что он скажет, когда узнает правду?

– Робер, случилось столько всего...

– Не сомневаюсь, но у нас будет время поговорить. Пошли!

Замок Сакаци был большим и красивым. Наверное. Потому что Дик смотрел по сторонам и ничего не видел. Он снова стоял у Барсовых Врат со сломанной шпагой против бирисса в кольчуге. Ночь раздирали алые сполохи, рвался порох, кричали и ругались люди, а потом раздался выстрел, и из багрового сумрака вышел Арсен Эпинэ, оказавшийся на самом деле Робером, единственным уцелевшим сыном Мориса Эр-При. Они расстались, не надеясь свидеться, но свиделись. У горы Бакра. Это было неожиданно и страшно – связанный пленник, хищные чужие лица, подступившая к горлу тошнота, резкий окрик эра, оказавшееся ненужным решение, तोропливый прощальный разговор... И вот новая встреча, самая счастливая. Была бы счастливой, если б не его, Ричарда Окделла, слабость и глупость.

– Робер, ты не знаешь... Что сейчас в Олларии?

– В Олларии? – Эпинэ резко остановился и внимательно посмотрел на Дика: – Это ты меня спрашиваешь?

– Я... я сейчас из Агариса. Я не знал, что вы уехали, не сразу нашел...

– Понятно. И как ты нас отыскал?

– Мне помог барон Хогберд.

– Он тебе понравился?

– Ну...

– Не понравился, и правильно. Хогберд – редкая сволочь, надеюсь, ты ему ничего не рассказал?

– О чем?

– Откуда мне знать?

– Я просто сказал, что ищу Альдо Ракана.

– Не меня?

– Ну... Я боялся повредить твоим родичам.

– Им уже ничто не повредит, – махнул рукой Робер. – Заходи, располагайся. Здесь я живу.

В окна вцепился дикий виноград, на ковре валяется раскрытая книга, постель сбита, на полу у изголовья – винная бутылка. В кабинете Рокэ тоже были вино и книги. И еще гитара...

– Садись, кому говорят! Значит, ты все-таки удрал?

Если бы! У герцога Окделла в порядке все бумаги, он путешествует по поручению Первого маршала Талига, на мориске Ворона и на его же деньги.

– Я не удирал. Хотел, но...

Робер ждал ответа. Дик, оттягивая разговор, зачем-то полез в карман и нащупал треклятое кольцо. Его надо вернуть, никуда не денешься. Юноша вытащил перстень и протянул Иноходцу.

– Что это? – Робер с неподдельным удивлением смотрел на алую каплю.

– Это... это теперь твое... Перстень Чести рода Эпинэ, он сделан еще при Раканах, – Дик нажал золотой зигзаг, кольцо

открылось. – Тут был яд. Если женщина рода Эпинэ вела себя недостойно...

Робер молчал, и Дик осторожно положил кольцо на стол. Страшная вещь.

– Я не слышал, чтобы кто-то из моих предков поил женщин отравой, – тихо сказал Робер. – Я вообще не слышал, чтоб в нашей семье водились отравители. Дураки, это да, это бывало, но отравители...

– Эр Август говорит, это кольцо Эпинэ...

– Кансильер мог ошибиться. Откуда ему знать, что было до Франсиска? Штанцлеры в Талиге недавно... Ладно, Дикон, хватит об этом.

– Робер, ты... ты не возьмешь кольцо?

– Нет.

– Что же мне с ним делать?

Робер ненадолго задумался.

– Знаешь что... Мы его продадим, деньги тебе не помешают.

– У меня есть деньги, – торопливо сказал Ричард.

– Ворон продолжает швыряться золотом, – хмыкнул Иноходец. – Чего он хочет?

– Хочет?

– Если ты не удрал, значит, тебя прислал Алва.

Иноходец не сомневается, что оруженосец привез послание от своего эра. Святой Алан, а что ему еще думать?

– Ну же, Дикон, не бойся. Что бы ни велел передать Во-

рон, ты только посланник. И забери меня Леворукий, если я оскорблюсь или упаду в обморок.

В семье Эпинэ не было отравителей... Робер и помыслить не может, что сын Эгмонта поднял руку на человека, которому присягнул.

– Робер... – начал Ричард, но их прервали самым неожиданным образом. Дверь распахнулась, и в комнату ворвались решительного вида стриженная чернокудрая дама и высокий улыбающийся парень.

– Ну, – выпалил он с порога, – где мой верный вассал?

– Сударь, – пролепетал Дик, лихорадочно соображая, что говорить.

– Я тебе покажу «сударя», – засмеялся вошедший. – Я Альдо, а будешь называть меня иначе – отрублю голову... Когда стану королем.

– Ты стань им сначала, – пророкотала брюнетка, – и вообще, не морочь мальчишке голову. Что ты Ричард, мы уже знаем. Я бабушка этого обалдуя, пока можешь звать меня сударыня, потом разберемся.

Дикон смотрел на людей, о которых столько слышал. Они были еще лучше, чем он себе представлял. Альдо – настоящий принц, красивый, отважный, благородный, а знаменитая Матильда и вовсе чудо. И она не была старой. Матушка в своей серой вуали выглядит старше ее высочества. И Робер, Робер, ставший другом еще в Сагранне, какие они все чудесные, и что он им скажет?! Что пытался отравить Алву,

а тот вышвырнул его из Талига, как паршивого щенка?

– Молодой человек, – рывкнула вдовствующая принцесса, – кончай жаться, твою кавалерию! Робер, Альдо, тащите вино! Пока он не выпьет, так и будет стенку ковырять!

Робер подмигнул Дику и исчез. Раздалось шуршанье, и на стол по скатерти взобралось нечто серое. Крыса!.. Неужели та самая?

– Это Клемент, – заявила принцесса, – приятель Робера.

– Я знаю... – нерешительно произнес Дикон. Разговор о Рокэ и Талиге откладывался, и юноша облегченно перевел дух. Он все расскажет, но позже и сначала только Роберу.

Глава 9

Деормидский залив

399 год К.С. 12-й день Летних Ветров

1

Капитан Джильди поднял трубу, рассматривая бордонскую эскадру. Десять галеасов и несколько десятков галер расположились, словно у себя дома, ублюдки эдакие! С вершины Аллистады открывался прекрасный вид на Деормидский залив до Мбнти-Остро и дальше. Впереди на неподвижной свинцово-серой воде лежало двойное ожерелье из галер и галеасов, а под ногами Луиджи виднелось горло Фельпской

бухты с затаившейся «Справедливостью» и четырьмя малыми галерами прикрытия, которым предстояло подобрать искупивших свои провинности каторжников. Луиджи дорого бы дал за то, чтоб оказаться на брандере, но талигоец был неумолим. На галере пойдут только освобожденные преступники. Присутствие офицера они могут расценить как знак недоверия. Отец же в ответ на просьбы сына лишь рывкнул, что его дело – исполнять приказы и не лезть, куда не просят, сам же он не лезет...

В глубине души Луиджи не сомневался – родитель мечтает о том же, что и сын. Вернее, почти о том же. Больше всего на свете адмирал Фоккио хотел поквитаться с «Морской пантерой». Отец не успокоится, пока не отомстит за свои галеры. Луиджи хотел того же, и еще он хотел найти черноглазую девушку, сопровождавшую Зою Гастаки. Сын адмирала видел ее всего несколько минут, но успел понять, что другой такой нет и быть не может. Если морской бог будет милостив, он обязательно встретит свою красавицу, только бы талигойцу удалась его затея!

Капитан Джильди навел трубу на вожденный галеас, крайний во втором, внешнем ряду. На «Пантере» все было спокойно, украшенный вздыбившейся кошкоровой нос смотрел в сторону Монти-Остро, из-за которой к осени должны показаться талигойские линеалы. «Дельфины» полагают, что мачты они заметят издали, ну-ну...

Скрывшие небо облака лишь усиливали проклятую жа-

ру – отсутствие солнца с успехом замещала духота, не исчезающая даже ночами. Луиджи очень надеялся, что бордонские вахтенные злятся на весь белый свет, а не таращатся на фельпские скалы. Капитан не удержался и глянул вниз, на «Справедливость». Сколько каторжников уцелеет после безумного броска? Полсотни? Три десятка?

– Как бы они с секретом не напутали, – громовой шепот заставил молодого моряка вздрогнуть. Ну разумеется, Варóтти! Младший боцман отличался недюжинной силой и чудовищным басом, но не сообразительностью. С утра ему приказали говорить тихо, и он говорил. Как мог.

– Спокойно, Уго, на «Справедливости» есть толковые парни. Они все сделают, как надо.

Сделают ли? Вдруг напутают и сорвут печати раньше времени. Глупости, тут ребенок и тот не ошибется. Но каков Алва – рискнуть секретом, за который Гайифа выложит горы золота.

Джилди видел плоский изящный ящичек и даже держал в руках. Стоит сорвать печати – и через восемь с половиной минут взорвется весь порох, находящийся ближе чем в сотне бье от выдумки генерала Вейзеля. Правда, он должен храниться в мешках или в чем-то деревянном. Луиджи побывал в трюме «Справедливости» и лично уложил друг на друга бочонки с лучшим порохом. Потом вниз спустился Вейзель, все осмотрел и запечатал своей личной печатью, он был последним посторонним на галере. Каторжники выбрали себе

капитана – одноухого Лоренцо; он кажется недурным моряком и честным человеком. Талигонец обещал каждому уцелевшему сотню таллов, они с отцом прибавят еще по сотне, и все равно смотреть, как другие уходят на смерть, стыдно!

«Справедливость» вразнобой шевельнула веслами: гребцы занимали свои места, задрожала и поползла вверх якорная цепь. Ожили и четыре замаскированные под брандеры посудыны: если они не оплошают, то успеют подобрать бросившихся за борт, а дальше как карта ляжет. Таранить брандер никто в здравом уме не станет, но свою порцию ядер и бомб спасатели получают. Капитан перевел взгляд на ближайший галеас. «Вечный воин»... Не пройдет и часа, как бордон отправится в Закат постигать эту самую вечность, а эскадра развернется к бухте, ожидая следующего подвоха.

– Сударь, – проревел Варотти, – сударь, дозвоьте спросить, мы не припозднимся? Эти вон небось выходят.

– Нет, – бросил Луиджи и невольно усмехнулся: «Влюбленной акуле» еще ждать и ждать. Укрывшиеся в бухте галеры вступают в бой последними.

– Выходят, – изнывал боцман, – только этих зубаньих хвостов здесь не хватало! Как есть нагадят. Че ж вы не отговорили синеглазого-то? Чего он в каторжных мордах понимает? Гады они...

– Помолчи! – прикрикнул Джильди. Не объяснять же туловатому служаке, что каторжники – тоже фельпцы, а в беду может угодить каждый. Жаль, Уго не слышал талигой-

да и не видел, как горели глаза каторжников. Отец, тот сразу спелся с Алвой, а Луиджи до позавчерашнего дня его недолюбливал. Иноземный маршал казался высокомерным и злым, но это было маской, которую чужак сбросил на каторжном дворе...

– Есть помолчать, – отрапортовал Варотти и добавил: – Никак, пошли, убивцы эдакие, помогай им Создатель.

«Справедливость» медленно и осторожно, словно лиса из норы, высунулась из каменного горла. Ей предстояло, прижимаясь к береговым скалам, поравняться с «Вечным войном», резко развернуться и броситься на добычу. Из неказистой на первый взгляд галерки, по словам мастера Уголино, можно было выжать до трех нудо²⁷, но бывшие каторжники насилу вытягивали два с хвостиком²⁸.

Луиджи сжал кулаки – теперь остается только молиться и ждать. Брандер вновь появится в поле зрения, лишь бросившись в атаку. Разрубленный Змей, хоть бы ветерок подул! Нет, он воистину придурок: штиль – их союзник, штиль и серые тяжелые облака.

– Что делают, гады! – рявкнул внезапно позабывший о необходимости соблюдать тишину Уго. – Что делают... их за ногу через пушку под... и сверху!

Луиджи торопливо поднял трубу и увидел «Справедливость». Она была совсем не там, где ей надлежало быть, со-

²⁷ Около девяти узлов.

²⁸ Около семи узлов.

всем не там! Очень медленно, давая себя рассмотреть, брандер полз по гладкому серому морю, и на мачте его трепыхался серый флаг²⁹.

– Стрелить бы их сейчас, сукиных детей, – пробормотал Уго. Это было бы неплохо, но предатели знали, где повернуть. «Справедливость» вылезла там, где от стерегущих горло бухты пушек ее прикрывала пятнистая Коровья скала. Сделать было ничего нельзя, оставалось наблюдать, как на галерах внутреннего ряда засуетились лазоревые фигурки, затем бухнула пушка, от основной эскадры оторвались две галеры и рванулись к «Справедливости» со всей скоростью, на которую были способны. Каторжники остановились, беспомощно подняв весла и явно давая понять, что не собираются ни бежать, ни сопротивляться.

2

– Предатели, – Муцио Скварца от возмущения аж задохнулся, – подлые предатели!

Рокэ поднял зрительную трубу и какое-то время созерцал происходящее. На породистом лице не читалось ничего, кроме ленивого любопытства. Вот это самообладание! Марсель едва не заорал во весь голос, когда галерные рабы, которых избавили от цепей, предали своих избавителей и перебежа-

²⁹ Серый флаг в эсператистских странах означает готовность сдаться на милость победителя.

ли к врагам. Подлецы. Подлецы и мерзавцы! Рокэ опустил трубу и потянулся.

– Муцио, утешьтесь тем, что в данном случае у нас совершенно чистая совесть. Мы дали заблудшим овцам шанс. Сдержи наши каторжные друзья слово, они получили бы не только свободу, но и золото. Увы, грешники предпочли броситься в объятия врагов своего отечества. Что ж, это их право и их выбор. Некоторые свое отечество терпеть не могут...

– Не понимаю вашего проклятого спокойствия. Все летит к Леворукому, а Титус с Кимарозой нас со свету сживут. Если мы, разумеется, вернемся. О том, что «дельфины» узнают секрет Вейзеля, я молчу.

– Вейзель нас простит, а все тайное рано или поздно становится явным, – пожал плечами Алва. – Любопытно, о чем сейчас думает бордонский адмирал.

– Что ему повезло, а мы с вами оказались слепее тапонов³⁰. Проклятье, как представляю себе рожу Кимарозы!

– Я б на вашем месте представил себе что-то более приятное. Возлюбленную там или розовую киркореллу. О, глядите-ка, причаливают, или как это у вас называется?

«Справедливость» и конвоирующие ее галеры уже добрались до флагманского галеаса. Валме с отвращением наблюдал, как корабль-изменник, отведя весла, словно крылья, на-

³⁰ Слепое, похожее на крота животное, ведущее подземный образ жизни. Питается корнями растений, а от врагов защищается при помощи пахучей железы.

зад, подходит вплотную к высокому борту. Виконт глянул на Рокэ – тот невозмутимо созерцал происходящее, хотя ему наверняка было досадно. А еще говорят, Алва видит всех насквозь, над всем издевается и никому не верит.

Марселю стало жаль просчитавшегося герцога, и он торопливо отвел глаза. После этакой подлости и впрямь впору стать человеконенавистником, а уж какой вой поднимут на берегу! Муцио прав, этот просчет им не забудут, даже если он будет единственным.

Раздавшийся грохот вернул виконта на грешную землю, вернее, в море. На месте предавшего брандера клубился огненный смерч, в котором угадывались какие-то обломки и человеческие фигурки, и это было только начало! Огненные кошки перемахнули на галеры сопровождения и бордонский флагман, уши виконта заложило от череды взрывов, причем каждый последующий был сильнее предыдущего.

Горящие обломки летели во все стороны и ливнем рушились вниз, борта флагмана развалились, горящая палуба неожиданно и глупо прыгнула вверх, на лету лопнула, и к серому небу вскинулась огненная стена. «Справедливость» и три бордона слились в единый закат, а спокойная водная гладь словно взбесилась: рожденные взрывами водяные холмы для начала столкнулись, разлетевшись хлопьями пены, а затем помчались в разные стороны, настигая друг друга и образуя водовороты.

Там, где минуту назад возвышался бордонский флагман,

крутилось что-то несусветное, волоча обломки мачт, весел, кусков обшивки, сам же корабль исчез, и с ним вместе исчезли брандер-убийца и две сопровождавшие его галеры. Еще одна, оказавшаяся поблизости, сорвалась с якорей и налетела на другую, проломив фальшборт и переломав весла. Каторжники сдержали слово! Нет, они сделали больше, много больше! Отправили в Закат флагман и погибли. Все до одного, потому что уцелеть в разверзшемся кошмаре не мог никто!

3

Проклятье! Тысяча проклятий! Закат и все его твари! Якорь в задницу дураку Пасадакису! Она сразу поняла, что дело нечисто, а этот мужлан слопал приманку и не чихнул. И что вышло?! Флагман и две галеры взлетели на воздух, а «Красная роза» протаранила «Гончую смерти», и все из-за тупиц-капитанов. А другие небось раззявили рты и напустили полные штаны! Чего еще от них ждать?!

Зоя Гастаки одернула лазоревый камзол и проревела:

– Поднять флагманский штандарт! Принимаю командование над эскадрой.

– Госпожа, – разинул пасть Спиро, – госпожа! После адмирала Пасадакиса старший капитан-адмирал Ватрахос.

– Акуле под хвост Ватрахоса! – Ватрахос?! Какой Ватрахос? Этот придурок еще тупей Пасадакиса! – Гром и мол-

ния! Поднимай флаг, якорь тебе в задницу! Поликсена!

Поликсена уже бежала, держа в руках шитый золотом флагманский штандарт, заботливо припасенный Зоей. Пасадакис был достаточно глуп, чтоб погибнуть, и капитан Гастаки заранее приняла меры, но она не ожидала, что тупица освободит место так скоро!

Флаг с коронованным дельфином рывками пополз вверх, а пушки правого борта разом грянули, привлекая внимание эскадры. Зоя Гастаки приняла командование.

– Мой капитан, – захлопала глазами Поликсена.

– Адмирал! – рывкнула Зоя. – Адмирал, проглоти тебя сардина!

– Мой адмирал, – у дурехи глазенки на мокром месте. Нашла время! Нет, положительно у пигалицы совершенно не воинский вид! Надо взять себе Агапэ – уж ее-то олененком не назовешь! Адъютантом адмирала должен быть тенъент, а Поликсене найдем что-нибудь полегче и побезопасней, мало ли...

– Мой адмирал... Ватрахос тоже... поднял флаг. И Зóрбас!

Из горла Зои вырвалось рычание. Еще немного, и она бы приказала «Пантере» открыть огонь по «Сердцу волн», на котором засел подлый Ватрахос, но кошкин сын Спиро завопил дурным голосом:

– Брандеры!

И впрямь из бухты выскочили четыре малые галеры! Зоя

сплюнула, лихорадочно собираясь с мыслями. Происходящее ей не нравилось, совсем не нравилось! Фельпский адмирал, сожри его акула, воюет не по правилам! Кто же бросает в бой одни брандеры?!

– Мой капитан! – Рожа Ксантиппы была зеленой; тоже мне, старший тенъент! – Мой капитан... Они нас сожгут!

– Дура! – Зоя отвесила трусихе оплеуху. – Ты на войне, а не в погребе!

Ксантиппа, продолжая завывать, отлетела к борту, навалившись на Ариадну с Латоной, те обнимались, но хотя бы не вопили! А еще Поликсена! И чего уставилась?!

– Мой адмирал!.. Мой адмирал, мы их отгоним?

– Заткнись!

На юте взвыла труба, внизу зло и часто заухал барабан. Галеас дернулся – Спиро, кошащее отродье, не дождавшись приказа, велел поднять якорь и развернуться бортом к брандерам. Дуболом прав – брандеры нужно топить на расстоянии, не дожидаясь, когда тебя отправят к Пасадакису. Это даже морскому ежу ясно, а боцман все ж поумнее, но после боя она ему покажет! Дело Спиро – повиноваться, а не самовольничать. Сейчас, допустим, он угадал! А в следующий раз? По милости этого недоумка кормить омаров?!

– Поликсена! Приказ гребцам и канонирам. Разворачиваемся и открываем огонь!

«Морская пантера» изготовилась к бою – брандеры подойдут на выстрел и отправятся в Закат. Зоя одернула кам-

зол (проклятье, вечно он топорщится) и проверила, как ходит в ножнах абордажная сабля. Если Спиро посмеет первым скомандовать «огонь», она своими руками отправит его к зубанам!

4

В десять утра на нос флагманского «Ызарга» спрыгнул Дерра-Пьяве.

– Арчини пошел! – весело проорал коротышка. Судя по всему, говорить тихо он не умел.

– Молодец, – кивнул Муцио Скварца, – сейчас он их развернет!

– Должно быть, прелюбопытное зрелище. – Рокэ поправил стягивающую волосы косынку.

– Монсеньор, – Скварца выглядел несколько смущенным, – не лучше ли вам и вашим людям сойти на Монти-Остро?

– Хуже, – отрезал Алва. – Впрочем, погодите! Марсель, Герард, вы умеете плавать?

– Да, Монсеньор! – Юный Арамона хотел что-то добавить, наверняка попросить оставить его на борту, но сдержался.

– А вы, Марсель?

– Разумеется. У меня нет ни малейшего желания пугать здешних киркорелл.

И зачем только он врёт? Глупость какая...

– Отлично, мы остаемся.

– Но...

– Успокойтесь, Муцио, это не первый абордаж в моей жизни.

– Разрубленный Змей! – Дерра-Пьяве от восторга хлопнул себя по бедру. – Здорово вы нас надули! «Не моряк, не моряк...»

– Я и впрямь не моряк, – засмеялся Алва, – и понятия не имею, что делать с этими вашими галсами и нудо. Вот абордаж – это по мне!

– Прошу простить мое любопытство, – церемонно произнес Скварца, – где и с кем вы ходили?

– О, далеко от здешних мест, – Алва неопределенно махнул рукой, – и очень давно... «Каммориста»...

– «Императрикс»?! – выдохнул Дерра-Пьяве.

– Да, – кивнул Алва. – Теньент Рубен Аррохадо к вашим услугам.

– Что б я лопнул! – маленький капитан задыхался от восторга. – «Каммориста», раздери меня... на... к зубаньей бабушке!

– И вы молчали! – в голосе Муцио был укор.

– Мы с Альмейдой не афишировали мое присутствие, – глаза маршала подернулись мечтательной дымкой, – соберано Алваро нас бы не понял. Потом, увы, мне стало не до моря, но я рад потряхнуть стариной.

– Разрубленный Змей! – Дерра-Пьяве разве что не пля-

сал. – Человек с «Каммористы» на моем корабле! Ну, теперь удаче не отвертеться! Ох и зададим мы «дельфинам»!

– Вы б и без меня задали... – Алва вытащил из-за пояса фляжку, хлебнул и передал капитану: – За удачу и морского бога! Эномбрэдастрапэ!

– За удачу! – Коротышка присосался к угощению, став еще счастливей, чем минуту назад, хотя это было трудно!

– За удачу! – Скварца принял изящную вещицу из капитанской ручки. Молодой адмирал был серьезен и немногословен, и Валме вновь стало неуютно. Он дурак, но отступать поздно. Ничего, может, эта «Каммориста» и впрямь приносит удачу. Виконт взял протянутую ему фляжку и молодецки хлебнул. Вино! Отменное, хотя иного у Ворона не водится!

– За удачу! – Под руку подвернулся старший канонир, Марсель сунул выпивку ему и внезапно заметил витиеватую надпись: «Каммориста, 383». Канонир благоговейно принял реликвию. Не пройдет и пяти минут, как весь «Ызарг» узнает, что Рокэ Алва был среди безумцев, отправившихся на охоту за «Императрикс» и добывших таки линеал-призрак. Но кто б подумал, что Ворон когда-то кого-то боялся... Впрочем, про собрано Алваро рассказывали всякое.

– Пора, – сказал Муцио. И тут же раздался ликующий рык Дерра-Пьяве, и над кораблем взметнулся черный флаг с кривоногой волосатой змеюкой и огромной единицей. Матросы бросились выбирать якорь, грянули литавры, загребные навалились на весла. «Первый» выскочил из укрытия и понес-

ся на развернувшихся к Арчини бордонов.

– Боцман!

– Здесь боцман!

– Быстрее!

Отбивающие такт литавры заухали чаще, весла в уключинах заворочались живее, раздался отвратительный скрежет.

«Ызарг» шел ровно и стремительно, так стремительно, что кормовой флаг с кривоногой тварью реял, словно на ветру. Расстояние между фельпсами и лихорадочно разворачивающимся в обратную сторону врагом стремительно сокращалось.

– Боцман! – ревел Дерра-Пьяве.

– Здесь боцман!

– Фитили запалить!

– Фитили горят!

– Готовься!

Канониры вцепились руками в лафеты, ожидая последней команды.

– Идемте, Марсель, – бросил Рокэ. – Наше дело абордажное, на носу нам делать нечего.

Валме кивнул. В брюхе детища мастера Уголино было еще жарче, чем снаружи. Еще бы, в наспех сколоченную лоханку набилась уйма народа. Марсель угрюмо оглядел гребцов и абордажную команду. Наверняка плавают, как рыбы, а он не то чтоб совсем не умеет, но предпочел бы обойтись без купания. И чего это его разобрало?! Ведь можно было остано-

ся! Но теперь никуда не денешься...

С гребцов лил пот, галерный юнга и неизбежный Герард метались между банок с ведрами и кружками; абордажники обливали гребущих морской водой. Казалось, весь мир заполонили удары литавр, скрип уключин и ритмичные крики:

– Весла – вниз! Весла – сушить! Весла – вниз! Весла – сушить!

5

В море творилось Леворукий знает что, но Карло Капрас Леворуким не был. Не был он и моряком, однако селедка и та бы поняла, что Пасадакис проспал все на свете. Ставший привычным строй галер и галеасов был смят, по взбаламученному заливу плавали какие-то обломки...

– Что происходит? – дурацкий вопрос. Откуда пехотному офицеру знать, что учудили моряки?

– Точно неизвестно, господин маршал. – Полковник Гурунопуло выглядел растерянным. – Что-то взорвалось, поднялась волна и разбросала корабли, а две галеры столкнулись.

– Не было печали! – Капрас с ненавистью глянул на полосатую скалу, где был устроен наблюдательный пост. Лазать по камням маршал не любил, но надо же посмотреть – чужие глаза своих не заменят.

Главнокомандующий объединенной армией вполголоса выругался и полез наверх. Кто же взорвался? Хорошо

бы «Пантера»! Если это и впрямь она, маршал Капрас простит корове все, тем более Зоя изрядно его выручила в истории со стеной. Карло отписал в Бордон, что был вынужден предпринять штурм под давлением сестры дожа Гастаки, каковая ссылалась на требования брата. Если стерва потонула, на нее можно свалить еще больше. Любопытно, что у «дельфинов» стряслось, наверняка какой-то урод полез в крюйт-камеру с открытым огнем.

От размышлений Капраса отвлек мчавшийся навстречу тенъент. Бездельники залюбовались взрывами и лишь теперь вспомнили, что положено докладывать старшим.

– Что случилось? – рявкнул Карло.

– Господин маршал, – обрадовал посланец, – эскадра атакована неопознанными судами странного вида!..

Гайифец бросился наверх, на ходу вытаскивая зрительную трубу. С площадки открывался прекрасный вид на бухту и то невообразимое, что носилось меж галерами и галеасами. «Странного вида» – это было мягко сказано! Серые, шипастые, лишенные мачт уродцы плевались ядрами и нагло пытались протаранить противника, а здоровенные корабли вертелись, как слоны на сковородках, стараясь не подпустить к себе непонятных паршивцев.

Это было странным: Капрас, при всей своей сухопутности, знал, что борт галеаса никакому ядру не пробить, зато плавучая крепость с ходу раздавит любую галеру. Маршал поймал в окуляр разворачивающийся корабль и сплюнул.

«Пантера», цела-целехонька, чтоб ее! Мало того, на мачте флагманский флаг! Зоя что, вконец сдурела? И где, Леворукый его возьми, Пасадакис?!

Беглая ревизия галеасов показала, что адмирал скорее всего кормит зубанов. Зато маршал заприметил еще два флагманских флага и расхохотался. Морская королева захотела в адмиралы, как же без нее! Но кто еще? Ватрахос, это понятно, а вот второй? Спирос? Вроде нет... Карло подкрутил колесико окуляра, стали видны лазоревые фигурки. Одни метались по палубам, другие лежали неподвижно. Убиты? Бред. На галеасах гибнут редко. В прошлом сражении отправилось в Закат с полсотни надорвавшихся гребцов, и все.

Маршал зазевался и не заметил, как на палубе одной из галер вспыхнул огонь. Дурак канонир случайно поджег порох? Но что тогда творится с гребцами на соседней галере? И еще на одной!

Вывод был очевиден, но иногда не верить своим глазам проще, чем верить. Капрас опустил трубу и оглянулся на растрепанного Сфангатиса:

- Вам не кажется, что «серые» ведут навесной огонь?
- По-видимому, – подтвердил начальник штаба. – Мортира может стать весьма действенным средством против галеасов, хотя точность стрельбы вызывает удивление.
- Николаос, вы даже исповедуетесь казенным языком?
- Я давно не исповедовался, – совершенно серьезно отве-

тил начальник штаба, – и это очевидное упущение. Я надеюсь его исправить сегодня же, ведь адмирал Пасадакис предстал пред Высшим судом без исповеди.

Глава 10

Деормидский залив

399 год К.С. 12-й день Летних Ветров

1

Литавры продолжали отбивать такт – тройки моряков дедали вдох и поднимали валец, весло опускалось в воду, гребцы откидывались назад, «ызарг» рвался вперед. Обнаженные спины взмокли от пота, из глоток вырывался то ли хрип, то ли рычание. Воистину – каторга, но матросы с потопленных бордонами галер сели за весла добровольно! Марсель подумал, что его мстительность так бы далеко не зашла.

Мимо пронесся Герард со своим ведром. Мальчишка все забегался, светлые волосы прилипли ко лбу, но расстаться с мундиром было выше его сил. Не то что Рокэ! Полуодетый Алва с туго стянутыми косынкой волосами и двумя клинками у пояса вполне мог сойти за багряноземельского корсара. Валме представлял морисских головорезов именно так, но проверять свою правоту на личном опыте не имел ни малейшего желания. Он и без того наделал глупостей, свя-

завшись с кэналлийцем, Ворон морискилле не товарищ!

Пока, впрочем, все было в порядке, если, разумеется, не считать жары и заполонивших корабль ароматов! Валме задыхался в кислой пороховой вони, перемешанной с запахом пота и плохо выделанных кож. Виконту очень хотелось пройти на нос, где и дышать полегче, и можно оглядеться, но его место было рядом с Рокэ, а Первый маршал Талига невозможно сидел среди абордажников – ни жара, ни вонь его не трогали.

По кожаной броне то и дело что-то било, и Марселю это ужасно не нравилось. А вдруг «дельфины» не поверят, что торчащие из брони колья вымазаны ядом? Конечно, прыгнуть на «ызарг», ни на что не напороться и не свалиться сможет разве что акробат. И все равно абордаж виконта совершенно не вдохновлял.

На носу, или как это называется у моряков, взвыла труба.
– Ложись! – проорал капитан.

– Сейчас как долбанем! – весело шепнул щербатый абордажник, растягиваясь на мокрых досках. Валме плюхнулся рядом, в очередной раз проклиная себя за неуклюжесть и несусветную глупость. И что ему понадобилось в этой мышеловке? Что ему вообще понадобилось на войне? Если на то пошло, в отчем доме не так уж и скверно, по крайней мере там не утонешь.

– Правый! Весла вдоль! – рявкнул боцман. Гребцы согласно дернулись, прижимая весла к борту. Сверху вновь за-

стучало – часто-часто, словно град. Литавры вовсе взбесились, хриплые выдохи гребцов напоминали об удавленниках. «Ызарг» вздрогнул, раздался жуткий хруст, растянувшийся на целую вечность. Если б они не лежали, точно бы повалились друг на друга!

Марсель с опаской глянул направо, ожидая, что там окажутся жуткие пробоины, но увидел лишь уключины, в которых ворочались весла, и кусочки света прорезанных в броне амбразур. Смолкшие было литавры вновь взялись за свое, щербатый, поднимаясь, придавил Валме полу мундира. Снять? Жарища, как в Закате!

Приглушенно рывкнули носовые орудия, запели дудки, весла сбились с ритма и надсадно закрипели. Валме понял, что «ызарг» разворачивается. Сколько это еще продлится? Закатные твари, он сейчас околет!

2

Из-за Монти-Остро выскочило нечто серое, низкое и колючее! И не одно! Зоя подняла трубу, разглядывая невесть откуда взявшиеся чудища. Вблизи они оказались еще гаже! Наверняка мориски: эсператисты, даже фельпские, на такую погань не полезут! Негодяи шустро приближались, стали видны черные флаги с огромными цифрами и какими-то тварями, похожими на змей с ногами. Флаги развевались, и твари извивались, словно живые... Мерзость!

Запела труба сигнальщика, и «Пантера» начала разворачиваться бортом навстречу серой пакости! Дурак Спиро! Эта дрянь против галеаса – тьфу, а он из-за нее задницу брандерам подставляет.

– Поликсена!!!

– Мой адмирал, – Шлем съезжал девке на глаза, и она отчаянно трясла головой.

– Разворачивай назад. Наше дело – брандеры!

Поликсена замахала ручонками и умчалась. Зоя обеспокоенно глянула на поджигателей. Проклятые галеры по-прежнему болтались под прикрытием береговых батарей! Мерзавцы, это они нарочно! Ждут, когда эскадра заглядится на плоских уродов! Как бы не так! Она не на кошке скачет! Пусть Ватрахосу подпалят задницу, не жалко. А она не поддается!

«Пантеру» потрянуло, раздался скрежет – огромный галеас возвращался на прежнюю позицию.

– Мой капитан!

– Адмирал, твою... – взревела Зоя, – адмирал!

– Мой капитан, – глаза Спиро зло блеснули, – брандеры не настоящие, они просто пугала!

– Дурак! Что ты понимаешь?!

– Мой капитан...

– Я приказываю! – сестра дожа топнула ногой. – Я! Убейся, якорь тебе в задницу! Не уймешься – повешу!

На палубу грохнулась граната, завертелась. Спиро саданул

Зою по колену, капитан кубарем покатила по смоленным доскам, что-то гроыхнуло, над головой свистнуло. Боцман вскочил и с воплем:

– Разворачивай, зажри тебя зубан! – помчался на гребную палубу. Зоя, проклиная все на свете, бросилась к борту и увидела, как серая тварь, плюнув огнем, развернулась и рванула вдоль «Бордонского льва», ломая ему весла боковым тараном. Слишком близко для больших орудий, а мушкетные пули не причиняли гадине никакого вреда. Разрубленный Змей, Спиро был прав! Пока они дергались, гады ворвались в строй эскадры, вообще не попав под обстрел.

Тварь обогнала галеас Зорбаса, на борту которого что-то рвануло, и бросилась на «Меч Бордона». На «Мече» тревожно взревели трубы, подгоняемые кнутами гребцы налегли на весла, грянул выстрел, тварь ответила, на галере запылало. Горящий корабль скрылся за Зорбасом, бестолково болтавшимся на взбаламученной воде – весла правого борта были сломаны и перепутаны! Так и надо! Захотел во флагманы?! Получи!

Из-за «Счастливой звезды» выскочили аж три гадины; встречая врага, ухнули пушки «Пантеры». Вразнобой. Тоже мне, канониры! Придурки косорукие! Одно ядро шлепнулось между тварями, второе срикошетило от воды, садануло по серому чуть выше ватерлинии и отскочило, а невредимая сволочь только наддала ходу.

Прискакала Ксантиппа, теперь рожа первой помощницы

была красной.

– Зоя!

Ну и дура! Вовсе обалдела со страху!

– Адмирал! Слышишь, ты?! И утри слюни!

– Зоя! Это нечисть... Мы утонем. Нужно сдаваться!

– Что? – рывкнула Зоя. – Не слышу!

– Сдавайся! Серый флаг... Иначе конец!!!

Зоя выхватила пистолет и разрядила в орущую пасть. Именно так в битве при Кавале поступил победоносный Юлиан.

– Поликсена!

Проклятье, где эта козявка?!

– Поликсена!!!

– Мой адмирал!

– Найди Агапэ! Пусть возьмет десять, нет, двадцать солдат. – Иногда дельные вещи приходят в голову и мужчинам. Тому же Юлиану. – Трусов и предателей убивать на месте.

Над головой свистнуло. И еще, и еще... Совсем рядом прозвучал взрыв, сверху посыпалась какая-то дребедень. «Пантера» начала рыскать, ядра пропали зря. Уворачиваясь от сухого дождя, Зоя оступилась, грохнулась на палубу, сверху навалилось что-то худосочное. Закатные твари! Поликсена! Сбесилась?!

Протопали чьи-то ножищи, один за другим ахнули два выстрела. Зоя Гастаки отшвырнула вцепившуюся в нее дуреху и поднялась, занял правый бок. На мгновение пальба

прекратилась. Стало слышно, как Спиро гонит канониров к пушкам.

– Мой адмирал! Вы не ранены?

Девчонка пыталась прикрыть ее собой! Этого еще не хватало!

– Тысяча акул, моя пуля еще не отлита! А вот ты, укуси тебя сардина, поосторожней, ты мне живой нужна.

Поликсена счастливо улыбнулась, ее шлем съехал на самый нос. Котенок эдакий!

На борту Зорбаса рвался порох, мачта и снасти уже горели, лишенный половины весел галеас болтался, как цветок в луже. Возле борта закрутилась, плюясь огнем, бомба, матрос набросил на нее мокрую шкуру. Не забыть его наградить – из жалованья Ксантиппы.

Зрительная труба куда-то задевалась, а палубу и море затягивал пороховой дым. Спиро привел канониров в чувство, и «Пантера», наконец, огрызнулась всеми пушками. Украдкой потирая правый бок – еще подумают, что она ранена, – Зоя глянула вправо. Там крутилась воронка, в которой мелькали обломки, чуть дальше галеас Ватрахоса добивал серую тварь. Выкрутился, мужлан поганый! Зоя сплюнула.

3

Теперь орудия говорили уже с обеих сторон. На «Красе Бордона», «Пантере», «Страстном пилигриме» было нема-

ло хороших пушек и умелых канониров. Первые ядра либо падали в море, либо отскакивали от колючих серых шкур, но твари обнаглели, за что и поплатились. «Сердце волн» дождался, пока чудища подойдут на пистолетный выстрел, и лупанул из всех пушек правого борта. Несколько ядер пробили борт чуть выше ватерлинии, без сомнения, уложив невидимых гребцов, и тут же канониры с «Пилигрима» зацепили еще одного мерзавца. Понемногу все приходило в порядок, хотя бомбы и ядра продолжали громить эскадру, она больше не напоминала стадо овец, на которое напали мелкие степные волки.

Капрас повернулся к начальнику штаба:

– Что скажете?

Сфангатис пожевал губами и неторопливо произнес:

– Насколько я понимаю, то, что мы видим, – новое слово в морской стратегии. Кто-то весьма удачно перенес на воду то, что Рокэ Алва применил во время прошлогодней кампании на Дарамском поле. Не исключаю, что по совету самого маршала. Он слишком деятельный человек, чтобы просто дожидаться подхода армии.

– Не могу сказать, что это меня радует, – буркнул Капрас.

– Но это оправдывает нас. – Николаос Сфангатис опустил трубу. – Когда вы и я соглашались принять экспедиционный корпус, нам не сообщили, что оборону Фельпа возглавит Первый маршал Талига. Мы это узнали совсем недавно, причем от наших людей в городе. Не удивлюсь, если его ве-

личество до сих пор уверен, что Алва появится не раньше осени.

Начальник штаба прав. В Паоне допускали, что осенью на помощь Фельпу придут талигойский флот и одна из армий, но не то, что объявившийся среди лета Кэналлийский Ворон поставит все с ног на голову! Что ж, сами виноваты, пусть спрашивают со своих шпионов. Карло Капрас вновь прильнул к окуляру. Битва, если происходящее безобразие можно было так назвать, продолжалась. Впрочем, за разгром флота они со Сфангатисом не ответчики.

– Николаос, что вы думаете об этих... – Карло запнулся, подыскивая подходящее слово, – об этих судах?

– Морисские штучки, – голос генерала оставался бесстрастным. – Налицо предварительный сговор с кэналлийцем. Нашим адмиралам придется поломать голову над тем, что противопоставить новой тактике, иначе Померанцевое море можно будет переименовывать в Морисское. Увы, мы живем в мире, который меняется быстрее, чем наша стратегия.

– Пожалуй, – согласился Капрас, наблюдая за серой уродиной, рванувшей в промежуток между двумя бордонскими галерами. Маршал не сразу понял зачем, но когда тварь развернулась и отскочила вбок, стало видно, во что превратились весла бордонов. Тот, кто снабдил чудища носовыми и кормовыми насадками, знал, что делает. Впрочем, знал, что делает, и капитан Ватрахос, нашедший управу на колю-

чих наглецов. Карло с удовольствием наблюдал, как галеас неожиданно подался назад и буквально раздавил зазевавшуюся тварь. Чужаки были верткими, наглыми и быстрыми, но они зарвались. Две галеры ринулись наперерез еще одному ублюдку, гоня его к «Страстному пилигриму», капитан понял замысел и развернул галеас, замыкая ловушку. В ближнем бою использовать тяжелые орудия невозможно, но это и не нужно.

Серая тварь растерялась и послушно рванулась туда, куда ее загоняли. Даже слишком послушно. Когда до «Пилигрима» оставалось всего ничего, мерзавка попыталась вывернуться и всадила таран в борт галеаса, намертво прицепившись к гиганту. Взвился огонь. Брандер! Закатные твари, брандер! Моряки «Пилигрима» баграми и шестами пытались оттолкнуть поджигателя, но пламя разгоралось стремительно, норovia перепрыгнуть на галеас.

Первыми бросили пушки канониры: дым и пламя застилали порты, мешали целиться, да и в кого стрелять? Не в брандер же! Галеры-загонщицы шарахнулись от полыхающего уroda и столкнулись аж с тремя тварями. Грянул залп, первая из незадачливых охотниц получила две пробоины, накренилась, черпнула бортом и стала тонуть. Другая, с разбитым рулем и переломанными веслами, беспомощно затрепыхалась на серой воде.

Ядро вдребезги разнесло руль «Радостной встречи», галера забила веслами в тщетной попытке развернуться, следующий выстрел подорвал порох возле носовых орудий.

Так стрелять нельзя! Люди просто не могут так стрелять, это магия. Подлая магия! Зоя Гастаки с ненавистью топнула ногой, провожая взглядом исчезающую в пороховом дыму тварь.

На мушкетный огонь гады плевали, пушки тоже помогали мало, одна радость: Зорбасу уже никогда не быть флагманом. Но какой от этого прок, если отправишься на дно следом?!

Грохнул выстрел, Зоя оглянулась: люди Агапэ пристрелили какого-то труса. Подгоняемые плетью матросы заливали огонь, рубили тлеющие, перепутанные снасти. И все равно пламя то тут, то там поднимало голову.

– Мой адмирал, – доложила запыхавшаяся Поликсена, – сломано восемь весел... С левого борта... Надсмотрщики наводят порядок... Им нужно четверть часа...

Зоя выругалась. Четверть часа! Пока уроды чешутся, остается одно – стрелять. Это не бой, а бред, подлость, безобразие! Все шло не так, как положено: непонятные корабли носились как очумелые, стреляли, ломали весла, били по корпусам, а после взрывались не хуже брандеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.